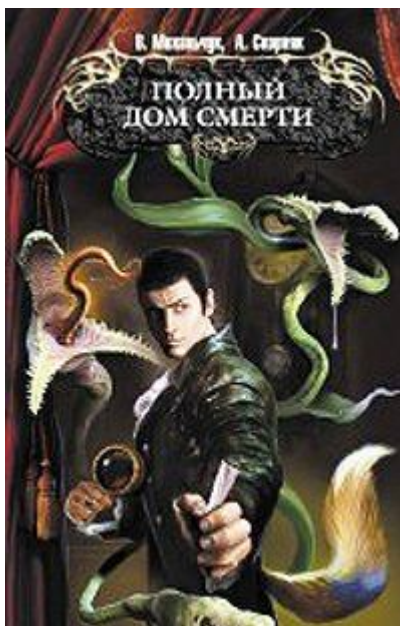

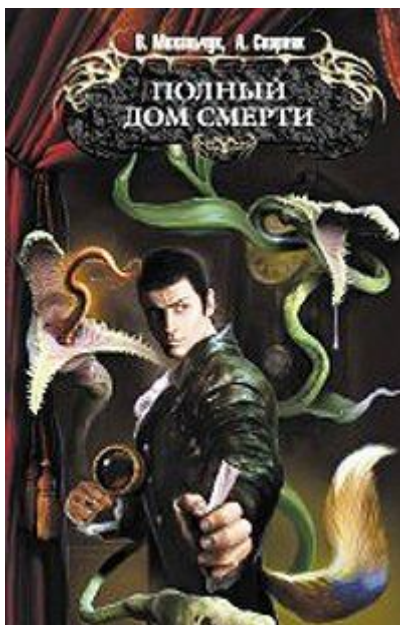
**Владимир, Михальчук Александр Скорняк
Полный дом смерти**

Ходжа Наследи — частный детектив — 1

**Михальчук Владимир, Скорняк Александр Полный дом смерти
(Ходжа Наследи – частный детектив – 1)
Роман: Детектив, Фэнтези, Юмор**

Аннотация:

**Владимир Михальчук, Александр Скорняк
Полный дом смерти
(Частный детектив Ходжа)**

Посвящение от Владимира Михальчука:

Посвящается всем друзьям, которые остались ими в трудную минуту.

Моей замечательной жене, дочери и сыну.

Знайте, что бы ни произошло – я всегда буду с вами. А книги останутся напоминанием.

Также посвящается Глену Куку и его харизматическому Гаррету. Именно книги Глена Кука подвигли меня к написанию чего-то подобного. И уверяю вас, параллелей здесь нет, кроме того, что главный герой – детектив в фантастическом городе с мифическим антуражем.

Посвящение от Александра Скорняка:

Всем добрым людям посвящается. А также всем своим, пусть даже недобрым:-)

Пролог

Знакомство – весьма непредсказуемая вещь.

Никогда не знаешь, к чему оно приведет: к постели или к убийству.

Мата Хари

Позвольте представиться: Ходжа Наследи, известный ценитель искусства и женской красоты. Работаю в сфере частного сыска: разыскиваю всяких подлецов, тащу их в тюрьму и получаю за это деньги. В свободное время занимаюсь виршеплетством. Неплохо рисую, в том числе и на физиономиях недружественно настроенных типов. В прошлом году стал вторым мастер-чемпионом по фехтованию и рукопашному бою среди юниоров.

Как не слышали? Откуда вы упали, деточка? Вы, наверняка, не местная. Да весь наш славный Валибур не меньше месяца гудел, перебивая косточки мне и моим победам.

Не можете вспомнить? Вы не знаете, кто я такой?

Тогда зачем полтора часа преследуете меня по запутанным переулкам?

Понятно, шли по своим делам и совершенно случайно столкнулись в подворотне с «этим противным лисом, который не дает прохода».

Нет уж, позвольте не поверить вашим словам. Глаза у меня пока на месте, клянусь своим хвостом! Если уж я приметил слежку, то должен полюбопытствовать: какого рожна вам от меня нужно?

Вот видите? Я даже выражаюсь стихами. Каково, а? Коряво? Согласен, эх. Не получается у меня с виршами.

Простите, отвлекся. Вернемся к нашему чудному разговору под полной второй луной. Посмотрите, как прекрасны звезды над магическим куполом. Прямо так и тянет на лирику. Но не будем о ней. Зачем вы меня преследуете, красавица?

Говорите, обознался... Что?! Еще извиняться перед вами?!

Нет уж, дамочка, я профессиональный частный детектив, к тому же, прошел не одну войну. Если говорю, что вы меня преследовали – так оно и есть. Скорее Следящий колокол грохнется оземь, чем Ходжа окажется не прав!

С этими словами я ухватил девицу за локоть и потащил в укромное местечко – за угол ближайшего дома. Там оказалось не слишком приятно: воняло крысами и прелыми отбросами. Кажется, прошлогодними.

Моей пленницей оказалась среднего роста блондинка, с округлым личиком, остреньким носом и грозно сжатыми губами. Одета в простенькое серое платье, лишённое кружев и вышивки. Женский камзол тоже казался довольно простым. Но в полумраке поблескивали инкрустированные хрусталем золотые сережки в маленьких ушах. За такое украшение каждый второй преступник продаст родную мать. Следовательно, еще не гарантия, что мне попалась простолюдинка.

Мы находились в переулке, звавшемся в народе Тропой веселых бочаров – между улицей Шестого восстания бардов и проспектом Хлипкого мира. Левее возвышался купол

Большого цирка. Над ним помигивали колдовские литеры: «Заходи на представление – девчонки просто загляденье». Со стороны театра доносились лихие рапсодии. Там плясали обнаженные красотки, потрясая всем, чем только наделила их природа. Там торчали купцы, торгующие пушниной огненных коз. А еще там рекою лилось шампанское и прочие спиртные вещи, которые ненавижу всей душой.

Большой цирк громыхал чарующими руладами танго-стриптиза, веселились проститутки, хохотали богачи. А практически нищий детектив, у которого за прошлый месяц не нашлось и самого захудалого клиента, тискал какую-то девицу в подворотне. Лирика...

Позади, со стороны проспекта, слышались тяжелые шаги.

– Что вы делаете? – слабо взвизгнула моя пленница.

– Тихо, – моя ладонь зажала девушке рот. Свободной рукой я схватил ее за талию и прижал себе.

Ничего так девочка, стройная. Возможно, слегка полновата в бедрах, но, на мой взгляд – самый раз.

Она попыталась вырваться и – о, боги! – грохнула меня коленом промеж ног.

Пока я свирепо отдувался, сверкая глазами и мысленно изрыгая проклятия, мимо нашего убежища протопали двое громил. Один побольше второго, косая сажень в плечах и примерно такие же в поясе. Не то бандиты, не то работники частной охранной фирмы. Скорее всего, первое, потому как рожи слишком уж серьезные.

Парочка остановилась всего в десятке шагов от подворотни. Они завертели головами, пытаясь определить, куда же делась девица в компании частного детектива.

В другом конце Тропы веселых бочаров кто-то кашлянул и заворочался. Какой-то пьяница спешил домой, выписывая затейливые вензеля подкашивающимися ногами. За его спиной захлопнулась гостеприимная дверца гномьего паба. Сверкнули отблески горячего камина. Донеслись отрывки пьяных разговоров и приглушенная песенка довольно похабного толку.

Посчитав, что забулдыга – это я, гориллы поспешили вслед за ним. Подозреваю, бедняга получит хорошую взбучку, когда они поймут свою ошибку.

Над улицей пронесся ветерок, разметав груды мусора. По всей видимости, бочары, в чью честь повеличали переулок, не отличались чистоплотностью. Из ближайшего окна высунулась толстая девица в полупрозрачном халате. Вопреки моим надеждам, она не принялась оголяться, а вывалила через подоконник содержимое объемистой бадьи. Что-то звучно расплескалось по мостовой. Дохнуло первосортными помоями – любая крыса обзавидуется.

– Кто это был? – мой вопрос, без сомнений, застал девицу врасплох.

Она даже не сделала попыток освободиться из моих «дружелюбных» объятий.

– Спасите, – прошептала прелестница и разрыдалась прямо у меня на плече.

В этом мире есть немало вещей, которых я на дух не переношу. Одно из первых мест среди них занимают рыдающие женщины и обиженные детки.

– Тихо-тихо, – я успокаивающе похлопал девушку по талии. Рука совершенно случайно – хвостом клянусь! – опустилась ниже. Пальцы скользнули по выпуклым бедрам. Мне похорошело. – Попытайтесь все объяснить.

– Меня хотят убить... – заговорщицким тоном сообщила девица, заглядывая мне в глаза. – Помогите...

Великие боги, а также Священное Расписание и Воинский Устав, если бы все фразы «меня хотят убить», услышанные мною за всю жизнь, конвертировать в золото, – я стал бы самым богатым жителем этого города. Впрочем, слова довольно редко превращаются в драгоценные металлы. Скорее они напоминают дерьмо. Потому не видеть мне богатства, как и второго явления Богини-матери.

– Предлагаю все мне рассказать, – довольно добродушно предложил я незнакомке. – Начните с самого начала.

– Здесь? – ужаснулась она.

С некоторым сомнением я посмотрел на окружающую обстановку. Даже если отбросить некоторые детали в виде плесени на стенах, окоченелого трупа у сточной канавы и нестерпимой вони, местечко действительно неудачное.

Пришлось тяжело вздохнуть и пригласить девушку к себе домой.

Изображая праздную парочку, возвращающуюся с вечеринки, мы вышли на бульвар Затейников. Тут промышляют всякие шарлатаны, считающие себя новаторами. Бородатые скульпторы прижимаются к собственным творениям, которые стоят здесь едва ли не на каждом шагу. Обилие многоруких статуй причудливой формы и разнообразных размеров привлекает множество туристов – посмотреть на «светила современности» нашего города.

Тут проживает немалое количество всяких сумасшедших. Архитектор, построивший «дворец наоборот» и чудом избежавший казни; алхимик Бумас, сжегший три квартала с помощью новоизобретенной МВС, машины всеобщего счастья (агрегат незамедлительно забрали военные, а Бумаса решили посадить, да не нашли); Лиловый Гарри, который придумал, по-моему, самую толковую вещь – вечный самоочищающийся носовой платок; эта находка полностью разорила несколько фабрик, изготавливавших одноразовые салфетки, потому Лиловому затейнику пришлось искать пристанище среди новаторов-полудурков, спасаясь от наемных убийц. В общем, бульвар Затейников может похвастать одновременно самыми толковыми и самыми бесполезными вещами в мире. А также их изобретателями.

Кроме всяких чудаков, здесь также проживаю и я – прямо за поворотом, в проулке. Это свидетельствует о плачевном состоянии моих финансов. Очень мечтаю переселиться в более приятный квартал, но денег пока не хватает. Приходится терпеть соседство сомнительных личностей и отбросов общества. Но ничего, еще сотня-другая богатых клиентов, и я накоплю на небольшую квартиру. Не возвращаться же к жене, в самом деле.

Многочисленные торговцы диковинками, конструкторы, рационализаторы и безработные маги-экспериментаторы провожали нас скучающими взглядами. Скромной одеждой мы не привлекали особого внимания. Только один неоперившийся парнишка, не удосужившись оценить скудность нашего капитала, попытался всучить нам «экспериментальный образец депрефектора». Что это такое, я не спросил: наверняка несусветная мерзость. Молча отодвинул несмышленища в сторону и повлек за собой ночную незнакомку.

К великому сожалению или к счастью, Валибур оценивает жителей по одежке. Также в цене качество золоченых карет или фитильмобилей, количество спален в коттедже и, конечно же, наличие самого коттеджа где-нибудь на границе с Княжеством Хаоса. Если же ты обычный частный сыщик и одеваешься не у портного Бруслия, уличный торговец никогда не возьмет тебя в оборот. Закон городской природы.

Свернув направо и миновав улицу Одинокой повстанки, я подвел девушку к своему дому. Убедился, что хвоста за нами не наблюдается. И в то же время меня не покидало ощущение, что кто-то пристально следит за мной из полумрака. Впрочем, такое со мной случается часто. Паранойя – самое распространенное заболевание среди частных детективов. Не привыкать.

1. Я берусь за ваше дело

В моей квартире всего одна спальня. Это вам не загородный домик какого-нибудь политика. Если быть откровенным, то и комната всего одна – это та же спальня. Плюс маленькая кухня и прихожая. Удобства, кстати, направо по балкону. Мне приходится довольствоваться ими на пару с соседом по этажу – работником горморга. Мой стыд и срам довершается тем, что квартира не моя. «Арендованное помещение под частный бизнес», как говорится в договоре с домоправителем Хайклом.

Прямо на углу строения красуется черная надпись: «Темным эльфам – темное пиво». Чуть ниже – «Смерть падонкам» на троллем наречии.

Знал бы, кто пишет непотребности на стенах – уши бы оторвал. Хотя, по правде, надо

отдать им должное за то, что не рисуют на моей двери. Боятся, видимо, грозного сыщика с «Карателем» упрощенной модели на поясе.

Мы поднялись по невысокой винтовой лестнице. Я забренчал ключами и прошептал заветное слово, снимающее защитную магию. Не забыл также поглядывать украдкой на новую подругу. Мало ли что. Она ведь следила за мной, обезьяноподобные типы появились позднее.

С душещипательным грохотом дверь поддалась под плечом. Тяжелая, зараза, сразу мне приглянулась на ярмарке. Впрочем, в те времена я еще не догадывался, что дверюга живет собственной жизнью. Так и норовит придавить или оттолкнуть, зараза!

Давно несмазанные петли сообщили миру, что они думают о моей персоне. Монструозная пружина смачно взвизгнула, сокращаясь. И дверь слегка наподдала девице под... э-э-э, ну, в общем, ясно.

На какое-то время коридор погрузился во тьму. Где-то за стенкой прокуковали ходики. Жалобно заскрипели пружины старого дивана. Это сосед, Рохля Пивский – работник городского морга – повернулся с левого бока на правый.

– Что это? – спросила посетительница.

– Стены тонкие, – ответил я, пожимая плечами.

– Ощущение, что по соседству у вас живет корова.

– Всего лишь один неприятный тип, – вздохнул я и переключился на другую тему. – Три часа первого утра. Приличные люди и оборотни давно по домам все дрыхнут. А мы тут блуждаем в потемках.

С этими словами я нащупал дверной проем и очутился в коридоре. Девица прошла следом за мной и поскользнулась на пороге. Схватила за меня, проворчала что-то нелестное.

– Боюсь темноты, – сказала она.

Испугавшись непроницаемой тьмы (в коридоре окон не имеется), девушка прильнула ко мне. Я сделал вид, что шарю по стене, выискивая рычажок выключателя, хотя – к стыду признаться он лежал под моим указательным пальцем.

Понаслаждавшись теплом и запахом ее волос, я с сожалением включил-таки свет. Игнорируя завалы разнообразных картонных коробок, высокие стеллажи с полицейскими делами и вязанки ржавого оружия на полу, мы прошли в кабинет.

Моя комната одновременно служит и спальней, и местом для решения дел. Кровати у меня нет – громоздкая вещь, занимает много места. Я сплю на выделанной шкуре бастарка. Вон она – раскинулась зеленоватым пятном у западной стены.

Северную стену до потолка подпирает тяжелый шкаф, доверху набитый всяческими бумагами и прочим. Рядом стоит величественный стол, покрытый алым сукном, – единственная вещь, которую оставил мне отец. На столешнице нестройными рядами возвышаются стопки тех же бумаг, пепельница в форме собачьего черепа, облезлая лампа, осколок Зеркала душ, исполняющий обязанности экрана мозгомпьютера; парочка немых тарелок с остатками завтрака, наполовину пустая (или полная, когда у меня хорошее настроение) бутылка минеральной воды с накренившимся железным сифоном; целая туча ручек-карандашей-резинок в бронзовой подставке.

В общем, вот и все убранство комнаты. Ах да, еще портреты родителей.

На том, который побольше, величественно выпячивает увешанную орденами грудь мой знаменитый отец. Он устало смотрит на своего отпрыска, словно говорит: чего ж ты меня так позоришь, сынок? На второй картине – мама. Она улыбается из-под накинутаго черного капюшона. Как и папа, мать желает мне только лучшего, насколько могут желать некроманты.

Еще одну стену занимает громадное трехстворчатое окно. Как и всегда, форточка слегка приоткрыта. Ночная прохлада врывается в комнату, шевелит жухлые листики фикуса, носится под потолком.

В моем «кабинете-спальне» редко что-то меняется.

Оценив обстановку, девица презрительно скривилась и рухнула в мягкое кресло для посетителей. При этом я заметил, что она сначала убедилась в отсутствии пыли на нем.

Из богатых, стало быть, девочка, даром что в простеньком платице. Вероятно, из дворян или наследница купеческой семьи. Это поднимает мой гонорар до умопомрачительных высот.

– Сначала поговорим о финансах, – заявил я с ходу, усаживаясь в любимое кресло из лакированного тиса.

Девушка воззрилась на меня так, будто попала в кабинет не к детективу, а ко второсортному людоеду с гнилыми клыками.

– Извольте поинтересоваться, у вас деньги в наличии? – спросил я вкрадчиво. – За бесплатно никому не помогаю.

Ярко-синие очи одарили меня пламенным взглядом. Таким, что будь я деревяшкой, тут же вспыхнул бы от стыда. Шкурой почувствовал, что между нами происходит безмолвный диалог.

«Вы не поможете мне, такой несчастной и обиженной?»

«Нет».

«Но ведь я в смертельной опасности!»

«Это удваивает мой гонорар».

«Но...»

«Нет!»

Внеся меня в каталог распоследних подлецов и хамов, девушка вновь блеснула глазами. По всей видимости, мне придется провести эту ночь в холодной постели. Плакали надежды на пылкую страсть и сладкую возню до утра. Хотя лучше быть неудовлетворенным в постельном плане, чем голодным и бездомным (за квартиру ведь надо платить, а у меня в кармане лишь несколько бронзовых слитков).

Немного повозившись с широкими лацканами – или как это называется у женщин? – платья, гостья бросила на стол небольшой мешочек. Что-то приятно звякнуло, но я пока не проявил интереса.

Мне занимала совершенно другая картина. Разворошенная одежда повела себя самостоятельно, и девушка не сразу смогла ее утихомирить. Воротник серенького женского камзола, и все что пониже, распахнулись. Я на некоторое время застыл в приятной истоме. Грудь у девушки оказалась высшего класса. Такой, что просто ах!

– С вас портреты рисовать, – кажется, мой неуклюжий комплимент подействовал.

Переведя взгляд с мешочка на столе на меня, девица слабо улыбнулась.

– Даже не думайте, – фыркнула она, – что я стану расплачиваться с вами на манер уличной девки.

– Ни в коем случае! – вскричал некий возбужденный детектив. – Фирма работает исключительно за деньги.

Чтобы скрыть неловкость, я раскрыл мешочек и запустил туда пальцы.

Негусто. Чуть больше того, чтобы покрыть расходы за неделю частного сыска. Впрочем, у посетительницы может быть настолько легкое дело, что мой мощнейший интеллект распутает его за считанные дни. Хотя, скажу честно, такого еще не случалось.

– Работаю шесть суток, – сказал я поспешно, ловким движением забрасывая мешочек в утробу письменного стола. – Более – придется доплатить. Кроме того, могут возникнуть непредвиденные расходы...

– У меня ощущение, что я нанимаю какого-то альфонса, а не частного детектива, –

посетовала девица.

– У вас богатый опыт по этой части? – съехидничал я. – Знаете, между проститутками мужского пола и сыщиками не так уж и много различий. Единственное, что точно нас различает – мозги.

Бледное личико девушки залилось яркой краской. Буду знать на будущее: чтобы привести женщину в чувство и придать ей розовый вид – нахами побольше или удумай что-нибудь саркастичное.

– Опыта нет... – пробормотала гостья, которая после взноса в благотворительный фонд на нужды Ходжи Наследи стала полноправной моей клиенткой. – Я не...

– Ну, будет! – беспечно махнул я рукой. – Каждый имеет право на маленькие тайны.

Девица что-то пискнула и покраснела еще больше.

– Но давайте же к делу, – я убедился, что вывел ее из состояния пугливой депрессии. Куда только слезы девались?

Женщины вообще удивительные существа. Их нрав и настроение меняются чаще, чем погода над Валибуром. А, надо отметить, валибурские синоптики едва не ежедневно кончают жизнь самоубийством, безуспешно пытаясь предсказать очередной фортель атмосферных явлений.

– Для начала, как вас зовут?

– Мария бель-ал Сепио, – ответила она.

Что-то в памяти заворочалось, подсовывая факты. Если я не ошибался, дворянская фамилия Сепио кружилась совсем рядом с домом бессмертного Мэра. Это означало, что по завершении операции мне может улыбнуться удача. Клянусь хвостом, я заставлю девицу заплатить по тройному тарифу!

– Все началось с того, что умер мой брат, – продолжила Мария. – Его убили, размозжив голову тяжелой керамической вазой для цветов.

– Вес этой вазы? – деловито поинтересовался я. – Растения в вазе были? Земля или какая-либо жидкость?

Гостья недоумевающе посмотрела на меня. Пришлось объяснить:

– Примерно зная вес орудия убийства, можно определить, насколько силен убийца. Это сузит круг подозреваемых.

Мария кивнула и поведала, что «орудие», до того как превратиться в черепки, весило около трех сотен килограммов.

– Да это же целая кадка, а не ваза! – присвистнул я. – У вас в доме за последнее время появлялись какие-нибудь мускулистые дядьки? Или кто-то из родственников размерами с детеныша бастарка?

Девушка отрицала.

Я привычно пощелкал ногтями по столешнице и обратился в слух. Пока она болтала, не опуская подробностей, я предположил, что работал наемный убийца. Богатые люди, оборотни или демоны редко убивают своими руками. Скорее всего, заплатили кому-нибудь из Гильдии смертоносцев.

– Потом убили повара, – всхлипнула девушка. – А за ним еще и пажа...

После этих веселых слов она разрыдалась и уткнулась лицом в ладони.

Я не стал успокаивать Марию. Пускай поплачет, раз приспичило.

Оказалось, что этих двух тоже убили изощренным способом. Повар утонул в кипятке, когда готовил ужин. На пажа свалился древний магиталлический доспех, сломав тому шею.

– А две недели назад кузина Сельвия выбросилась из окна. Причем она пятнадцать минут провисела на приоткрытой створке, пока не сорвалась

– Затем ее, конечно же, сдуло ветром, когда особо умные слуги открыли дверь в комнату. Не правда ли? – хмыкнул я.

Мария округлила глаза. Это, видимо, значило, что мое невероятно глупое шуточное предположение попало в цель.

– Значит, все эти происшествия были обставлены как несчастный случай, –

предположил я.

– Ни единого доказательства, – пробормотала, словно в трансе, посетительница. – Понимаете?

– Проводилось расследование специалистами из Главного управления? – я уже заранее знал ответ.

Как я и подозревал, полицейские не нашли ни остатков ауры, ни малейшего отпечатка пальцев. Свидетелей, конечно, тоже не оказалось.

Каждое из случившихся в поместье бель-ал Сепио убийств буквально кричало о суициде. Это настораживало. Неужели найдутся три дурака, почти одновременно решившие покончить с собой? Включая парня, перевернувшего на себя трехцентнеровую кадку и женщину, четверть часа взывающую о помощи, уцепившись ногтями в деревянную створку.

А вот второго помощника конюха банальным образом зарезали в драке. Это случилось в дешевой припортовой забегаловке «Мыс», куда я не заходил даже при свете дня. Вонючий притон для наркоманов и пьянчуг.

– Вы думали о том, что могло стать причиной этих убийств? – спросил я. – Не произошло ли перед ними что-то важное?

– Да, – кивнула девушка. – Папа решил продать наш дом. Появился хороший покупатель, дававший нормальную цену за наш клочок скалы. Это позволило бы выбраться из отцовских долгов и даже остаться в нашем престижном районе. Правда, в домике поменьше...

– Сделка не состоялась? – именно в этот миг я понял, что разговариваю с трупом.

Окно тихонько прозвенело, рассыпаясь мелкими осколками. В комнату ворвался холодный ветер, принесшийся с Черного озера.

Я выругался, уже валяясь на полу и прикрываясь спинкой кресла как щитом. Всматриваясь в темноту, ничего не заметил. Клянусь своим хвостом, убийство в моем кабинете!

На соседней крыше мелькнуло серое пятно. И тишина. Только с набережной, от Черного озера, доносились приглушенные выкрики поздних гуляк.

Тучи рассеялись и вторая луна, Алая Амальгама, выбралась на небосклон. Окрестности залились розоватым свечением, что никак меня не порадовало.

Крыша соседнего дома, на которой возвышались двухметровые магические буквы «Покупай только «У Дрыхла». Оружейный завод «У Дрыхла» – лучшие железки во всем Валибуре!», пустовала.

Все правильно, убийца достиг своей цели и благополучно слинял.

Опасаясь выстрела с улицы, я ползком добрался до кресла посетительницы. Она сидела, слегка раздвинув ноги, но это меня уже не интересовало. Поднявшись, я попытался нащупать пульс на горле Марии. Он отсутствовал.

– Стало быть, – вздохнул я, обращаясь к мертвой девушке, – перед нами действительно не ряд банальных самоубийств.

Посетительница неподвижно скорчилась между подлокотниками, горестно уставившись на меня остекленевшими глазами. Взгляд презрительно спрашивал: какой же ты детектив, Ходжа Наследи, если клиентов убивают прямо у тебя в кабинете?

– Хреновый, – тихо ответил я, доставая непочатую бутылку амброзиума. – Плохой я сыщик...

В горле запершило от первого же глотка. Я закашлялся и швырнул бутылкой о стену. Она жалобно прозвенела и разбилась чуть ниже портрета отца. Брызги попали папе на китель, но, кажется, он не особо обиделся.

Пятна стали расползаться по красочному одеянию родителя. Одновременно с ними росла невероятной величины угольно-черная клякса на моей репутации. Больше ко мне не придет ни один клиент. Кому захочется обращаться за помощью к специалисту, у которого под самым носом прикончили заказчика?

– Я разделаюсь с убийцей, – пообещал я в пустоту, играя желваками и сжимая кулаки.

Затем обернулся и обратился к Марии:

– Я берусь за ваше дело.

Черное оперение короткой стрелы беспристрастно трепыхало на ветру, насмехаясь надо мной.

2. Немного истории

– И как все это понимать? – спросила Юласия, придвигаясь ко мне.

От такой близости мне стало трудно дышать. Я с трудом заглотнул немного воздуха и попытался не таращиться на прелести инспектора.

Темные эльфы деловито сновали вокруг кресла, снимая отпечатки пальцев и разыскивая следы ауры. Короткая стрела, годная только для стрельбы из маленького спортивного лука, лежала на кусочке целлофана. Над ней колдовал дежурный магик, в надежде отыскать малейший след убийцы.

Как и предполагалось, колдун ушел ни с чем. Он остановился на пороге и послал мне обвиняющий взгляд. Мол, я знаю: это ты девуцу убил, и не смей отрицать!

Я показал ему оскорбительный жест. К моему удовольствию, больше никто этой проделки не заметил. Магик побагровел и вышел вон, сыпля вполне осязаемыми искрами из глаз. Он до сих пор озлоблен на меня, простак. Можно подумать, я виноват в том, что его жена недавно ночевала у меня. Дважды в неделю... Я лично ее за хвост не тянул, эту красотку-выдроборотня. Надо было муженьку за нею приглядывать, а не хлестать пивко на ночных дежурствах. Мелкий детектив Ходжа Наследи здесь совершенно ни при чем.

– Прости, – обратился я к Юласии, – не расслышал последнего вопроса.

– Ты всегда притворяешься глухим, едва тебе наступают на шестую конечность, – проворчала инспектор.

– Не совсем, – пожал я плечами. – Когда мне прижимают хвост, я по-настоящему глохну. Полностью – особенности организма...

– Знаю я твои особенности, – инспектор презрительно смерила меня взглядом. – Только и знаешь, что девок портить. Небось, эту тоже хотел в постель затащить, да убийца помешал.

Мысленно мне, конечно же, пришлось согласиться с Юласией. Клянусь хвостом, я бы не отказался увидеть золотистые волосы Марии бель-ал Сепио на моей подушке. От близости с инспектором тоже не отказался бы. Но, к сожалению, обе девушки были мне не по зубам. Одна из-за собственной смерти, а вторая – по причине полной неприязни к моей персоне. Потому я начал отрицать:

– Никогда не сплю со своими клиентами!

– Ведь сам знаешь, что врешь, – пожурила меня Юласия.

Теперь придется идти в театральный кружок. Там, говорят, можно научиться управлять своими эмоциями. А то госпожа инспектор читает по моему лицу, словно орк по глиняной табличке.

– Внимательно слушаю, – госпожа Полицейское Обаяние откинулась в кресле, уставившись на меня исподлобья. – Начинай мне врать.

Мой взгляд скользнул по ее иссиня-черным локонам, по округлым плечикам с клыкастыми погонами на них. Пробежал по заманчивой выпуклости груди, мельком заметил золоченые нашивки на сером кителе. Затем обжегся о маленькую ручку, сжимающую рукоять табельного «Карателя».

Я кашлянул и принялся рассказывать. Конечно же, мне удалось смолчать о некоторых подробностях. Зачем инспектору информация о том, что кто-то преследовал госпожу бель-ал Сепио? К тому же ей незачем быть в курсе, сколько денег мне заплатила покойная клиентка. Финансовые сделки частного детектива доступны только шакалам из Управления налогов.

– В общем, девушка даже не успела рассказать мне о цели своего прихода. Только дала полагающийся аванс и тут же умерла после встречи со стрелой.

– Надо будет распусть слухи о том, – сквозь зубы процедила Юласия, – что каждый,

кто платит деньги частному сыщику (последние два слова она буквально выплюнула), умирает на месте. Пусть обращаются прямиком в Управление, а не к брехливым лисицам, выманивающим золото.

– Делай, что хочешь, милая, – я наивно похлопал глазками, изображая почтение. – Моей репутации все равно не поможешь.

Святые и правдивые слова. Разбираясь с несколькими последними делами, я настолько глубоко вляпался в удобрения, что никакой имиджмейкер не отмое. Что поделать? Такая профессия: роаясь в отбросах, обязательно ими запачкаешься.

– Итак, ты даже не знаешь, зачем она к тебе пришла?

– Совершенно не догадываюсь. Но собираюсь узнать. Сегодня же приступаю к расследованию.

Юласия помолчала немного, поджав губки. Так может делать только она – одновременно хмуриться и сногшибательно выглядеть. Другой такое не под силу.

Немного поглазев на портрет моего отца, руководительница Полицейского управления слегка кивнула. Наверное, они с папашей Наследи сговорились: будут заниматься разнообразными профанациями и поучениями бедного меня. Мол, брось ты эту дрянную работу и возвращайся на службу в Управление.

Впрочем, девушка не выразила мысли вслух. Наверное, потому, что картина никак не смогла бы поддержать ее словесно.

Вместо того, чтобы читать мне нотации, Юласия похлопала себя по бедру. Очень заманчивому бедру, должен отметить.

– Наследи, если я услышу, что ты недоговорил – пеняй на себя, – пригрозила госпожа инспектор. Она спит и видит, чтобы насолить мне из-за моих старых грешков. – Не в твоих интересах мешать расследованию. Будь осторожен!

Упрямая баба – рано или поздно добивается своего, как добилась кресла начальника полиции.

– Посадишь меня в каталажку? – хмыкнул я, совершенно не опасаясь угрозы.

Некоторое время назад городская тюрьма стала мне родным домом. Я тогда расследовал дело о кричащей камере. Надо отдать должное моим умениям, мне все же удалось распутать это дело. Причем погубило всего-то три человека и двое оборотней. Можно сказать, успех для моей профессии.

– Утоплю в ближайшей луже, – еще одна угроза. Надо бы запомнить. – Лучше расскажи мне все. Это поможет найти убийцу.

– Знаешь, я ведь тоже заинтересован в его поимке.

На самом деле в мыслях мне виделся хладный труп, пронзенный острием моего «Карателя». Никто не посмеет убивать клиентов Ходжи Наследи! И, конечно же, паршивый киллер скорее ляжет трупом где-нибудь в сточной канаве, чем будет хлебать тюремную баланду.

– Ты точно все рассказал? – в голосе Юласии почти прорвалась нежность. Когда она вот так говорит, надо держать ухо востро. Не то успеет по черепушке захватить, пока не опомнись.

– Да.

– Придется тебе поверить, – пробормотала инспектор, смерив меня испытующим взглядом. По-моему, она так и не научилась мне доверять. А должна бы – ведь мы полгода приходились друг другу мужем и женой. И, кстати, были довольно счастливы вместе. Эх, если бы не та блондиночка с длинными ногами...

Сказав, «еще вернусь», Юласия растворилась за дверью в коридор. Темные эльфы погрузили убиенную Марию на тележку и вывезли из комнаты. Последним исчез ляп-фотограф, запечатлевший место преступления.

В кабинете осталась вонь дешевого полицейского табака и влажное пятно на полу. Надо отдать тьмэльфам должное – убрали кровавые следы.

В разбитое окно ворвался холодный ветер. Бумаги на столе затрепетали, зазвенела

маленькая люстра под потолком.

Я закурил, чтобы не чувствовать запаха казенных сигарет. Выпустил несколько колец дыма, стараясь метить в настольную лампу.

Курение всегда приносит мне удовольствие и легкую эйфорию. Когда тело занимается рефлекторными затяжками горьковатым дымом, напрягаются мозги. А мозги – мой первый инструмент в работе.

Итак, что у нас имеется? Есть мертвая девушка, опасаящаяся встречи с двумя парнями устрашающего вида. По всей видимости, эти двое являются первыми подозреваемыми как на роль убийцы в доме бель-ал Сепио, так и на роль проклятого киллера, стрелявшего в Марию. Надо будет узнать, на кого работает парочка. Дальше у нас целая серия непонятных смертей. Начинать необходимо с посещения дома бель-ал Сепио. Поговорю с жильцами. Возможно, нащупаю требуемую ниточку.

В довершении ко всему придется посетить «Мыс», где зарезали помощника конюха. Да и в Управление, чтоб оно сгорело, надо заглянуть. Там точно хранятся сведения о драке в припортовой таверне.

Не завалиться ли спать?

Я отбросил ногой запечатанную бутылку амброзиума, которую храню для клиентов. Со времени убийства я так и не выпил ни капли. Не люблю алкоголь и всячески его презираю. Другое дело – сигареты.

Спать совершенно не хотелось. Дело не в том, что я не могу спокойно находиться в помещении, где недавно кого-то убили. Когда валибурская армия, в которой мне пришлось отмаршировать добрых двенадцать лет, толпилась на поле боя, мы дрыхли среди трупов товарищей. Это закаляет.

Сон не шел из-за нового дела. У меня всегда так. Мысли забиты каким-то дерьмом, мозг пытается найти малейшие зацепки в свеженьком деле. Но какие могут быть детали в расследовании, если мне известно всего лишь несколько фраз?

Я встал с кресла и принялся наматывать круги по кабинету. Затем подошел к окну и обозрел окрестности.

Черное озеро сверкало огнями. На дальнем краю города вовсю порхали разноцветные фейерверки. Гномы и гремлины праздновали приход нового правителя, который, согласно легендам, должен навечно избавить Валибур от нашествий объединенных сил Хаоса и Дальних кругов. Вот только неясно: то ли этот самый гномий правитель выиграет войну, то ли отдаст мегаполис на поругание Княжеству Хаоса? Мне всегда нравилась расплывчатая трактовка древних легенд.

В небе над Валибуром плавно скользил Следящий колокол. Это одно из колдовских чудес Большого мира.

Изготовленный из чистого золота и, следовательно, нечувствительный к магии, колокольчик весит без малого четыре сотни тонн. Его отлили в те далекие времена, когда по этой земле бродили великие короли, а городу не насчитывалось и тысячи лет.

Уже тогда наш Валибур постоянно подвергался опасности со стороны проклятых Дальних кругов. Дело в том, что между демонами, как это частенько бывает, случился передел имущества. Многие правители демонского мира решили отделиться от основного Пекла, или как там оно у них называется. В общем, хапнув частицу Вечного огня, они вооружились своими котлами-вилами, и поперли на запад, бросив остальных рогачей прозябать у остывших костров. Конечно же, все душонки умерших жителей Большого мира беглецы прихватили с собой.

Сговорившись с отцами-основателями Валибура, демоны построили под маленьким тогда мегаполисом свои Тринадцать кругов. Загнали пленные души вниз и устроились там поудобнее. В общем, все мы, обитатели города-государства, живем точнехонько над настоящим адом. Да-да, Тринадцать кругов находятся именно под нашими ногами.

Оставшись ни с чем и оскорбленные бегством товарищей, остальные демоны пустились в погоню. Они подняли громадную армию и попытались захватить Валибур. Под тем

предлогом, что пришли вернуть себе украденные души, полагающиеся им по праву. Подкупленные демонским золотом беглецов, валибурские оборотни указали пришельцам на ворота. Пришельцы, конечно же, не стерпели и пошли на штурм. Город почти превратился в руины, но выдержал. Едва отбившись, горожане возвели крепкие стены и башенки магической защиты.

Прошло несколько лет. Обитатели Дальних, то бишь истинных кругов Ада, поняли, что штурмом нас не взять. Силенок оказалось маловато. Пришлось демонам просить подкрепления в Княжестве Хаоса. Великий Князь тоже поглядывал на Валибур не без интереса. В наших владениях находились, во-первых, несметные залежи золота, а во-вторых, красивей женщин, чем среди оборотней и вампиров, не найти во всем Большом мире.

Образовались ОСХДК, объединенные силы Хаоса и Дальних кругов. Они опять едва не разрушили город, но были отброшены беженцами-гномами. Кстати, гномы также даровали горожанам идею «Карателей» – легендарного магического полиморфорукия, способного менять свою форму и характеристики.

Со временем Валибур разросся до невероятных размеров. Стены расширились и ползли ввысь вместе с городом, но жителей все равно не хватало, чтобы оборонять бесконечный периметр мегаполиса. Купол магической защиты не смог бы справиться, если бы на него внезапно обрушились с нескольких сторон. Дважды войскам ОСХДК удавалось пробиться сквозь оборонные сооружения и дойти почти до самого центра города. Из-за невероятно большой территории Валибур оказался не в состоянии следить за своей исполинской тушей.

Поскольку набег объединенных сил продолжались, жители решили найти идеальный вариант защиты. Все проблемы возникали оттого, что вражеская армия всегда подходила незамеченной и ударяла сразу в нескольких местах. Уследить за ней было невозможно. Мобильные духи и дрессированные пси-мухи, которых посылали в разведку, успешно уничтожались захватчиками. Необходимо было придумать что-то такое... В общем, некий агрегат, способный следить за окрестностями города.

Скинувшись с дому по нитке, валибурцы подкупили одного безработного бога. Он клюнул на молитвы и золото и создал Следящий колокол. Воспарив над центром города, циклопическое сооружение позволяло наблюдать за всеми подступами к Валибуру. Также есть легенда, что в самом сердце Колокола располагается загадочный магический артефакт.

Помимо бессмертного магического наблюдателя, обитающего в колокольчике-переростке, каждый день, посменно, там дежурит отряд городского патруля. Поскольку телепорт-магия в Колоколе не действует, служивые карабкаются туда по длинной веревке, другим концом привязанной к башенке мэрии. Народ игриво шутит, говаривая, что Мэр свысока наблюдает за своими подданными.

Возможно, это правда. Бессмертный правитель Дамнтудес присматривает за городом, поднявшись по канату. Что, впрочем, не мешает многочисленным злодеям – грабителям, вора и убийцам – подло совершать не менее многочисленные преступления. Зато позволяет мне не умереть с голоду, расправляясь со всеми этими грабителями и далее по списку.

Кстати, о преступниках. И как я раньше не додумался до столь простого действия? Полицейские, конечно же, не удосужились проверить место, с которого предположительно стреляли по окнам моего кабинета. Им важно покопаться в квартире, где непосредственно случилось преступление. А раз в моем жилище не обнаружены отпечатки пальцев и ауры, значит, убийца – профи. Стало быть, он старательно позаботился о чистоте «рабочего места». К тому же

Но я не полицейский. Мне платят именно за то, чтобы я совался в такие дыры, куда ни один уважающий себя сержант-лейтенант не полезет. А вдруг и найдется что-либо интересное?

Поглазев немного на золотую громадину Следящего колокола в небе, я накинул куртку и покинул жилище. С конкретной целью – исследовать крышу противоположного дома. Возможно, убийца оставил там следы.

3. Первая улика

Старый привратник никогда не отличался ни особым умом, ни толерантностью к моей персоне. Как и всегда, он трубно высморкался в одноразовую салфетку и швырнул ее в урну. Конечно же, не попал. Скомканная бумажка с тихим хлопком приземлилась на лестницу, как раз у меня под ногами. Не удивлюсь, если старый хрыч целился именно в меня.

– А ты радушен, как в лучшие дни, – поздоровался я с Теодорусом. Несмотря на имечко, которое говорило о принадлежности привратника к высокородным магикам, старик колдовством совершенно не владел. Пропил на фронте. – Радикулит не беспокоит?

Когда-то эта груда дряхлой одежды действительно кое-что соображала в магии. Во время очередной войны, не упомянуть даже, которой по счету, дед возглавлял боевое отделение стихийных колдунов. Да-да, тех самых, которые вызывают дождь и могут швырнуть в вас молнию.

Будучи в разведке, магики углядели целый караван под охраной двух сотен демонов Хаоса. Логично предположив, что такое количество краснокожих не может сопровождать, скажем, какую-нибудь солому, Теодорус бросил магов в атаку. Ясное дело, закружились вихри, многие демоны превратились в безмолвные глыбищи льда. Когда прошла буря, и ливень смыл ошметки подданных Великого князя Хаоса, магики с удовлетворением принялись за разграбление каравана. Конечно же, чихать они хотели на закон о передаче военных трофеев в собственность государства.

Бойцы приятно удивились захваченному товару. Вопреки ожиданиям, в крепких дубовых повозках оказались не золото или оружие. Ровно тридцать бочонков крепленого вина с эмблемой княжеских сомелье.

Невероятно! Именно так подумали магики, возомнившие, что захватили принадлежащее Князю Хаоса спиртное.

Как и следовало ожидать, отряд Теодоруса в город не возвратился. Довольные гении стихий трое суток подряд уничтожали запасы отменного вина. И не собирались попадаться на глаза начальству до тех пор, пока не загудит последняя пустая бочка.

Их нашли спустя две недели, всех восьмерых. Могущественные колдуны валялись, где попало, среди раздолбанных молниями телег и груд поврежденных бочонков. От нечего делать безжизненные тела дезертиров заперли в тюрьме.

Когда магики пришли в себя, очнувшись в Скале-под-Небом, оказалось, что все они лишились колдовского дара.

Лишь потом, через шесть недель, когда валибурцам удалось перехватить послание Князя Хаоса, все узнали правду.

Оказалось, что бочонки были до отказа залиты отравленным вином. Спиртное предназначалось для нашего командования. Вино собирались подсунуть нам как трофей, прекрасно понимая, что ни одна бочка не двинется дальше какого-нибудь хват-генерала. Солдатам, конечно же, не дали бы попробовать отменного винца.

Гремучую смесь Хаоса приготовили так, что она играючи убила бы любого смертного, демона или даже оборотня. Магики же отделались лишь легким испугом и полным лишением магических сил.

Прослышав про приключившееся с разведчиками, командование расчувствовалось. Каждому пострадавшему пожаловали медаль «За отважное служение Отчизне» и освободили из-под стражи. Еще бы, ведь доблестные воины спасли хват-генералов от гибели, не пощадив живота своего.

Потерявшие силу магики в итоге оказались ни на что не годными. Работать они не умели, рукопашной их тоже никто не учил. К тому же почтительный возраст... Всех их во главе с Теодорусом отправили на пенсию как инвалидов войны, и маги-неудачники быстренько скатились на самое дно валибурского общества. К своему изумлению, они поняли, что вино из Княжества сделало их неисправимыми алкоголиками.

Из славной восьмерки половина отдала концы на дне канав. Еще двоих застрелили при

попытке ограбления таверны. Теодорус и еще один малоизвестный магик превратились в дряхлых развалин с трясущимися руками и безудержной жадой к спиртному.

По-моему, очередное доказательство того, что алкоголь невероятно вреден для здоровья.

Вы только посмотрите на бывшего колдуна. Дрожит, роняет сопли, нижняя челюсть не держится на месте.

– Что, уважаемый Теодорус, – попытался я укорить старичка, – небось опять всю пенсию на пиво истратил?

Старик прожег меня взглядом мутных очей. Он никак не мог простить того, что когда-то я бросил за решетку его собутыльника. Впрочем, ожидающий нас разговор не имел к этому никакого отношения.

В Валибуре существует весьма интересный закон. Для укрепления общественного порядка и уменьшения количества преступлений, как сказано в сборнике для правоведов, каждый дом в городской черте запирается на ночное время. От часа второвечерника и до шести часов первоутрия охранникам и привратникам запрещается впускать в дома кого-либо из посторонних. Даже полицейские не могут проникнуть в частное жилище без надлежащего ордера от прокуратуры или мэрии. Право на вход имеют исключительно жильцы. Ходить в гости в ночное время – табу. Вот так.

Сейчас меня ожидало тяжелое препирательство со стариком. Он должен всячески воспрепятствовать мне войти, а мне надлежит его обмануть или же подкупить.

– Чего приперся? – проворчало нетрезвое чудо. – Ты не здесь живешь. Убирайся вон...

Договорить он не успел, потому как в моей руке внезапно блеснула бутылка. Слабый ликер из отцовских запасов, к которым я прикасаюсь только при появлении богатых посетителей. Весьма недешевое удовольствие, хочу отметить. Но на более простую выпивку у меня не нашлось сил. Это же пришлось бы переться в ближайший магимаркет, а до него три квартала пешком. В общем, выбрал наиболее простую бутылку, да и пожаловал к соседу.

– А где же мне еще жить, по-твоему?

Идиотский вопрос, конечно. Но с любителями выпивки такое проходит.

Дед напрягся, чувствуя подвох. Меня он совершенно не замечал – его занимала бутылка в моей руке.

– Что-то я тебя никогда в подъезде не видел, – прокаркал старик. – Ты не здесь живешь.

Да уж, мозги настолько залил, что бессовестно повторяется.

– Представь себе, что ты слепой – потому меня и не видал. На самом деле я живу именно в этом замечательном доме с расписанным матерными словами фасадом.

– Чего тебе надо? – старик задал вопрос, по-прежнему не отводя глаз от драгоценного сосуда.

– Хочу пройти к себе домой.

– Ты не здесь... – древнюю пластинку намертво заело.

– Держи бутылку, а я пройду себе внутрь.

– Предположим, я слеп, – судя по тону, старичок поддался – пальцы потянулись к ликеру. Однако все равно не хотел уступать – хотя бы для важности. – Но твоего имени нет на табличках квартир.

– Как же слепой может видеть таблички?

С этими словами я сунул бутылку в дрожащую длань старика и проскользнул мимо него.

Следом донеслось оглушительное бульканье и удовлетворенный вздох. Чуть позже по мостовой покатился, позванивая, пустой сосуд.

– Кто там? – сонно поинтересовались из дежурки.

Все правильно, каждый дом в Валибуре стерегут по меньшей мере двое охранников.

– Снова, видать, к Марьюхе пришли, – ответил Теодорус. – Та еще баба...

– И сколько же к ней мужиков влезает? – не менее сонно поддержали из привратничкой. – Совсем стыд потеряла на старости лет.

– Ага, – хохотнул старик. – Ненасытная...

Я нырнул в полутемный коридор.

– Через полчаса его вытурю, а потом и сам пойду, – бормотали мне в спину. – Не убудет.

Куда собирался идти бывший магик, меня не интересовало. Наверное, проживающая здесь Марьюха – та еще занимательная особа.

Я быстрыми шагами пересек вонючее помещение, на двери которого кто-то криво и неграмотно изобразил: «Падсобка». Перешагнул через похрапывающее тело одного из жильцов. Бедняга так умаялся в таверне, что не смог добраться до жилища. От него несло дешевым пивом и не менее дешевой травкой. Заработался...

Прогремев ржавым ведром, в которое умудрился вступить, я вылез на крышу. Позади остались три пыльных лестничных марша с облеванными перилами. Стараясь ни к чему не прикасаться (крыша выглядела такой же грязной, как и лестница), я остановился на ровной черепице.

Передо мной поблескивала реклама оружейного завода – вид сзади. Потрескивал магенератор, от которого она питалась. С улицы доносились пьяные вопли. Кажется, там начиналась драка – обычное дело для Валибура в ночное и дневное время суток.

Я остановился на самом краю. В сантиметре от мысиков сапог открывалась уличная бездна. В тридцати метрах, на самой глубине, копошились несколько вампиров. Кажется, они поймали мышь и никак не могли ее поделить. На шум, конечно же, никто и не подумал выйти. На нескольких окнах качнулись занавески, показывая некоторый интерес жильцов. Убедившись, что во дворе не началась очередная атака войск Хаоса, невидимые хозяева квартир отправились обратно в постели. Мне даже почудилось, как кто-то в сердцах сказал: «Опять кровососы дерутся, чтоб им...».

На втором этаже строения, где я имел несчастье проживать, светилося громадное окно с разбитой створкой. Мой любимый кабинет, будь он сегодня проклят навеки. Света настольной лампы оказалось достаточно, чтобы рассмотреть весь интерьер. Шкаф, тумбочка, письменный стол и даже кусочек шкуры бастарка по соседству с ножкой и подлокотником кресла для клиентов.

Я смачно выругался и хлопнул себя по бедру. Надо же, попался как последний кретин. Самый тупой злоумышленник в любой момент мог продырявить мне башку. Выстрелить с этого самого места. И спокойно бежать себе мимо пьяного старикашки.

А я торчу в этой квартире не меньше года, и никогда не задумывался о своей безопасности. Думал, поставлю себе крутую дверь и никогда не буду знать проблем. Вот вам и результат – мертвая клиентка, пришпиленная стрелой к спинке кресла для посетителей.

Под парашютом что-то темнело. Я наклонился и не поверил своему везению.

Лук! Маленький, сборный. Сделан, что удивительно, из железного дерева. То есть довольно прочный. Прост в использовании: только стрелять научись – и вперед. Иди пулять прелестных дамочек с немалым состоянием.

Пальнул, естественно, снайпер. Хотя и я не смог бы промахнуться с такой дистанции. Тут не больше двадцати-двадцати пяти метров.

Мозгомبيوتر запищал и легонько ударил током в запястье. Все ясно, уловил заметный след ауры убийцы.

– Повезло, – пробормотал я, рассеянно взвешивая лук. Не успел за дело взяться, как тут же поймал первую улику. Если так будет продолжаться и дальше, то преступление мне удастся раскрыть не позже второго утра. Надо только забежать к знакомому эксперту в ГУБНИКИС – он точно определит, кто стрелял из этого изогнутого орудия.

Моя радость продлилась недолго. Как только я сделал шаг назад, что-то рухнуло мне на голову. С такой силой, что звезды вдруг сорвались с небосклона и закружились перед вытарашенными зенками.

– ...ть, – успел выговорить я и тут же нырнул в пучину неизвестности.

4. Полиция

Веки никак не желали открываться. Впрочем, закрыться до конца они тоже не собирались. Я лежал с полуприкрытыми глазами, пялясь в бездонное небо.

Восход уже проклюнулся из-за туч, над горизонтом поднималось первое светило Большого мира. Окрестности озарялись бирюзовым и синим светом. Туманная дымка Восточных болот лениво колебалась, рассеченная косыми первоутренними лучами. Светло-изумрудный оттенок магической защиты сменился бежевым. Ближайшие башенки охраны загрохотали, опускаясь под землю – отправились на Тринадцать кругов, чтобы пополнить боевой магозапас.

Первая попытка встать не увенчалась успехом. Зато живой – могло случиться и что-нибудь менее приятное. Например, меня бы убили. Уверен, что в этом случае я поднялся бы когда-либо вообще.

Весьма довольный тем, что не отдал концы, я повторно попробовал встать. Не удалось.

Затылок лишь едва приподнялся над черепицей и тут же с грохотом опустился. В голове отдалась боль, и голова заорала моим хрипловатым голосом. От виска к виску словно бы ударила молния. Перед глазами потемнело.. Затем понемногу стало легче.

«Не завидую пьющим, – подумал я, с трудом поворачиваясь на бок. – Наверное, именно так должно выглядеть похмелье».

Я валялся на той самой крыше, что и ночью. Меня покрывала мелкая пленка росы, мускулы свело от мерзкой судороги. Валибурские рассветы довольно холодны – это я испытал на собственной шкуре.

– Чыгыжыхылыднытык, – промямлили непослушные губы.

Это означало: «Чего ж холодно так?»

Впрочем, сейчас моей дикции не позавидовал бы даже немой.

Первое солнце уже перебралось через горы Хаоса. Как и всегда, несколько скал не выдержали присутствия горячего диска на небосводе. Горы пустились в бегство, пытаясь спастись от солнечных лучей. Поднялся невероятный грохот ударяющихся камней. Над востоком вспучилась громадная туча пыли – где-то сошла лавина. Облако поспешило к Валибуру, чтобы через полчаса рассеяться под ветром или разбиться о купол магической защиты.

Меня всегда интересовал вопрос: почему это горы Хаоса так не любят дневного света? Почему они всегда норовят убежать, выдирая каменные корни из земли? Горы по своей сущности довольно ленивые гранитные создания. Ночью их ни за какие коврижки не сдвинешь с насиженного места. А утром они вдруг как с катушек слетают и несутся, что есть мочи. Самые мелкие и юркие даже ухитряются спрятаться от восхода под сенью более высоких и медлительных товарок.

Впрочем, солнце быстренько настигает беглянок. Искупавшись в горячих лучах, скалы замирают вновь. Пылевые тучи потихоньку ниспадают обратно, усеивая снежные шапки бурыми разводами грязи и промышленных отходов Валибура.

Поглазев на пики, за которыми располагается Княжество Хаоса, я почувствовал, что сил прибавилось. Мне даже удалось приподняться и со стоном усесться на краешке крыши.

Улица внизу еще была пустынна. В самом ее конце, рядом с поворотом на Смерть-авеню, валялось бездыханное тело вампира. Из тех, кто ночью решал свои проблемы с помощью кулаков.

– Интересно, он издох или просто побит до полусмерти? – спросил я у солнца.

Светило безразлично покатило дальше, не обращая на меня никакого внимания.

Если бы кровопийца отдал концы недалеко от моего дома, это стало бы причиной нового randevu с госпожой инспектором. А моя бывшая женушка никогда не откажется от мысли запрятать меня за решетку. Словом, будет лучше, если вампир окажется жив.

Приободренный вампиролубием, я все-таки поднялся на ноги. Немного покачался и едва не сверзился с крыши. Выругался и полез в чердачное окно.

Вещественное доказательство в виде лука, конечно же, не обнаружилось. Убийцей тоже не пахло. Только сумасшедший мог бы предположить, что киллер пристроился рядышком с моим избитым телом и только ждет, чтобы сдаться в руки правосудия. Наивных мыслей по этому поводу я не держал.

Интересно, а почему это убийца меня не прикончил? Едва ли ему (или ей?) понравился вид моего окровавленного лица. Что-то спугнуло? Или...

Не в силах преодолеть тупость пришибленного мозга, я добрался до дежурки. На воротах стоял малознакомый мне тип.

Внешне охранник почти не отличался от ночного привратника. Такой же худощавый и седой, как старик. Теодорус находился тут же – его потрепанные сандалии виднелись из-за приоткрытой двери дежурки.

– Приветствую, – сдержанно поздоровался я, шагая бочком. Чтобы он не увидел громадную, не меньше персиковой косточки, шишку у меня на затылке. Еще полицию вызовет – с него станется. Объясняй потом, что делал и с кем дрался по чужим чердакам. – Желаю приятного дня и красивого второго утра.

– Желаю в ответ, – кивнул мне стражник. – Вы не здесь живете. Откуда держите путь?

Так я тебе и скажу, что ночевал на крыше. Не хватало мне ареста за бродяжничество.

– Из пентхауса, – нашелся я.

– Да? – тип заморгал и почесал в затылке.

Я оставил его недоумевать и проскользнул за ворота. Пусть этот дурак чешется хоть до скончания века и Страшного Судилица. Ведь пентхаусов здесь отродясь не водилось. Откуда они в дешевой ночлежке для низших и ниже среднего классов горожан?

Естественная регенерация организма потихоньку «рассасывала» шишку. Мне становилось легче.

Родной арендованный дом встретил меня пустотой и легким запахом табачного дыма. Вспомнив, что хочу курить, я извлек примятую пачку из кармана куртки и тут же задымил.

Наиболее странным казался тот факт, что меня не «почистили» после удара. Ну какой преступник в здравом уме не пороется в закромах у жертвы?

Когда я брякнулся на крышу, нормальный убийца тут же перерезал бы мне глотку. Это во-первых. Во-вторых, он точно избавил бы меня от «Карателя» на поясе и содержимого карманов. И третье, наконец. В укромном месте на штанах у меня висит магический брелок с ключами от дома. Его тоже не взяли и не обворовали квартиру. Испугались?

– Неужели мне попался преступник-идиот? – спросил я у письменного стола, выключая настольную лампу.

Свет горел в квартире целую ночь. Через разбитое окно внутрь пробрались целые сонмища пси-мух, крылатых клещей и фей-кровопийц. Пришлось извлечь из ванной тяжелое грязное полотенце и заняться уборкой.

Мне не удалось убить хотя бы одно насекомое – движения были медленными из-за головной боли. Но своего я добился. Все пси-мухи и прочая живность исчезли в окне, угрожающе жужжа и матерясь на насекомьем языке.

Тяжко вздыхая, я позавтракал каменным сухарем, неожиданно нашедшимся на кухне. Затем вооружился рулоном бумаги и принялся заклеивать продырявленное окно. Когда в кабинете слегка потемнело, а ветер уже не так трепал края одежды, я разделся и поплелся в ванную комнату. Негоже приходить в Главное управление со слипшимися от крови волосами и помятой мордой.

Хорошенько оттершись и несколько раз намылив голову, я медленно выбрался на кафель – просушиться. Вмонтированный под потолком магический фен раздраженно завыл, обдавая меня струями тепла.

Воздух был на удивление приятным. Пахло любимым травяным шампунем и кактусовым гелем для душа. Головная боль проходила, и медленно возвращалось хорошее настроение. Хвала регенерации обратной – самому быстрому естественному восстановлению организма!

Я тщательно выжал излюбленный хвост. Обернулся теплым полотенцем, побрился и надушился одеколоном «Мистер Пшик-Пшик: Сорвиголова». Помахал хвостом под магической сушилкой, причесал его и пригладил волосы на макушке. У меня довольно короткая прическа, потому хватило четырех раз – прошелся маленьким металлическим гребнем.

Что у меня сейчас за дело? Мертвая девушка, подозревающая многочисленные смерти в отцовском доме и твердящая, что за нею гонятся неизвестные. Двое мужиков криминальной наружности преследуют ее, чем подтверждают слова девицы. Потом убийство в моем кабинете. И покушение на меня, наконец.

– Нет, это не покушение, – подумал я вслух, с трудом втискиваясь в кожаные ботинки.

Я кому-то нужен, потому и не убили. Зная, что меня наняли расследовать дело, убийца решил немножко подождать. Стало быть, тут два варианта. Первое: массовые «происшествия» в доме Марии – его рук дело. Он решил подождать результатов моего расследования. Так сказать, провести эксперимент. Если мне удастся найти что-нибудь важное, бросающее на киллера тень – он тут же меня ликвидирует. Знает, подлец, что я не сотрудничаю с полицией. А раз нет детектива, нашедшего улики, значит, нет и самих улик. Правдоподобно.

Второе: убийца Марии бель-ал Сепио не имеет отношения к предыдущим трупам. Это более фантастический вариант. Зачем убивать хорошенькую девушку, если она ни в чем не виновата? Впрочем, может, она и не была столь ангельски чистой, как казалась.

Мысли медленно кружили в голове. Но на ум пока ничего дельного не пришло. Под первым номером в расследовании по-прежнему маячило Полицейское управление. А дальше видно будет.

Я рывком захлопнул входную дверь. Вернее, это дверь захлопнулась сама, едва не отдавлив мне пальцы.

Привычно поругав тяжелую створку с безопасного расстояния, мое постанывающее тело двинулось к подземному гаражу. Низенький греmlin-привратник оторвался от какой-то книги и поприветствовал меня кивком. Повинуясь его мысленному приказу, неподалеку загрохотали, приподнимаясь, железные ворота.

– Далеко собрался, видать, – сказал трескучий голос, – раз ласточку берешь.

Я пожал плечами и решил не вступать в разговоры. Какой от этого прок, если, после моей попытки защититься, греmlin ударится в глупые насмешки? Зачем давать старику возможность в очередной раз пройтись юмористическими изысками по кровному имуществу Ходжи Наследи?

«Ласточкой» сию магмашину назвал бы лишь умалишенный. Среди десятка разноцветных фитильмобилей, стоящих в гараже, мой определялся не только по уровню потрепанности и помятости бампера, но и по запаху. Серебристая покраска, когда-то горделивая и блестящая, превратилась в бурое нечто, усеянное пятнами ржавчины. Полупущенные колеса, которые никогда не получалось накачать до конца; испещренное трещинами лобовое стекло, изогнутый после удара в столб номерной знак «ХН-3176-А», обозначающий «собственность Ходжи Наследи, регистрационный номер 3176, округ Анаанари»; дверки, одна без стекла, между ними и кузовом изрядные промежутки, куда можно просунуть коготь бастарка (очень толстый коготь); четыре дырки от стрел в крыше. Вот он, мой фитильмобиль.

Я скривился при виде красного «Фрикаделли», припаркованного рядом. Ты смотри, Пивский, даром что работает в морге, а на какой машине ездит. Не зря говорят: мертвецы отдают все свое богатство без остатка, ничего не требуя взамен. Сосед когда-то признался в пьяном угаре: ворует у покойников. После такого откровения мое мнение о Пивском резко упало до минусовой отметки.

Я прошелся вокруг его фитильмобиля и сделал то, благодаря чему в моем личном деле есть фраза: «Невыносимый злобный тип». А именно принялся бесстыдно портить чужое (без сомнений, наворованное) имущество.

– Нехорошо прикармливать у мертвых, – я, высунув от усердия язык и воровато оглядываясь, гвоздем нацарапал на капоте «Фрикаделли» шикарное матерное слово. – Слегка потратишься на краску...

Рохля будет рад до хрипоты в горле. Пускай потом докажет, что это в гараже распроказничались. Гремлин первым начнет отрицать. Мол, не надо ставить машину, где попало, тем более у морга – там зомби шалят.

Ну да, ребячество, абсолютно несвойственное взрослым мужчинам, занимающимся частным сыском. Но уж таков Ходжа Наследи, прошу меня простить. Вот такой вот я – слегка инфантильный, но находчивый. И невероятно справедливый.

Довольно отряхнув ладони, я грохнул дверкой собственного фитильмобиля. Жалобно взвизгнули петли, из-под днища с шорохом отпала грязь и несколько кусочков металла. По всей видимости, эта магическая машина дышала на ладан и обещала помереть еще до конца года. Надо менять.

Денег на новый фитильмобиль у меня не водилось. С такими доходами, как мне везло в последний год, я мог бы позволить себе разве что велосипед. Но Ходжа Наследи – известный частный детектив, а не какой-то там спортсмен. Далось мне напрягаться? Лучше ездить хоть на разбитом, но самоходном корыте, чем крутить педали.

Подумав так, я уселся на место водителя, подняв обильную тучу пыли из обшивки сиденья. Рулевой рычаг со скрежетом встал на место, освободившись от противоугонного замка. На мою машину не позарился бы даже слепой воришка, но я пользуюсь этим приспособлением из обычной вредности. Пусть данный фитильмобиль может угнать любая малолетка. Но зачем же давать кому-нибудь повод? Пусть побольше мучаются, пытаюсь отпилить замок.

Заклинание фитиля пришлось прочитать четыре раза. На пятый, когда я был готов сбегать за чем-то тяжелым и разворотить рулевую панель, магмашина прислушалась к молитвам.

Мотор чихнул и, каждую секунду повизгивая клапанами, заработал. Магелектрический сервомоторчик пожаловался на несправедливую жизнь, но все же приспустил стекло на левой дверце. Внутри салона пробралось некоторое количество воздуха. Это позволило мне вдохнуть и открыть глаза.

Полгода назад в моем фитильмобиле убили одного скунсоборотня. Как понимаете, после смерти этот уважаемый валибурец не стал благоухать приятней, чем при жизни. Вот уже пятый месяц я обвешивал салон фитильмобиля всякими пахучими елочками, дубками и осинами. К сожалению, ничего не помогало – ни косметика, ни специальные шампуни. Наверняка скунсовому амбре суждено скончаться вместе с машиной.

Невыносимо почавкивая болтающимися покрывками, фитильмобиль подчинился и кое-как выбрался из гаража.

Выезд из дома спланировал весьма нехороший архитектор. Или же кто-то слегка напортачил в строительных планах. Или забыли закончить проект. Мало ли что. Но ворота гаража упираются прямым в перекресток. Причем выезжать приходится на одну из самых запруженных и опасных дорог – здесь пролегает продовольственное сообщение между районами. То есть: каждые пять минут – грузовик, каждые полминуты – фургон, каждые несколько секунд – мелюзга вроде остальных видов фитильмобилей.

А выезжать приходится, если не хочешь проторчать в гараже до вечера, когда иссякнет поток машин. Потому надлежит каждый день рисковать.

Представляете? Едет себе многотонная фура, проезжает перекресток. По сторонам – ни души, потому как движение перекрыто магическим регулировщиком. Водитель грузовика спокойно нажимает на газ. И тут буквально из воздуха прямо ему под колеса вываливается мелкая легковушка. И все –поминай как звали – дорожно-транспортное происшествие на ровном месте. Срамота! ДТП на глазах колдофора, который, словно светофоры в других мирах, регулирует уличное движение.

На дорогу из гаража можно выскользнуть лишь только в промежутке между

переключением сигналов магрегулировщика. Это примерно три секунды. И пока они наступят, приходится ждать.

Слева и справа от капота фитильмобиля неслись разнообразные машины. Кое-где маленькие, городские, смешивались с громадами грузовиков. То тут, то там виднелись изысканные кареты богачей и бизнесменов, запряженные парочками пегасов. К перекрестку приближалась многотонная глыба тюремного катафалка, в котором перевозили заключенных вампиров.

Над крышами домов, вовсю усеянными слоганами вроде «Пей только свежую кровь! Минздрав предупредил», пролетел служебный дельтаплан темных эльфов. Наверное, последний дежурный отряд спешил на покой. Тъмэльфы очень не любят дневного света, он для них еще хуже, чем для вампиров осина.

Сверху донеслись грязные ругательства:

– Чтоб оно сгорело... солнце... это!..

– Летим быстрее ... куда подальше...

Солнце, конечно же, не обиделось, лишь слабые отблески заиграли на боках дельтаплана. Будто дразнились: вы только попробуйте высунуться из своей леталки, болтуны, – мигом испелим.

Расовая неприязнь темных эльфов к солнцу – повод для забастовок солнечных зайчиков. Раз в полгода лучи собираются на митинг на Главной площади Валибура. Галдят что-нибудь нелестное в сторону чернокожих остроухов и шумной бандой направляются в кварталы Подземных деревьев. Там происходит нешуточная схватка между представителями света и адептами тьмы. Заканчивается все к вечеру: зайчики возвращаются обратно к первому или второму светилу, а потрепанные и убитые тъмэльфы, кому не повезло, летят поправлять здоровье в котлы в Тринадцати кругах. Когда поднимается Черная Луна, темные эльфы воскресают и накатывают на валибурские таверны. Отовсюду льются песни наподобие «Темному эльфу – темное пиво, чтоб солнце угасло, чтоб оно сгнило».

Пока я таращился на дельтаплан, магический регулировщик мигнул третьим глазом и принялся загибать пальцы на левой руке в белоснежной перчатке. Приготовились!..

Четырехэтажные постройки, в основном, жилые, уходили вдаль, чередуясь с приземистыми магазинчиками и громадами магимаркетов. К воротам Потустороннего базара в конце улицы спешили милые старушки в передничках – горничные и поварихи. Они всегда выползают ни свет ни заря, чтобы потешить хозяев сдобной выпечкой и салатами из свежих овощей. И остановить их может только волшебное слово «переучет». Несгибаемый народ, ради хозяина пойдет на убийство, только бы раздобыть охапку свежего шпината.

Я подумал о несправедливости жизни. У меня отродясь не бывало ни повара, ни горничной. Всегда готовлю сам, периодически обжигаясь и расплавляя кастрюли. Прелесть холостяцкого существования.

Конечно, ко мне заходят женщины, причем довольно часто. Но они, к сожалению, воспринимают мою персону как аппарат для плотских утех. Еще никому из них не пришло в голову, что некий Ходжа Наследи очень не против покушать вместо того, чтобы кувыркаться в постели. Эх... Может, не нашлась еще счастливица, готовая звенеть посудой в награду за теплоту и ласку, а?

На этой мечтательной ноте я заметил, что время пришло. Магический регулировщик спикировал с насеста и воспарил перед притормозившей группой фитильмобилей. Передний ряд машин остановился как вкопанный, принудительно заскрипев тормозами – подчинился могущественному колдовству магрегулировщика. Задние повозки привычно загудели и разразились ругательствами, не видя жестов колдофора.

Магический полицейский повернулся спиной к остановившимся и дунул в серебряный свисток. Улица Одинокой повстанки тут же ожила.

Десяток или больше фитильмобилей, стоявших на перекрестной дороге, взревели и покатались вперед. Пока они не добрались до перекрестка, мне надлежало вклиниться в движение.

От всей души я нажал на газ, взывая ко всем богам, чтобы они меня услышали. Сперва лениво, а затем и грозно содрогнулся мотор. «Ласточка» дернулась и устремилась навстречу опасностям.

Целый миг ушел на неприятное чувство. Машина будто повисла над перекрестком и... внезапно заглохла в самом его сердце.

Истошный вопль разрезал мне уши. В следующий миг я понял, что вопль принадлежит мне. Впрочем, так происходит всегда – не люблю вдруг останавливаться на пути у многотонных фугонов.

Подстрекаемая моими перепуганными выкриками «ласточка» застенчиво хохотнула поршнями и медленно покатила вперед.

К моему огромному счастью, фитильмобиль все же соблагоизволил разогнаться и увезти меня прочь. Правда, сперва ударился передним бампером в бордюр, когда я не успел наклонить рулевой рычаг. Брусчатка щедро брызнула искрами. Бампер гроыхнул и подскочил – меня мотнуло вперед, – затем опустил багажник. Еще один ослепительный сноп искр – на сей раз сзади, со стороны проезжей части.

Ударившись затылком о подголовник, я все же ухитрился нажать на педаль ускорения. В ином случае меня бы просто задавили. Такие уж в Валибуре порядки: раз ты поехал не по правилам, значит, тебя на дороге не существует. Следовательно, задави тебя кто-то – судить его не станут. Не было инцидента.

Едва не подтолкнув меня в багажник, мимо пронесся тюремный фургон. Из кабины высунулась зеленая голова в черно-синей шапочке тюремщика.

– Смотри куда едешь, кретин! – крикнул гоблин.

– Утрись ты к такой матери! – не менее грубо ответил я, привычный к подобного рода диалогам на дороге.

– Эй! – крикнул мне регулировщик. – Вы крышку диска забыли!

– Благодарствую, – я помахал ему рукой через окно. – Заберу по возвращении.

Да-да, кроме ругани, на валибурских дорогах случаются также и милые беседы.

Металлический кругляш одиноко прокатился по тротуару, распугивая прохожих, и затих под вывеской «Спортманеры: консультация».

Надо будет поблагодарить домоправителя Хайкла и его архитекторов – за отлично спланированный выезд. Причем благодарить долго и упорно, до потери последней капли крови – пинками и зуботычинами.

Главное Управление выглядело как обычно: хмурые окошки, беспорядочная лепнина на фасаде, да задумчивые изваяния в виде гарпий, химер и побитых ветрами драконов.

Величественная туша центральной Башни возвышается над городом почти на полтора километра. Издали она похожа на толстый исполинский пенек неправильной формы, обросший разнообразными грибами департаментов. Окон почти не видно, они теряются посреди безвкусно разбросанных фурий, горгулий и волнообразной лепнины из колдетона. Здание выкрашено в темно-серые тона, отчего на любого созерцателя тут же нападает уныние. Бездонный колодец входных ворот зияет, будто пасть голодного бастарка. Внутри поблескивают серебристые клыки приоткрытых ворот.

Я объехал Управление с левой стороны и углубился в маленький служебный квартал. Можно поставить большой и жирный плюс руководству ГУБНИКИСа – оно беспокоится о подчиненных и делает все, чтобы облегчить им жизнь. Здесь размещаются маленькие кафе для персонала, всякие тренажерные залы, бассейны, корты, раздевалки и прочая полезная мелочь. Усталые оперативники коротают здесь время до или после службы. Весь этот комплекс так и называется – бульвар Релаксации оперативников и менеджеров, сокращенно – БРОМ. Очень милое местечко, спокойное.

Когда-то и я отдыхал в тенистом парке между магутбольным полем и маголейбольной площадкой, сиживал на ярко-зеленых лавочках с табличками «только для служебного пользования», распивал тонизирующий коктейль «Усталый оперативник». Славные деньки, хотя весьма своеобразные. К примеру, вспомню о многочисленных ранениях, смертельной

опасности, смертельной скуке и смертельных же дозах адреналина едва ли не каждый день. На оперативной работе я мог помереть в любой момент, и единственное, что радовало – организация похорон за государственный счет.

По-моему, уход со службы стал самым умным решением в моей жизни. Правда, почти ничего не изменилось с того времени. Работа частного сыщика едва ли отличается от полицейской рутины. Вот только вольным специалистам платят намного больше, чем рядовым детективам в форме с кlyкастыми погонами. Какой-никакой, а плюс таки нашелся.

Я медленно проехал четыре поста вооруженной охраны. Везде показывал персональный жетон частного детектива и ножны с «Карателем». Судорожно похрипывая двигателем и вызывая сочувствующие взгляды, фитильмобиль едва взобрался на крутую горку. Далее – спуск мимо секции рукопашного боя к северному углу Управления.

Сзади, если смотреть со стороны набережной, к центральной Башне Управления прижимается добротный шестиэтажный Дом полиции. Его фасад совершенно не похож на монструозную архитектуру Древних, построивших Башню.

Полицейское Управление Валибура является частью Главного Управления. Довольно странно, но мэрия уделяет полиции намного больше внимания и выделяет больше средств, чем всему ГУБНИКИСу. Поэтому величественная домина «Отстойника», как называют Дом полиции в народе, выглядит намного лучше и дороже центральной Башни.

Высокие колдетонные ангелы восседают на тяжелых подоконниках из разноцветного мрамора. Они упираются крыльями в широкий фронтон, разукрашенный резвящимися нимфами и фавнами. Верхушку треугольной крыши венчает голова гигантского шакала – символ Полицейского Управления. На двух других краях фронтона лежат полуобнаженные девицы в колдетонных туниках. Одну из них зовут Калибдра – древняя богиня справедливости. Ее соседка и соперница – Изистра, мать-основательница зла и преступлений, покровительница Уняжества Хаоса. Скульпторы специально разместили богинь на самом верху полицейского здания. Это будто символизирует вечный баланс между порядком и хаосом, злом и, как ни банально, добром.

У Калибдры довольно крупные бедра. Зато Изистра может похвастаться выдающимися молочными железами.

Я привычно вытаращился на отлитые из колдовского бетона божественные формы и, как всегда, слегка промахнулся при парковке. Опомнившись, я резко нажал на тормоз. Толчок едва не выбросил меня сквозь лобовое стекло. Что-то зазвенело, раздался противный скрежет. Следом полилась рулада отборнейших ругательств.

Ну и что поделать? Езда никогда не принадлежала к моим сильным сторонам.

– Ходжа! тебе пусто было! – заорал знакомый голос.

Мысленно я тут же втянул голову в плечи. Внешне же, наоборот, – приосанился. Проскрипел дверкой своего фитильмобиля и выбрался на белый свет.

Как и ожидалось, прямо перед моим носом потрясала маленькими кулачками бывшая жена.

– И ты посмел?! – завопила она, присела рядышком с иссиня-черным «Рогатти» и потрогала пальцем покореженный задний бампер машины.

– Это твоя? – невозмутимо поинтересовался я, пытаюсь не замечать на покраске чужого фитильмобиля бурые пятна краски моего собственного.

Из внушительной вмятины в багажнике «Рогатти» торчали осколки магического пластика. Они до боли напоминали куски бампера моего «Жучено».

«Вернусь домой – перетяну какой-нибудь лентой, – горько подумал я. – А то еще передок отвалится».

– Что «моя»? – взвизгнула Юласия.

Тут до нее дошло, и она покраснела.

На нас глазели со всех сторон. Из многочисленных окон Полицейского управления высунулись заинтересованные рожицы. Кто-то бормотал: «Гляди-гляди, сейчас наша опять с бывшим склоку устроит».

На пороге, в сопровождении двоих патрульных гноллов, остановилась суккуба в боевом обмундировании уличной шлюхи. То бишь в сверхкоротком платице, полупрозрачном бикини и с невообразимо хаотичной рыжей шевелюрой. Волосы ниспадали с плеч и переплетались с обильной растительностью подмышек. И кому такие нравятся?

Проститутка внимательно посмотрела на меня и послала воздушный поцелуй. От незримого засоса меня качнуло.

– Молодец, красавчик, – низким басом прогундосила суккуба. – Молодец, что врезал этому подонку. Он полчаса ломался – жалел накинута половину слитка.

Под пламенным взглядом инспектора гноллы опомнились и загремели цепями. Шлюха попыталась еще раз магически поцеловать меня с дистанции, но я уклонился.

Стало быть, моя «ласточка» только что протаранила одного из клиентов рыжеволосой. Странные у него вкусы, учитывая размеры обуви суккубы и небритые подмышки, скорее напоминающие челку сенбернара.

– Я спросил: это твоя машина? – пришлось напомнить Юласии о нашем разговоре.

Краска исчезла с ее лица, оно стремительно побледнело. В глазах загорелись такие огни, что распоследние демоны позавидуют.

Зеваки из Управления подверглись яростному взгляду. Миг, и всех как ветром сдуло. Даже несколько пешеходов поспешили ретироваться в подворотни. Весь город знает: инспектор полиции – страшная баба. А ее бывший муж – тот еще несчастный идиот, раз женился на подобном создании.

– Нет, это не мой фитильмобиль, – деревянным голосом произнесла экс-жена.

– Еще бы, – подначил я, – твоей зарплаты даже на ездовой фонарь не хватит.

– Смотри, чтобы твоей хватило.

Ноздри Юласии раздувались с пугающей скоростью. Можно подумать, я не стукнул только что какого-то богача, а переехал ее любимую матушку. Мамаша у инспектора, кстати, та еще штучка. Хуже стервы не найти, будь она неладна...

– Надеюсь, хватит, – проворковали томным голосом. – Ведь придется заплатить.

С мелодичным шипением дверка «Рогатти» поехала вверх. Из мягкой кожаной утробы вылез худосочный златоволосый тип в твидовом костюме.

– Здоров, Раваш, – я сказал это так, словно плюнул в кучу помоев.

Ну конечно! Из-за кого может так волноваться бывшая? Это ведь ее любимый братец, граф дел-ар Пиллио.

Молодой парень, не стукнуло и девяноста. Характером еще гаже, чем моя ненаглядная бывшая – хвала богам! – теща. Очень худой, что указывает на пристрастие графа к наркотикам. Подбородок заносчиво задран, холеные пальцы играют бриллиантовым брелоком фитильмобильной сигнализации. Смотрит на меня, как на раздавленную крысу – кривит губы и едва не зажимает рот обеими руками. А я за один такой взгляд готов любому челюсть своротить. Не люблю, когда унижают взглядом.

День у меня сегодня не особо удачный. И как же так угораздило – повстречаться со столькими неприятными персонажами за один присест? Но это еще цветочки, я ведь пока не зашел в Управление Полиции.

Раваш известен всему Валибуру как весьма поганый тип. Дело даже не в родовых чесночных плантациях, где семейство дел-ар Пиллио использует рабский труд вампиров-наркоманов. Молодой человек считается одним из самых богатых и, несомненно, самых извращенных горожан. Он любит всех: и девочек, и мальчиков, и даже маленьких эльфийских феечек-крылаток. Говаривают, парнишка как-то даже пытался влезть на самку бастарка. В общем, конченный похабник.

Для Юласии братишка как чирей на мягком месте. Своими похождениями и пьяными дебошами в населенных проститутками кварталах Раваш серьезно портит белоснежную репутацию неподкупного инспектора полиции. Госпожа Наследи (она еще не успела сменить фамилию после развода) едва не магическим образом вытаскивает богатого недоноска из всяких афер. Наркоманские оргии в борделях Юласия выставляет как следственные

эксперименты. Участников драки, в которой принимал участие несносный Раваш, загибают под стражу, аргументируя нападением на «секретного агента полиции». И так далее.

Юласия здорово треплет себе нервы с братишкой-подонком. Моего терпения не хватило бы и на первую переделку, названную «полицейской операцией», когда Раваш из ревности почти зарезал свою подружку.

– Это тебе платить?! – деланно изумился я и сделал угрожающий шаг навстречу графу. – У меня есть страховка.

– И все же заплати, – потребовал господин дел-ар Пиллио. Он даже не вздумал отодвинуться. Вот же дурак! Или специально провоцировал, зная мою вспыльчивую натуру? – В двойном размере. Ты мне испортил день...

Юласия не успела ничего предпринять. А я уже возил Раваша мордой по брусчатке.

Ну, накопилось за долгое время. А лучшего повода и не придумать. Единственный минус – множество свидетелей, было бы лучше подстеречь засранца где-нибудь в уютной подворотне.

Видите ли, платить этому гнойному прыщу! В двойном размере! Аха-ха!

– Запомни, сынок, – приговаривал я, плотнее прижимая физиономию Раваша к дороге. – Никогда, – шмяк-шмяк, – не называй... – шмяк-склык, – старших на «ты»!

– Оставь его в покое, – слабо взвизгнула инспектор.

Надо отдать ей должное. При всех недостатках родственника, Юласия действительно о нем заботилась.

Я с сожалением отпустил рыдающего графа и поправил одежду.

– Прости, милая. Не сдержался, – пришлось скромно замереть в поклоне.

– Ты зачем его ударил?! – набросилась на меня девица. – Он тебе ничего не сделал!

– Извини... – пробормотал я.

И замолчал. Не рассказывать же ей, что мечтал сделать это уже полтора года, с того самого времени, как начал встречаться с сестричкой Раваша. Еще в кратковременной супружеской жизни меня бесило то, что Юласия печется о брате больше, чем о родном муже. Кроме того, противный граф когда-то попытался соблазнить мою любовницу.

Нет, этого я точно не скажу.

– Зачем приперся? – бывшая подняла залитого соплями родственника с брусчатки и ткнула ему платок. – Чтобы его обидеть? Или меня опозорить?..

– Если ты помнишь, – вкрадчиво отозвался я, – мне вчера заплатили аванс. Вот, пришел, чтобы осмотреть вещи покойной и узнать ее адрес. Клиентка, к большому сожалению, не успела рассказать, где живет.

Юласия некоторое время колебалась. На ее симпатичном личике явно читалось нежелание впускать меня в святая святых Полицейского Управления. Кроме того, в маленькой головке кружились мысли: а что, если бросить гражданина частного детектива за решетку? За избиение «секретного агента полиции».

Наконец, победил здравый смысл. Инспектор понимала, что закрой меня в очередной раз – прибавит себе негатива с моей стороны. А моя персона умеет быть до невозможности мстительной. Кроме того, граф дел-ар Пиллио давненько напрашивался на хорошую трепку.

В глубине прелестных глаз плясали озорные огоньки. Неужели добродетельная Юль, как я называл ее в моменты близости, и сама мечтала съездить братику по роже?

– Ладно, – сказала она, прищелкнув языком. – Можешь идти в архив. Вещи брать запрещается.

– Спасибо, милая, – я сделал неувловимое движение, словно хотел поцеловать ее в щеку.

К моему удивлению, она не отстранилась. Только зрачки расширились. Не то от испуга, не то от восторга.

Пребывая в полном недоумении от действий бывшей супруги, я нырнул в открытую пасть Полицейского Управления. Раньше Юласия мигом бросила бы меня на тюремную койку. Ведь я уделал ее брата. А теперь не возражала, чтобы ее поцеловали.

Странные дела вокруг. Неужели в случае с инспектором начал действовать мой

хваленый шарм? Если так, то теперь передо мной не устоит ни одна девица. Бывшая жена ведь не устояла!

По дороге к архиву меня догнал какой-то клерк с погонами хват-младлейтенанта и отобрал квитанцию страховой компании. Доброта Юласии закончилась, едва я отошел на несколько шагов. Экс-благоверная посчитала ненужным навлекать на богатого брата излишние финансовые трудности. Пусть лучше заплатит нищий частный детектив, засмотревшийся на каменные сиськи. Что ж, сам виноват – нечего роток разевать, где не следует.

Ступая по выцветшему ковру, я довольно потирал ладони. Таки сбылась мечта последних лет. Удалось помять бакенбарды зазнавшемуся извращенцу.

Кстати, мне показалось или из-под его штанин выглядывали тренировочные сапоги? Мягкие, из воловьей кожи, подбитые дерматином с опылением из ребра костяной кукушки. Удобные и совершенно бесшумные – новшество от эльфийских военных дизайнеров. В такой обуви упражняются начинающие лучники. Стрелки... лук из железного дерева...

Вот бы оказалось, что убийца Марии бель-ал Сепио – Раваш. Я бы не нарадовался.

Странно. Это паранойя или желание, чтобы все сложилось так, как мне хочется? Даже в брате бывшей жены узрел убийцу.

5. Убитая девушка

Перед входом в архив меня остановил еще один донельзя неприятный полицейский. Оказалось, что устного разрешения инспектора недостаточно, чтобы войти в «бумажный» отдел. Сперва мне надлежало получить допуск, подвергнувшись унижительной проверке личности.

Меня практически силой втоптали в небольшую конторку. За крепким столом, занимавшим две трети пространства, размещалась жирная туша дежурного демона. Телеса выпирали из всех отверстий его одежды, даже украшенные клыками погоны хват-лейтенанта, казалось, испуганно ёжятся на колбасоподобных плечах.

– Что тут у нас? – хрипло поинтересовался демон.

Он небрежно ткнул толстеньким пальцем в наручный мозгомпьютер на запястье. Темное Зерцало душ, угрюмо стоявшее на трех полусогнутых ножках у левой стены, содрогнулось и оглушительно чихнуло.

– Будьте здоровы, – пожелал я казенному аппарату.

– Кокой воспитонный, – восхитилось Зерцало. – Побольше бы токих приходило.

– Спасибо, – моя благодарность была совершенно искренней. С малых лет я научился уважать любой одушевленный предмет. – Всегда рад услужить.

– Во, – на гладкой поверхности зеркала появилось подобие улыбки из мелкой стеклянной ряби. – Воспитонной и культурной. Не то что этот... Доже пыль не протирает. О у меня оллергия но пыль.

Колдовской агрегат нахмурился с помощью той же ряби и слегка покосился в сторону демона. От Зеркала веяло настоящей, тысячелетней старостью. Его бы давно отправить на пенсию, куда-нибудь в Пансионат благородных предметов. Но нет, государство экономит на работниках, заставляет вкалывать до последнего. наших чиновников не интересуют такие мелочи, как невероятная дряхлость одушевленной вещицы и некоторые проблемы с речью: вместо «а» выговаривает «о».

– Чего тебе, ирод?

Хват-лейтенант посмотрел на Зерцало так, будто бы впервые его заметил. Страхнул с погон невидимую пылинку и с видимым пренебрежением бросил какую-то служебную пароль-фразу активации. Знаю таких индивидуумов. Мелкая шишка, ничего собой не представляет, но к подчиненным относится, словно к распоследнему отребью. Был у меня когда-то командир взвода с подобным характером. Плохо кончил...

– Досье на посетителя, – потребовал демон.

– Сейчас, – буркнул агрегат, подключаясь к мозгомпыютерной линии, сиявшей алыми змейками над плинтусом.

– Ноступин, Носреддин... Во! Носледи. Довоть детольную информоцию или огроничиться общедоступной бозой Полицейского Упрвления?

Хват-лейтенант смерил меня тяжелым взглядом. Но, вероятно, не увидел на моем лице ничего необычного.

– Давай вкратце.

Зерцало вдруг решило пообщаться на нормальном языке и не путать буквы:

– Ходжа А. Наследи, лисоборотень высшей касты. Родился...

– Еще короче, пожалуйста, – демон мученически закатил глаза. Нетрудно было догадаться, что думал он об обеденном перерыве и нескольких килограммах (не меньше) чего-нибудь съедобного.

– Служил в специальных войсках, наград и поощрений не имеет. Есть несколько порицаний и сто шестнадцать суток гауптвахты за неподчинение приказам. Образование чуть-чуть высшее, не смог закончить Университет наземно-подземных войск. Из армии уволился в звании хват-сержанта. Четырнадцать лет проработал в Главном Управлении по...

– Еще короче.

– Так... Беспорядочные связи с женщинами, неудачная женитьба... Ярое невосприятие алкоголя... Характеризуется как очень нервный, вспыльчивый... Нет, не то. Надо покороче. Во! В настоящее время занимается частным сыском, имеет надлежащую лицензию, удостоверение и право на ношение именного полиморфоружия. Доступ к архивам Полиции тоже имеет. Хранящееся хап-фото совпадает со слепком ауры и физиономией посетителя.

– Идите, – напоминающая свиную ляжку краснокожая рука грохнула по чистому бланку пропуска, оставляя огненную печать. – Вход разрешен.

– Спасибо, – это я сказал, уже растворяясь в двери. Надо же, Юласия даже не позаботилась о том, чтобы создать для меня дополнительные трудности.

– Досточтимый, – донеслось из кабинета, – смахните, будьте добры, хоть немного пыли.

– Перебьешься. У меня перерыв на первый ленч. Будь добро, в свою очередь, сделай заказ в столовой...

Энт Седобор никогда не отличался приятной наружностью. К тому же, он постоянно старался выглядеть как можно неприметнее. Насколько это возможно для многотонного векового дуба.

Комната архива, куда я вошел, преодолев не меньше дюжины постов вооруженной охраны, напоминала скорее дремучую чащу, чем административное помещение.

Лес раскинулся сразу за порогом. Под ногами зашелестела густая трава, во все стороны порскнули мелкие жуки и бабочки. Несколько километров пространства занимали толстые, тонкие, переплетающиеся, мясистые, хлипкие, колючие, гладкие и еще кто знает какие стволы разнообразных цветов – деревьев, кустов и так далее. В общем, растений.

Воздух наполняли свежие ароматы хвои. Ощущался слабый ветерок – он вырывался откуда-то со стороны невидимых окон. Густые ветви, покрытые бурыми наростами древесных кровопийц, тяжело колебались над самой моей макушкой. Стоял невообразимый вой и писк целых полчищ зверьков, во множестве населявших это царство природы.

Обнаружить энта в подобном бедламе, если деревяшка, к тому же, не хочет, чтобы его нашли, дело проблематичное. Впрочем, у меня всегда с собой несколько трюков.

– Господин Седобор! – заорал я в полную глотку. – Нужна справка из архива!

В ответ лишь тишина. Многозвучная такая тишина, сдобренная криками горластых обезьян, цикад и птичьей братии.

– А еще необходимы вещи одной убитой девушки!

Результат аналогичный.

– А еще у меня есть немного огня! – пришлось возопить до хрипоты.

Я плавно вытащил активированный «Каратель» из ножен-кобуры. Повинуясь

мысленному приказу, лезвие превратилось в длинный металлический прут с ярким пламенем на кончике. Нависающие ветви испуганно зашипели и отдернулись подальше от меня – к самым верхушкам деревьев.

– Кого там демоны притащили? – донесся из чащи приглушенный рев. – У меня обед!

– У энтов не бывает обеда, – я спокойно уселся на ближайшую кочку. Или это пенек, обросший мхом? – Вы круглосуточно жрете прямиком из земли.

– Есть только один бессовестный оборотень, – недовольно ответили мне, – позволяющий себе паршивые шуточки с огнем в государственном архиве полиции.

Говорили очень медленно, тягуче. Словно обдумывали даже не каждое слово, а каждый слог по отдельности.

Голос одушевленного дерева приближался с пугающей скоростью. Легкий холодок прополз у меня по спине. Расстроенные энты двигаются быстро только в случае атаки. Иначе он бы ко мне полчаса добирался. Видимо, не забыл еще прошлогодних разногласий.

– Это я, глубокоуважаемый Седобор! – с большим трудом я заставил губы не дрожать от страха.

– Бесстыдный бабник Наследи собственной персоной, – громыхнуло над самым ухом. И как деревяшка умудрился подойти столь незаметно? – Посмел явиться здесь после того, как обманул меня?

– Это была случайность, – я миролюбиво поднял руки и бросил деактивированное оружие на траву. – Меня заставили!

Дело в том, что какое-то время назад мне пришлось слегка «похимичить» а архиве. Один темный эльф, будучи на дежурстве, заметил мою персону (а я тогда находился в браке с полицейским инспектором) в компании некой молодой особы женского пола. В полностью обнаженной компании, на скамейке в общественном парке рядом с Черным озером. Согласно Священному расписанию, тьмэльф внес этот хулиганский акт в регистр полицейских дел. И, конечно же, данная досадная случайность оказалась в моем личном деле.

Опасаясь грозной расправы, я хитростью проник в архив, сполсил Седобора отравленными удобрениями и удалил ненавистную запись из своей биографии. Впрочем, деяние не прошло безнаказанным. Меня поймали, энта лишили месячной зарплаты, а жена подала на развод. В общем, получился весьма резонансный скандал. С драками, синяками и шишками на моем лице. Юласия же едва не лишилась звания – из-за паршивейшего морального облика мужа.

– Ладно, – это короткое слово повергло меня в полнейшее недоумение. От последовавшей же за ним фразы мои глаза эффектно полезли из орбит. – Кто старое помянет – тому и дупло-глаз долой.

– Чего? – не сдержался я. – Вы на меня не сердитесь, глубокоуважаемый господин?

Вот уж не ожидал такого от злопамятного энта. А ведь ожидал всего, даже удара тяжелой веткой по макушке. Потому и шел в архив на негибающих ногах и готовясь к наихудшему.

– У тебя есть еще тот гумус? – древний дед мог позволить общаться со мной на «ты». Я себе подобной вольности не позволял.

Шершавый ствол, рассеченный глубокими морщинами трещин, приблизился почти вплотную ко мне. Края широкого дупло-рта Седобора нервно затрепетали перед моим носом.

Все стало на свои места. Мог бы и припомнить, что алкогольная отравка действует на энтов точно сильнейший наркотик. Даже одна дегустация волшебного зелья превращает их в последних наркоманов.

Какой же я засранец! Из-за меня этот несчастный работник архива почти целый год пребывал в плохом самочувствии. Надо бы ему помочь.

– Есть, конечно, – успокаивающие похлопывания по нижним ветвям немного помогли. Энт перестал нервно покачиваться и шевелить корнями под землей. – Могу вам завтра притащить ведерко-другое.

– Принеси, будь добр, – живая деревяшка признательно склонила крону. Сверху

посыпались мелкие желуди и парочка свернувшихся листиков. – Мочи больше нету терпеть. Даже работу бросить хотел – только бы тебя найти с той божественной отравой.

– Договорились, – пообещал я. При этом твердо намереваясь приволоочь ему два ведра самых дорогих лекарств от наркомании. Если таковые существуют в природе, конечно.

– Охх-тр-тр-акх, – расслабленно выдохнул энт. – Если принесешь – все для тебя сделаю.

– Вот и сделайте, пожалуйста, глубокоуважаемый. Необходима информация по некой Марии бель-ал Сепио. Плюс личные вещи для осмотра.

– Сию секунду, – затрещал Седобор. Его думательная ветка повернулась в сторону леса. Земля во многих местах взбугрилась – корни зашевелились, подключаясь к мозгомпьютерной линии архива. – Вот скажи, пока я тут копаюсь... Почему так долго не заходил?

– Да что-то дел в последнее время попадалось мало, – проворчал я, мысленно подсчитывая, сколько заработал за последний год. – К тому же развод...

– Развод?!! – дупло-рот широко раскрылось в изумлении. Маленькие ветки-манипуляторы взметнулись поближе к думательной ветви. – Ты что, с Юласией развелся?!!

– Угу...

Грусть моя была столь же всеобъемлюща, как и недавний восторг от избиения Раваша.

– Из-за того случая? – энт старался очень тактично выведать информацию. – Не помогло удаление?

– А вы не в курсе? – я запоздало припомнил, что по причине возлияния отравленными удобрениями Седобор почти месяц простоял в полной прострации. Откуда же ему знать о моих злключениях в семье?

– Понятия не имею, чего там у тебя случилось.

Пришлось рассказать все по порядку. И о досадном бракоразводном процессе, и о многочисленных скандалах. Под конец упомянул, что таки намылил рожу ненавистному братцу госпожи инспектора.

– Он всегда был против нашего брака, – пожаловался я. – Всегда норовил схлопотать по грязной физиономии.

– Ясно, – над лесом повисла деревянная грусть. Даже мартышки приумолкли.

Впрочем, длилась тишина недолго. Спустя какие-то секунды природа вновь возвратилась к своим беззаботным задачам. Затрещали цикады, принялись драть глотки птицы.

– И как ты теперь? Где живешь? – листья на думательной ветви Седобора налились хлорофиллом, почти заблестели в полумраке чащи.

– Снимаю небольшую квартиру. До последнего времени даже мебели не имел, все осталось у Юласии. А вот недавно с боем прорвался в поместье дел-ар Пиллио. Хапнул парочку стульев, кожаное кресло для посетителей и миниатюрную тумбочку. Мы с бывшей когда-то прикупили целый гарнитур в прихожую, так что она не обеднеет.

– Полагаю, – ствол Седобора мелко затрясся, изнутри послышался прерывистый треск, – госпожа инспектор была не очень рада твоему визиту и последующей за ним экспроприацией некоторых вещей из фамильного поместья.

– Что тут смешного? Зачем смеяться, господин хороший? – я стиснул кулаки в благородном гневе. – У меня было право на несколько вещей! Пусть даже они не из того мебельного гарнитура, что мы приобрели... Надо же моим клиентам на чем-то сидеть.

– Зная тебя, предположу, – вновь хихикнул энт, – что после счета на твои услуги клиенты остаются сидеть на задницах.

– Не смешно, – парировал я. – Вы собираетесь давать мне информацию по интересующей меня девушке?

– Мертва, – буркнул деревяшка с таким видом, будто выдал мне полное досье на госпожу бель-ал Сепио.

– Это и без вашей помощи известно, глубокоуважаемый, – пришлось нахмуриться и принять угрожающий вид. Я демонстративно уставился на лежащий в траве «Каратель». Всем видом показывая, что размышляю о массовом сожжении многих деревьев в здешнем кустистом бардаке. – Можно поподробнее? Где жила, связи, прочее?

– Многого не скажу, – ветки энта широко разошлись, словно бы он развел руками. – Мария бель-ал Сепио проживала не здесь. Ее родителям, сиятельным господам Шамуру и Донне бель-ал Сепио принадлежат шестнадцать акров земли в городке под названием Дубльвилль. Этот городок находится почти у самой границы с Княжеством Хаоса. Большого в архиве не найдешь – придется слать запрос в Полицейское управление Дубльвилля, а это займет не менее недели.

Я сидел на кочке (или все же пне?), уткнувшись лицом в ладони. Вот это попал! Если бы знал, что клиентка из провинции – содрал бы в десять раз больше. Но теперь уже поздно – наш словесный договор зарегистрирован в ОРКе (Отделе регистрации клятв) и ЭлФЕ (Электронном фиксаторе епитимий). К тому же такую договоренность не разорвать без согласия обеих сторон – таковы проклятые законы Большого мира. Если умирает одна из сторон договора, вторая все равно обязана предоставить услуги. Наиболее, между прочим, от этого правила страдают проститутки...

– Далеко он, этот Дубльвилль?

– Сейчас... – энт некоторое время безмолвно покачивал ветвями. – Четыреста шестнадцать километров от центра Валибура. Поедешь на фитильмобиле? Или могу заказать тебе билет на живовоз. От железнодорожной станции всего полчаса пешком до поместья бель-ал Сепио.

– Заказывайте, – мой вздох был похож на стон. Больше всего ненавижу длительные путешествия. – Машина такого расстояния не выдержит.

– Уже, – дупло-рот разошлось в широкой улыбке. – Ездишь все на той же рухляди?

Еще один тяжелый вздох.

– Ладно, – я до упора открыл вентиль своего оптимизма. – Могу я попросить личные вещи убитой со склада вещественных доказательств?

– Они перед тобой.

Что-то щелкнуло на уровне моей головы. Ствол Седобора раскрылся широкой трещиной. Из темного отверстия показался серебристый поднос. На нем – завернутая в целлофан одежда, несколько монет, выпотрошенная дамская сумочка, пара тюбиков помады, какой-то крем, тени для век, румяна, вечный носовой платок, украшенный витиеватыми кружевами, магическая ручка, мозгомпьютер на тонком золотом ремешке, круглый бронзовый кулончик на простенькой веревочке. И еще целая туча всяких женских мелочей.

– Ты помнишь, что вещдоки брать запрещается?

– Конечно, – я тут же положил мозгомпьютер девушки обратно на поднос. – Как о таком забыть?

– То-то, – по-отечески вздохнул энт. Он то и дело ждал от меня подвоха. – Нашел что-нибудь интересное?

Кулон не показался мне достойным внимания, обычная поделка с родовым гербом. Косметику тоже пришлось отложить. Носовой платок, если верить краткому описанию, лежавшему тут же, на подносе, носил следы ауры только своей владелицы. Больше ничего. Единственное, что меня заинтересовало – мозгомпьютер Марии. Там могли бы найтись разнообразные сведения, необходимые для дела. Но раз Седобор запрещает брать...

– Ладно, – я задвинул вещи убитой обратно в утробу деревяшки. – У меня все.

– Так быстро? – удивился энт. Он привык, что я часами копаюсь в вещественных доказательствах. – Ты гляди, не умыкнул ничего с подноса! Я-то думал, что хапнешь какую-нибудь безделушку. «Очень необходимую для следствия», как ты когда-то выражался. Каждый сыщик – тот еще ворюга. Ага-ха. Тр-р-кряк-тр-р.

Пришлось признать:

– Тут нет ничего ценного для детектива.

– Даже не спросишь о причине смерти?
– Зачем? Ее ведь убили у меня на глазах. Стрелой – прямо в сердце.
– Зря не спрашиваешь, – укорил меня Седобор. – А еще детектив! Скажи, ты знаешь, что стрела не прошла в грудь убитой дальше кожного покрова?
– Что? – мои брови взлетели на лоб. – Как не дошла? Отчего же она умерла?
– От паралича.

Странно. Паралит – практически безвредный химикат, вызывающий у оборотней обычный паралич. Или летаргический сон, если быть точнее. Отравленный параличом не умирает – полежит несколько часов, а потом проснется с несусветной головной болью.

Довольный моим ошеломлением, энт захлопал ветвями, точно большая деревянная птица, собравшаяся взлетать.

– У Марии бель-ал Сепио было очень слабое сердце. Если верить заключению дежурного патологоанатома, а также медицинским записям в столичной хирургической больнице, девушку ожидала операция буквально на следующий день после ее скоростной смерти. Паралит вызвал мгновенную дегенерацию сердечной мышцы. Вот тебе и результат.

Я вышел из архива в страшном волнении, даже не попрощавшись с начинающим наркоманом. Вот дела какие! Никто Марию не собирался убивать – только усыпить. А дальше что? Ко мне в кабинет ворвались бы те двое, избив одного детектива до состояния комы и забрали бы девушку? Мол, просто хотели ее обездвижить и забрать... Куда? Уж не в клинику ли? На операцию. Или собирались с ней поговорить? Потому меня и не прихлопнули на крыше! Или все же убийца знал о слабости своей жертвы, потому и воспользовался столь ухищренным методом? Интуиция подсказывала, что госпоже бель-ал Сепио все же не желали смерти.

Да уж, загадка – так загадка. В кабинете смертельно опасного детектива хотели похитить клиента.

Единственное, что подняло настроение моей озадаченной особе – мозгомпьютер. Конечно же, не моя магическая машинка. Пока Седобор разглагольствовал о моральных качествах частных детективов, я незаметно подменил браслет Марии своим собственным. Вот вернусь из путешествия в Дубльвилль и сделаю ту же операцию в обратном направлении.

Я прислонился к стене, в самом темном уголке коридорчика, ведущего из архива в общий зал Управления. Несколько минут ушло на взлом допотопной защитной системы. Еще мгновение понадобилось на вход в личное пространство Скандалнета Марии бель-ал Сепио.

Ага, понятно. Последние записи. Ничего интересного: легкая эротическая переписка – флирт с неизвестным поклонником из сети, рецепты варений, чертежи-раскройки для шитья, дневник, заполненный глупыми девичьими секретами и мечтаниями – не люблю такое.

А вот тут уже любопытно. Файлик называется «Если я умру». Без пароля.

«Если я умру, завещаю мое имущество...»

Ничего интересного – короткий список имен, которые пришлось запомнить на всякий случай – вдруг потеряю эти думающие часики. Далее прощальная записка: мол, я всех вас любила. Простите, если ушла из этого мира, не попрощавшись и не попросив прощения за трам-пам-пам какие-то там прегрешения.

Последняя фраза меня убила наповал. Я даже перечитал ее трижды, проверяя, понял ли суть. А, надо отметить, ничего не понял.

«Меня убила собственная кровь», – написала девушка. Именно так и написала.

Пока я размышлял о новой загадке, стоя в самом центре Полицейского управления Валибура, в нескольких метрах от забитой до упора инспекторами и детективами комнаты, на меня напали.

Серебристое лезвие примчалось из полумрака настолько быстро, что я не успел защититься.

6. Очень дальний родственник

Понимая, что незамедлительно лишусь любимой головы, я не нашел ничего лучшего, чем зажмуриться. И из последних сил двинуть пяткой в сторону размытого силуэта убийцы.

Тусклый клинок мгновенно замер у кадыка. По шее ощутимо проползли капельки холодного пота.

– Ну ты и гад... – прошипели из полумрака.

Магиталлический каблук моего ботинка угнездился где-то в паховой области неизвестного. Несостоявшийся киллер скрючился и, повизгивая, точно самка огненного буйвола в течке, грохнулся на пол. Следом прозвенело оружие убийства.

Все еще не веря в спасение, дрожащей рукой я извлек «Каратель». Активировал колдовское свечение клинка и занес его над головой.

– Вот те раз, – само сорвалось с губ.

– Уй-ю...

Передо мной валялся не кто иной, как граф дел-ар Пиллио собственной персоной. Ухватившись пониже живота, Раваш буравил меня негодующим взглядом. Надо отметить, спеси в нем изрядно поубавилось.

Я пинком отбросил оружие графа на безопасное расстояние.

– Полагаю, надо бы объясниться. У тебя шесть секунд – только закурю.

Пока «жертва» родовитого убийцы щелкала зажигалкой и делала первую затяжку сигаретой, Раваш понемногу приходил в себя. Он оперся о стену и со стоном поднялся. Скривился, обнажив мелкие зубы, и помассировал ушибленное место.

– Не думал, что у тебя такая реакция.

Я выпустил облако ароматного дыма и неопределенно пожал плечами. Без слов. Не объяснять же далекому родственничку, что скорость рефлексов – первейшее оружие частных детективов. После интуиции и логики, конечно.

– Говорю сразу, – дел-ар Пиллио нервно пробежался языком по губам, – я не собирался тебя убивать.

– А то как же...

Мне хотелось произнести какую-нибудь гневно-саркастическую тираду. А потом разmozжить высокородную головенку Раваша о ближайшую стену. Или сделать еще чего похуже. Надо признаться, холеный типчик из богатых кварталов здорово подействовал мне на нервы – ноги до сих пор подрагивали от смертельного ужаса.

– Это бутаторский клинок! – взвизгнул брат моей бывшей, закатив глаза на занесенный над его макушкой «Каратель».

Подозревая, что оппонент размышляет над наиболее кровавыми сценами расправы, граф дотянулся до своего меча. Я не успел ничего предпринять, как он с силой грохнул клинком о колдетонный пол. Жалобно треснув, оружие разлетелось десятками осколков.

– Из мягкого магического пластика, – констатировал я, поднимая один из обломков. Такой вещицей не то, что не убьешь, но даже и синяк нормальный не поставишь.

– Вот видишь! – в голосе Раваша проскользнули оптимистические нотки. Неужто он решил, что я не отрублю ему нос? – Я просто хотел над тобой пошутить.

Несколько секунд ушло на обдумывание ситуации. Как бы мне не хотелось зарезать подлеца, аки свинью, он не сделал ничего плохого. К тому же, имел полное право меня слегка припугнуть – я ведь намял ему бока на глазах у всего Управления полиции.

Пришлось деактивировать «Каратель» и вернуть его на законное миролюбивое место – в ножны-кобуру.

– А теперь не откажусь услышать объяснения. И пару-тройку извинений, – мой взгляд совершенно не смягчился и продолжал буравить графа. Также мне хотелось увидеть небольшую лужицу на полу под господином дел-ар Пиллио. Но граф, к сожалению, не был настолько испуган, чтобы обделаться у меня на глазах. – Ожидал, что я буду визжать, как

престарелая девица из медицинского корпуса пифий? И сам попал в переделку. Ты хоть представляешь, что в шутку нападая на матерого сыщика, рискуешь остаться без ушей или иных, более важных для жизнедеятельности органов?

– Прошу прощения, – Раваш отряхнулся от пыли, поправил дорожное (не меньше годового жалования среднестатистического частного сыщика) одеяние.

Дальнему родственничку повезло – полицейские ревностно следят за соблюдением чистоты в Управлении. Потому он почти не запачкался.

– Можешь считать, что тебя простили, – высокомерно промолвил я. Когда еще выпадет такая честь: пресмыкающийся перед тобой представитель сильных мира сего. – Но в следующий раз удавлю тебя собственным хвостом.

Граф потер между ног. Видимо, приложил я его по-взрослому.

– Ты, это... – промямлил дел-ар Пиллио.

– Не выражайся как холоп, – одернул я его, величественно взмахнув рукой. Праздник продолжался – частный детектив издевается над знаменитым миллионером из богатейшей семьи. – Давай согласно социальному статусу. Мол, напал на глубокоуважаемого и милостивейшего сударя Наследи потому...

– ...что хотел перемирия. Как-никак, а ты являешься, хоть бывшим, но мужем моей сестры.

Мои брови ощутимо дернулись по направлению ко лбу.

– А зачем мне с тобой мириться? – губы сами собой скривились в пренебрежительной ухмылке. – Мы разве ссорились? К тому же, помнится, на одном из званых ужинов вашей семейки ты говорил теще, что даже не благоизволишь поздороваться с таким исчадием трущоб, как я.

– Ну... – протянул дел-ар Пиллио, теряя остатки надменности. В этот момент он показался мне самым обычным парнем, каких миллионы в Валибуре. Молодой человек, пусть в дорожных одеждах, слегка испорченный выпивкой, разгульной жизнью и наркотиками. Чем не грузчик из порта? Вот только рожей не вышел. Сразу видно, что подленький – по бегающим глазенкам цвета вечернего неба. – Ты ведь отправляешься в Дубльвилль? Мне там кое...

Вот оно что. Где-то в глубине души я чувствовал, что примиряющее «нападение» графа имеет более глубокие мотивы. Ему потребовалась услуга, причем – от меня. Нет, поверить нельзя такому счастью!

– Полагаю, Юласия совершенно не печется о секретности информации внутри Полицейского Управления, – сказал я грозно. – Едва частный детектив покидает архивы, как тут же к нему подкатывает незнакомец. И предлагает, скажем, переправить несколько килограммов наркотика в некий городок. Либо забрать порошок на обратном пути. Детективов ведь могут и не проверять на предмет контрабанды. Мы считаемся самыми законопослушными жителями этой страны.

У Раваша дернулась щека. Будто мой выстрел попал в самую точку.

Вот те на, неужели мальчик действительно занимается наркотой? По некоторым слухам, где-то в пустыне Хумбры, на полпути к Дубльвиллю, находятся плантации усладиума – сильнейшего психотропного вещества среди известных науке. Весьма сомнительно предполагать, что интерес заядлого наркомана дел-ар Пиллио вызван архитектурными изысками Дубльвилля.

– Это почему я – «незнакомец»? – медлительный говор далекого родственника намекал на обиду. – Я числюсь в полиции секретным агентом.

Мне не оставалось ничего другого, как презрительно хмыкнуть.

– Возле Дубльвилля у нас, – он произнес это таким тоном, что я ни капельки не засомневался – «у нас» означало «у семьи дел-ар Пиллио», – находится небольшое поместье. Совсем маленькое, но стоит хороших денег... Недавно поползли слухи, что в ближайшее время готовится военное вторжение объединенных сил Хаоса и Дальних Кругов. В общем, я решил домишко продать. Потому мне необходимо съездить туда и заняться этим...

– А заодно проверить, как там созревают цветки усладиума, – саркастически закончил я.

Он смерил меня недовольным взглядом:

– Тебе можно простить это оскорбление. «Ибо не ведают низкие, что говорят им высокие», – так сказано в Священном Расписании.

– Вижу, к тебе возвращается былая спесь, – я выдвинул клыки из-под верхней губы. Это у меня означает насмешку.

– Ты мог бы приличнее вести себя с человеком, намного выше тебя по гражданскому статусу.

Этот тип стремительно превращался из обычного парня в годами ненавистного мне подлеца. Может, врезать ему еще раз? Для профилактики...

Завидев, что я поигрываю пальцами на рукояти «Карателя», граф несколько притих.

– Ты ведь частный детектив, так? – спросил он, отодвигаясь на шаг – на всякий случай.

– Ну?

– И в твоей практике имели место два-три одновременных дела?

– Продолжай, – нос у меня слегка дернулся. Первейший признак: учуял запах денег.

– Я бы хотел нанять тебя на работу, – дел-ар Пиллио решил, что хватит юлить и сразу, как говорится, взял быкооборотня за рога. – Очень легкая работенка. Которая, кстати, ничуть не повредит твоему главному делу.

– Нет.

Не то, чтобы мне не хотелось дополнительного заработка – просто неприязнь к родственнику превысила меркантильность.

– Две тысячи валлов, – без раздумий выдохнул граф.

– Посвяти же меня в свои грязные секреты, – едва не завопил я. – Согласен!

Названная сумма была воистину громадной. В Валибуре почти не пользуются бумажными деньгами – только банковскими векселями или чистой пробы металлом. Золото, мелкая бронза, ненавистное оборотням серебро, платина, которые считают слитками. Валлы же – мелкие драгоценные камни. Один валл равняется одной четвертой карата алмаза или другого равнозначного камешка. За триста валлов можно приобрести неплохой фитильмобиль, за тысячу – снять однокомнатную квартиру, наподобие моей, на целый год. За две же тысячи валлов вполне вероятно прикупить себе второсортное жилье. Хоть и разоренную дыру в бедном квартале, но все же СВОЮ!

Малыш дел-ар Пиллио приосанился. Теперь передо мной стоял все тот же заносчивый дворянин с плохими манерами.

– Ты должен охранять меня во время путешествия в Дубльвилль, – заявил он.

Его подбородок задрался к потолку, граф смотрел на меня свысока и явно презирал. Мол, все вы такие – чернь смердящая! Как только деньгами блеснет – пресмыкаетесь.

Впрочем, мне было глубоко плевать на все его высокомерно-родовитые штучки.

– Значит, твое худосочное тело прибудет в городок без единой царапинки, – сказал я. – А в Дубльвилле что последует?

– В конечной точке путешествия моей особой займутся семейные телохранители. Идем!

Сей краткий монолог я воспринял с полнейшим восторгом. Совершенно не противясь и не задавая лишних вопросов, частный детектив Ходжа Наследи принял надлежащий аванс в баснословные пятьсот валлов и с трепетом засеменил следом за высокомерным нанимателем.

Меня не интересовали мелкие детали. Как то: а почему граф не желает путешествовать по валибурским равнинам в сопровождении личной армии? Зачем ему какой-то частный детектив с сомнительной родословной, тем более один? И что за странное совпадение: папаша Марии бель-ал Сепию отказался от продажи своего особняка, несомненно, располагая той же информацией, что и братец дел-ар Пиллио. Какой идиот останется в собственном жилище, зная, что в ближайшее время через этот особняк пройдет громадная армия сумасшедших демонов и кровожадных страшилищ?..

– Я не поеду в этой рухляди! – взвизгнул Раваш, пряча нос в надушенном платке, едва я открыл перед ним дверцу своего фитильмобиля.

– Тогда полезай на крышу, – пожал я плечами. – Свежий воздух, то... сё...

– Не-е-ет! – замотал он головой. И добавил несколько убийственных замечаний по поводу моей машины.

Пришлось признать, что «Жучено» действительно слегка провоняла убитым скунсоборотнем, и переселиться в салон роскошного «Рогатти». Я проводил родную «ласточку» лишенным сожаления взглядом. Если повезет, и я вернусь из Дубльвилля с обоими гонорарами, то старенький фитильмобиль так и останется ржаветь перед входом в Полицейское Управление.

Граф небрежно буркнул заклинание фитиля. Магическая машина чихнула и стремительно рванула с места, увозя меня с новым клиентом подальше от ГУБНИКИСа.

Мы в быстром темпе, чтобы не опоздать на живовоз, занялись организацией поездки. В первую очередь заехали в поместье дел-ар Пиллио, и граф набрал невероятное множество чемоданов с личными вещами. В каждом из них могли находиться наркотики, оружие или еще что-нибудь пострашнее. Но мне, конечно же, до этого не было дела. Клиент всегда прав. Даже перевозки он генеральный план наступления войск Хаоса на Валибур, Ходжа Наследи в целости и сохранности доставит его до пограничного городка.

Затем мы переместились к моей квартирке. Сохраняя мрачное и самовлюбленное выражение лица, граф остался в своем фитильмобиле.

Повоевав с дверью и погромев разнообразными безделушками в коридоре, я принялся упаковывать вещи.

На улице поднялся восторженный гам. Сквозь окно я наблюдал, как машину Раваша окружили зеваки. «Рогатти» в районе Анаанари – большая редкость. Западные кварталы в окрестностях Черного озера населяют бедняки, проститутки, сутенеры, рэкетеры и прочая мелочь. Они за целую жизнь не соберут и на половину подобной машины. Богатые же владельцы таких фитильмобилей и за медовый пряник не проедутся по нашему району, им тут делать нечего. Тут нет ни вальяжных ночных клубов для любителей экзотического секса, ни шумных пабов с нанятыми в филармонии музыкантами, ни гладиаторской арены вроде Свин-ринга. В общем, ничего интересного для владельцев увесистой мошны и нескольких счетов в банке. Только серость, уныние и маленький офис несчастного детектива.

Несколько сорванцов принялись трогать задний бампер «Рогатти». В том самом месте, куда недавно угодил мой собственный фитильмобиль.

– А ну, кыш, проклятые! – сквозь приоткрытое окно крикнул граф.

Дети отскочили, тыкая пальцами в сторону Раваша. И принялись осыпать сиятельную личность оскорблениями. Более взрослые жители улицы посмеивались кто в усы, кто в крепко стиснутый кулак. Богачей здесь не любили.

Я не горел желанием досмотреть спектакль. Отыскал в шкафу почти свежее нижнее белье, разворошил кучу заплесневелых носков и извлек оттуда наименее грязные. Под раковиной в туалете нашлась дорожная сумка. Туда отправились две рубашки, вязаный свитер столетней давности, спортивный костюм, вторые (и последние после надетых на мне) штаны, протертые тапочки, бритвенные принадлежности, запасной мозгомпьютер и всякая мелочь. Я набросил любимый кожаный плащ и взял сумку.

В то время как поклажа дел-ар Пиллио состояла из шести чемоданов и весила не меньше полтонны, мои вещички заняли всего одну тару, по весу не превышающую индюка средней упитанности. Я взгромоздил все это дело себе на плечо. Оглянувшись на заклеенное бумагой окно, вздохнул. Принимаясь за каждое новое дело, всегда размышляю, вернусь ли домой.

Пока я колдовал над входной дверью, усиливая защитную магию, во дворе начинался скандал.

Высунувшись из окна фитильмобиля, граф распоследними словами поносил развлекавшихся зевак.

– Быдло! – голосил дел-ар Пиллио, для пущей убедительности потрясая мелким кулачком. – Голодранцы!

Интересно, чего это он так разошелся?

– Растешь, детектив, – сказали за моей спиной голосом Рохли Пивского. – Такого клиента себе захомутил.

– Не завидуй, – бросил я, наконец-то справившись с дверью и охранным контуром квартиры. – У тебя работа поспокойней моей.

– Ну да, – работник городского морга широко улыбался, обнажая удивительно кривые клычки. – Мои клиенты никогда не жалуются.

– Что-то ты рано сегодня, – я посмотрел на небосклон, куда лениво выкатывалось второе валибурское солнце. – Неужели работы нет?

– Сегодня только два трупа: симпатная деваха с отличными орехами и какой-то вампир. Скукота. – Мясистое лицо, снабженное переломанным носом, узкими глазенками и тонким ртом, омрачилось. – Так что взял выходной. Какая-то тварь мне машину поцарапала. Вот отвез на покраску, а сам немножко отдохну от дел насущных.

– Соболезную, – я создал на физиономии видимость крайней участливости. – Надеюсь, машину тебе подлечат.

– А то как же. Там царапина неглубокая, – Рохля похлопал себя по пузу, обтянутому служебным комбинезоном мышинового цвета. – А вот дружку твоему вряд ли кто-нибудь фитильку поправит. Если не угомонится, то камни сейчас полетят.

Обступившие машину Раваша «голодранцы» выглядели весьма воинственно. По всей видимости, графу таки удалось их чем-то оскорбить. И чего он взъелся? Ну, потрогала детвора его за бампер, ну, грязными ручонками. Ну, пара небритых мужиков из бара вылезла – посмотреть на диво чудо-техники. А он так сразу ругаться.

В кварталах бедных ОЧЕНЬ не любят богачей. Даже не из-за отсутствия у первых и присутствия у последних каких-либо денег. Всяческих графов, баронов и баронетов ненавидят из-за их жизненной позиции. Почему-то любой, имеющий власть, так и норовит напомнить народу, что этот самый народ – приземленное быдло. О подобных вещах еще полбеда – рассказывать в изысканном обществе среди себе подобных власть имущих, но находиться в глухомани и говорить о бедняках разные гадости...

Я вскочил в машину графа как раз перед тем, как просвистел первый булыжник. Следом отправилась стеклянная пивная кружка. «Голодранцы» весело хватали все, что попадалось под руку, и швыряли в нашем направлении.

Истошно взвизгивая и проклиная богов, дел-ар Пиллио втиснул стопу в педаль акселератора. «Рогатти» засвистел покрывками и вырвался из-под обстрела.

– Ты почему с ними повздорил?! – набросился я на родственника, на какое-то время позабыв о наших отношениях «детектив-клиент». – С ума сошел? Мне в этом районе жить! А ты здесь всех соседей настроил против меня!

В подтверждение моих слов по крыше фитильмобиля прогрохотало пустое ведро.

– Они мне машину поцарапали! – пожаловался весь взмокший от холодного пота Раваш. – Кто-то провел гвоздем от капота и до задней двери. Я слышал этот кошмарный писк. Словно по душе царапали. Вот и...

Мне было известно подобное чувство. С точностью до наоборот. Ведь не ранее чем этим утром я развлекался с гвоздиком в подземном гараже. Благодаря первоутренним воспоминаниям у меня имелись соображения насчет того, кто именно повредил покраску «Рогатти». Мнение о Рохле Пивском стремительно подскочило до позитивной отметки. Молодец, трупарь!

Впрочем, я сдержал довольный возглас и промолчал. Граф дел-ар Пиллио ругался до самого вокзала.

Билеты на вокзале проверяют на входе. Стоит только сунуть желтенькую карточку, полученную в бюро предварительных заказов, в широкое отверстие в магниталлических воротах; что-то прожужжит, пикнет, и тяжелая створка ворот приоткроется ровно настолько,

чтобы пропустить владельца билета. Спустя какие-то минуты у вас отберут багаж и тщательно просветят его магическими светильниками. Если вы тащите с собой контрабанду, то цепкие руки темных эльфов тут же вытянут вас из зеленого коридорчика и бросят в каталажку. Если же с вещами все в порядке, то вам позволят выйти в следующий коридор – оранжевого цвета. За ним, оснащенным детекторами для обнаружения запрещенных вещей и наростов на вашем теле, окажется последний проход – синий. А дальше, за толстенной дверью из метеоритного железа, откроется вместительный зал.

– Давненько тут не был, – заметил я, очутившись под прозрачным куполом зала ожидания.

– Бледнота и сирость, – добавил Раваш в своей обычной манере выражаться. – Отстойник для холопов.

Расчерченный золотистыми полосами потолок, лепнина на каждом углу, мелкие фонтанчики, ровные шеренги скамеек. И все залито светом обоих валибурских светил: правее все искрится от синего свечения первого солнца, слева играют апельсиновый и зеленый. Хмурятся дородные тролли в полицейской форме, поигрывают дубинками. На громадном световом табло, напрямую подключенном к вокзальной линии Скандалнета, мелькает информация о прибывающих и отбывающих поездах. Миниатюрные ларечки, где работают феи-крылатки, всюду торгуют ледяной водой с пузырями (последняя новинка сезона!), сдобными булками, бутербродами, фруктами, свежей кровью и пивом. То и дело проносятся грузовые фитильтележки: из багажного отделения – в сторону перронов.

Пахнет здесь, как и на любом вокзале в любой стране любого мира. Вездесущий запах человеческого, оборотневого и демонского пота. Десятки запарившихся задниц, потные затылки и лбы, множество использованных платков в высоких колдетонных урнах. Запах подгорелой сдобы, прокисшего пива и протухшей рыбы. Из приоткрытой двери, ведущей на перрон, несет испражнениями тяглогового бастарка и разгоряченным металлом.

И море багажа. Маленькие, большие, средние, исполинские сумки, дипломаты и чемоданы. На колесиках, с полозьями, ушками, ручками, лямками, застежками и клапанами. И масса вечно спешащих пассажиров. Кто-то бежит, спотыкаясь и завывая дурным голосом – опаздывает. Кто-то жалуется на повышение железнодорожных тарифов. Парочка несвежего вида орков штурмует справочное бюро. Молодая красивая женщина позванивает мелочью у кассы. Ушлый греmlin неопределенного возраста – не то незрелый юнец, не то глубокий старик, – громко распевает «Велик Валибур» и просит милостыню.

– Как здесь смердит! – пробубнил Раваш из-за платка.

Я пожал плечами – не привыкать.

– Идем скорее в зал для вельмож! – приказал мне граф.

Пришлось лениво проследовать за ним – в золоченые двери под табличкой «Для высокородных».

В зале, который оказался едва не вдвое больше предыдущего, сидел всего один мужчина. Бледнокожий эльф с островов Бей-Буяна, такой древний, что остроконечные уши почти свернулись в трубочки. В другом конце помещения, в едва видимой дали, тускнела кабинка с табличкой «служебный». Раньше мне приходилось бывать только в основном зале ожидания вокзала. К тому же, он тогда весьма отличался от увиденного сейчас – везде слонялись запыленные солдаты, над головами висело непроницаемое облако табачного дыма, звучали похабные шутки, гремели марши оборотней-оперативников. Мы отправлялись на войну с Хаосом и, конечно же, не имели времени пробраться в «высокородный» зал. Потому я поинтересовался у графа, что такое «служебный».

– А, – он отмахнулся от меня, точно от надоедливой пси-мухи. – Это такой специальный тип, который исполняет приказания.

Словно по мысленному приказу, дверь кабинки отворилась. По залу пронеслась темно-синяя ливрея, весьма напоминавшая торнадо. Она деликатно обогнула эльфийского пенсионера, перепрыгнула через приземистый диванчик и резко остановилась перед моим родственником. И как ей удалось определить, кто из нас граф, а кто – детектив? Надо будет

почистить ботинки...

– Чего желает глубокоуважаемый? – справился владелец ливреи, согнувшись в низком поклоне.

Я никак не мог определить, к какой расе относится данный индивидуум. На карлика или гнома не похож – слишком высок. Гномами тоже не пахнет – не та ширина плеч. И крыльев нет, значит, не представитель фей-крылаток. Наверное, какой-нибудь квартерон, помесь человека, оборотня и, например, леприкона.

– Амброзиума, – пожелал дел-ар Пиллио. И добавил: – Самого лучшего.

– Прошу, – в руках «служебного» внезапно появился золотой поднос. А на нем – покрытый инеем бокал пьянящего напитка. Я даже не успел удивиться.

Граф схватился за сосуд, точно утопающий за надувную лодку. Бросил квартерону мелкую монету. Тот благодарно принял ее и спрятал в нагрудный карман ливреи.

– Чего пожелает ваш спутник? – спросил он.

– Я...

– На работе, – вместо меня ответил Раваш. Тем самым он поднялся в моем списке личных врагов с первого места на самое-самое первое. Пусть только выплатит положенный гонорар, а дальше потанцуем.

Я не употребляю алкоголь, даже конфеты с ликером. Но не отказался бы от маленького бутерброда с колбасой или же с сыром. А этот подлец...

– Понятно, – «служебный» еще раз поклонился. – Может, стрижку, пока не уехали, сиятельный господин?

Граф отрицательно мотнул подбородком – туда-сюда. Его тщательным образом уложенная челка даже не шевельнулась.

– Может, девочку? Наркотики? Мальчика?..

Дел-ар Пиллио не захотел. Мне же пожелалось заехать «служебному» в челюсть – особенно за последнее предложение.

В последний раз согнувшись в поклоне, квартерон удалился.

– Забавные здесь правила, – пробормотал я, направляясь к общему залу с твердым намерением купить что-нибудь из еды: какой-нибудь сухарик, стакан минеральной воды...

– Богатым многое позволено, – донеслось мне в спину. – Даже на вокзалах предоставляют полный пакет услуг для состоятельных граждан.

«Состоятельных» он проговорил так многозначительно, что я поморщился. Как же он себя любит, паршивец эдакий.

Запасшись солидным количеством рогаликов и жареных сосисок, я вернулся к нанимателю. И тут же услышал предостережение:

– Не капни жиром мне на камзол.

Мне удалось промолчать. Хорошенько прожевав пищу и разбавив ее целым литром ледяной воды, я принялся за встречное нравоучение. Пришел мой час отмщения!

Как оказалось, Раваш принял внутрь уже три порции амброзиума. Он вальяжно разлегся на диване. Извлек из богато украшенного бисером кисета длинную трубку. Принял услужливо предоставленный «служебным» уголек, раскурил. И тут же наткнулся на добрую порцию критики с моей стороны.

Вначале я был очень тактичен.

– Знаешь ли ты, – начал я, – что алкоголь очень пагубно отражается на здоровье?

– Конечно, знаю, – ухмыльнулся граф. – Скоро получу второе высшее образование.

– О! – заметил я. – Для образования необходимы мозги. Множество серого вещества, благодаря которому ты можешь запоминать большое количество информации, мыслить, анализировать...

– Кончай, – пробормотал Раваш, нахмурившись и явно что-то припоминая.

Он лениво поднял руку и взял с поднесенного квартерон подноса четвертый бокал. Глаза дел-ар Пиллио плавно перемещались к переносице. Он заметно косел и периодически терял нить моего нравоучения.

Я же монотонным голосом, уподобляясь учительнице из школы для умственно отсталых, продолжал читать ему нотацию о вреде алкоголя.

— ...и тогда молекулы алкоголя в виде пара проникают в твой мозг. Они незамедлительно входят в голову, а также пробираются в нервную систему. И разрушают их! Вот, смотри...

Я ткнул под графский нос цветную хап-фотографию с изображением трепанированного черепа безвестного алкоголика. Понятное дело, в черепной коробке бедняги обнаружилась лишь бурая каша.

— Ты ведь не хочешь, чтобы твоя жизнь закончилась так же?

Раваш застонал, впившись взглядом в изображение.

— А я-то забыл, что говорила о тебе Юласия, — мученическим голосом протянул он. — Ты ведь трезвенник, да? И ходишь по кабакам, читая проповеди разным пьянчугам?

Я подтвердил.

— Зачем тебе это?

— Видишь ли, — пришлось пояснить, — я принадлежу к церкви Трезвого Спасения.

Очередной стон дел-ар Пиллио прозвучал для меня как божественная музыка. Да, я действительно являюсь одним из гражданских священников этой церкви. Мы верим в то, что алкоголь придумали демоны из Дальних кругов, и используют его в преступных целях. Вспомнить только историю всемогущего стихийного магика, из-за вина превратившегося в болезненного привратника Теодоруса. Наш Валибур снабжают спиртным, понастроили заводиков и пивоварен только с одной целью — спойть его обитателей. И, в конце концов, захватить упившееся государство, наводненное не героями-защитниками, а безвольными пьяницами. Только трезвый человек, оборотень или нелюдь может спастись сам и, не уничтожая себя алкоголем, обезопасить родную страну от вторжения захватчиков.

Понимаю, наша религия не без изъянов. Ведь и людям, и оборотням, и даже демонам необходимо хоть как-то отдыхать, избегать всяческих стрессов и срывов. Но не амброзиум же пить, понятное дело. Лучше заниматься спортом, отдыхать духовно. В крайнем случае, развлекаться смертельными боями на Свин-ринге или такими безопасно-кровавыми играми на стадионах, как смертобол или призрачная охота.

Пока шурин из всех сил скучал, совершенно не прислушиваясь к моим словам, я незаметно сделал над его головой несколько пассов. И резко ухватился за бокал Раваша, с твердым намерением выбросить стекляшку в самый недосягаемый угол. Граф, естественно, не горел желанием расставаться с любимым напитком. Он решительно отодвинулся, едва не отпихнув меня ногой.

— Пить — грешно сие! — заявил я.

И настойчиво отбарабанил пальцем по его запястью — размеренно, в такт предложению.

Дел-ар Пиллио слегка забеспокоился. Парнишка чувствовал подвох. С какой стати ненавистный детективишка станет держать его руку? К тому же, отбивая указательным пальцем некий ритм на пульсе высокородного господина.

— Ибо вкушая из чаши грешной, — менторским тоном продолжил я, — превращаешься в богомерзкого слабака, лишаешься мужской силы...

При этом прямо в подсознание Раваша вписалась следующая программа: если он в ближайшее время выпьет стаканчик-другой — полностью лишится возможности удовлетворять женщин. Со временем внушение, конечно, ослабеет, но месяц-другой ему придется туговато.

Присмотрись кто-то со стороны — увидел бы совершенно мирную картину: знатный вельможа в полуобморочном состоянии покоится на мягком сиденье. А над ним возвышается некий частный сыщик. С постной миной, богобоязненно прижатой к сердцу правой рукой и неестественным блеском в глазах. Никакой странности.

— Не пей! — сказал я утробным голосом.

Престарелый эльф, наверняка обладающий хорошим слухом, непроизвольно дернулся. Данная установка не касалась пенсионера. Как-нибудь в другой раз. Но...

– Не буду! – в унисон пробубнили Раваш и эльфийский старик.

В ладонях седого остроуха находился деревянный кубок, полный вина. Пальцы эльфа непроизвольно разжались. Деревяшка тут же бесхозно покатила по полу, разливая драгоценную жидкость.

Осталось закрепить успех внушения.

– Не буду больше пить! – громко шепнул я.

– Не пить... – раздался лишенный интонаций голос дел-ар Пиллио.

– Вот, – мое удовольствие не знало границ.

Я вышел из транса и благосклонно оглядел свою паству.

Очнувшись, Раваш затряс головой, дедушка эльф проделал то же самое. В их памяти это маленькое происшествие осталось как кратковременный обморок, легкий сон, длительностью в несколько минут. Граф к тому же не понимал, где находится. Он испуганно вытаращился на меня. Потом перевел блуждающий взгляд на бокал с амброзиумом. Я незамедлительно убрал руку. Шурин не заметил этого движения – он занимался тем, что стремительно трезвел.

Я собрался еще минут тридцать поучать графа, но дел-ар Пиллио внезапно завопил. Вернулся на круги своя.

– Ты на меня работаешь, Ходжа! Я плачу тебе за охрану, а не за дурацкие басни о сером веществе и нервных окончаниях в винных парах!

На это я нашел, что ответить:

– Видишь ли, дорогой Раваш, как твой телохранитель я должен быть уверен, что ты находишься в адекватном состоянии. К примеру, на нас нападают купидонусы. Две штуки, которые летят прямо на тебя. Пока я дерусь с одним, второй набрасывается на твое нетрезвое тело. Вместо того, чтобы правильно оценить обстановку и бежать, ты бросаешься в бой, окрыленный алкогольными испарениями. Из-за амброзиума у тебя заторможены реакции. Или, более того, вместо одного противника ты видишь троих. В общем, не в силах противостоять атакующим, ты гибнешь от стрел купидонуса. И в этом нет моей вины, потому как я решительно исполнял свои обязанности. Ты же умер благодаря дурацкой привычке – выпить.

Небольшая проповедь для закрепления эффекта. Эльфийский старец согласно закивал.

Кажется, мое нравоучение подействовало. Бокал Раваша покатился по ярко раскрашенному колдетонному полу.

– Так что в моем присутствии, – улыбнулся я, – будь добр, не злоупотребляй.

– А ты будь проклят! – дел-ар Пиллио сплюнул мне под ноги. – Ради своей безопасности я воздержусь на время поездки.

– Отлично.

Конечно же, я не признался графу, что обладаю, как и все адепты нашей церкви, неким магическим даром убеждения. Каждый священник церкви Трезвого Спасения умеет гипнотически повлиять на человека и оборотня (с демонами труднее) – отучить его от злоупотребления спиртным на длительное время. К сожалению, наш дар не помогает в работе с конченными пьянчугами наподобие бедного Теодоруса. Но уверен, скоро мы сможем лечить и законченных «грешников».

В общем, я наглым образом загипнотизировал Раваша. Надеюсь, это когда-нибудь зачтется мне перед Юласией.

Тем временем под потолком загрохотало. Посыпалась мелкая колдетонная пыль.

– Прибыл поезд номер шесть-двенадцать, «Валибур – Северная граница». Приглашаем глубокоуважаемых пассажиров на посадку.

Динь-динь! Динь-динь!

Едва затихли отзвуки первого колокольчика, как мы с отрезвевшим родственником уже выходили на перрон.

Громадная туша бастарка возвышалась рядом с прозрачным куполом вокзала. Разноцветные вагоны плавно покачивались в такт дыханию чудовища. Машинисты

перекрикивались, проверяя надежность креплений хомута и крепость магиталлических колес. Нестерпимо воняло взопревшим чудовищем и отходами его пищеварения.

– Прошу вас, глубокоуважаемые, – демон-проводник раскрыл перед нами обитую шелком дверь. – Мы отправляемся через десять минут.

Пестрая толпа встречающих и пассажиров разволновалась. Народ пытался побыстрее оказаться кто в вагонах, а кто – за пределами живовоза. И тут я увидел знакомую рожу. Один из тех типов, которые преследовали Марию бель-ал Сепио, подпирал спиной стену зала ожидания. Широкое лицо с кривым, явно не единожды сломанным носом, поросячьи глазенки. Он смотрел прямо на меня, ничуть не беспокоясь, что его заметили. И во взгляде незнакомца читалась смерть.

Весьма небрежно отодвинув Раваша, я бросился назад к вокзалу. Толпа на какое-то мгновение сомкнулась вокруг меня. Этого времени оказалось предостаточно. Когда мои тяжелые шаги приблизились к двери зала ожидания, подлец исчез. Ни узких глаз, ни квадратной нижней челюсти, ни широких плеч.

Осталось только ощущение угрозы.

7. Живовоз

Железные дороги Валибура, в отличие от аналогов в других мирах, состоят не из одной, а из двух колей. Едва приблизившись к составу живовоза, вы сразу же поймете, зачем дополнительная пара рельсов.

Вагоны катятся непосредственно по узкой колее. Сдвоенные колеса крепко цепляются за магиталлические рельсы – не сорвешь даже направленным взрывом. Между ними уложены толстые шпалы, изготовленные из прочных пород валибурских деревьев. Ясное дело, конструкция усилена специальной магией. Она настолько прочная, что без дополнительных достроек способна крепиться над воздушными пространствами ущелий и пересекать многоводные реки.

Вторая колея, более широкая, располагается вдоль первой и служит для ограничения пути гужевого транспорта. По ней движутся маленькие, но очень тяжелые тележки в количестве четырех штук. Каждая из них оснащена заколдованными цепями, соединяющими тележки непосредственно с живовозом. Тяговая сила поезда – не что иное, как настоящий бастарк. Этот доисторический монстр, опутанный хомутами и креплениями цепей, считается одним из самых первых порождений Хаоса в Большом мире. Весит и выглядит бастарк воистину кошмарно. Примерно как средняя охранная башня городских стен, только светло-зеленого цвета. Величественная громада бронированного мяса напоминает скалу из колдетона; восемьсот клыков в широкой темно-изумрудной пасти, над ней произрастают шесть хоботов-щупалец; круглые фасеточные глазищи, невероятно твердый череп с выпуклыми надбровными дугами и четырьмя парами изогнутых рогов. Также в наличии шестнадцать когтистых лап, которыми бастарк весьма неспешно передвигается. Неспешно – это пятьдесят километров в час по максимуму. Намного медленней фитильмобиля, зато надежней. Нам придется болтаться в вагоне примерно двенадцать часов, учитывая остановки на станциях и полустанках. Если к поезду прицепят инкассаторский или почтовый вагон, прибавится еще два-три часа. В общем, тащиться придется изрядно.

– Терпеть не могу этих чудовищ, – признался граф, когда мы погрузились в полумрак купе.

Маленькие лампочки заливали его лицо оранжевым цветом. В таком освещении вельможа выглядел мифическим чертенком из легенды, который занимается похищением душ добропорядочных оборотней. Чертенком пугали мелких детенышей в дошкольных учреждениях и зверинцах, где мне довелось прожить немалое время. В общем, не слишком приятная аналогия.

Я поежился, встревоженный воспоминаниями далекого детства, и бросил последний взгляд на стены вокзала. Потенциального убийцы Марии там не обнаружилось.

– По-моему, весьма прелестные зверушки.
– Ты что? А лапы! А , длинные когти! Видал? Его даже ко второй паре рельс приковали – чтобы не сбежал и не убил кого-нибудь. Да он сожрет тебя одним глотком и даже не подавится!

– Не гори чепуху, твоя светлость. Благодаря бастаркам Валибур еще держится под натиском Хаоса и Дальних кругов. Без них нам пришел бы конец еще тысячелетия назад.

Дел-ар Пиллио хмыкнул и хлопнулся на сиденье.

– Они коварны. Когда-нибудь бастарки вспомнят о своей чудовищной натуре и помогут демонам завоевать Валибур. Они явно замышляют что-то плохое. Просто думают долго, ибо тупые – потому и не успели захватить государство. На самом деле бастарки очень злы и упрямы – точно, задумали что-то. Ты хоть знаешь, как их трудно дрессировать?

– Какая дрессировка? Им бы только пожрать и поспать. Если задницу припекут – могут тащить живовоз или конвоировать опасных преступников. Как эти безмозглые твари будут строить козни против нас?

– Все может быть.

– Ну да, бастарки покинут тепленькие стойла и примутся громить все вокруг. Верить в это так же глупо, как и утверждать, что зомби вернутся в свои могилы.

– Некоторые возвращаются.

Настал мой черед заняться хмыканьем. По всей видимости, граф относится к тем параноидальным идиотам, которые верят во всемирный заговор. Я слышал, некоторые богатые чудаки объединяются в закрытые общества и вынашивают планы «всеобщего благоденствия и безопасности». Они ведут скрытую борьбу со всеми, кто не принадлежит к их касте или клике. То бишь если ты не демон или оборотень, а человек, зомби, бастарк или гоблин – быть тебе врагом народа. И неважно, думающее ты существо или же тупое растение. «Не с нами» означает, что ты замышляешь плохое против каждого законопослушного жителя Валибура. Кстати, апогеем планирования «всемирного спасения от врагов государства» у них является мировое господство. Вот такие дела.

Мы некоторое время сдержанно поругивались о том, что Валибур никогда не падет (или падет) к ногам захватчиков. Граф приводил какие-то доводы. Я насмеялся. В конце концов, это нам наскучило. Дел-ар Пиллио завалился спать, ссылаясь на плохое самочувствие (в ближайшее время ему будет нездорово – после антиалкогольного-то внушения).

Я же уставился в окно.

Врагов на вокзале по-прежнему не наблюдалось. Несмотря на то, что вагоны размещались позади тяглового бастарка, и наше окно выходило на перрон, часть пейзажа перекрывала задница чудовища. К ней при помощи сложной системы креплений и запоров была прикреплена большая магиталлическая коробка на широких колесах. Она отличалась от остальных вагонов несколькими закопченными трубами на крыше. Оттуда вырывались густые клубы черного маслянистого дыма.

Поезд несколько раз содрогнулся, будто ледяной червяк в утробах Тринадцати кругов. Демоны-машинисты (только они способны выдержать высокую температуру внутри живовоза) подбросили уголька и накал-грибов. Толстые магиталлические прутья мгновенно, словно ждали этого, накалились почти добела. Сквозь твердую кожу бастарк ощутил неприятное жжение в области зада. Он взвизгнул, требуя милости. Но машинисты невозмутимо подбросили еще немного угля – такая работа. Чудовище разозлилось, поерзало мягким местом по специальным креплениям упряжи. Спасаясь от огня, оно загремело цепями и медленно двинулось вперед. И громогласно завопило.

Вокзал завибрировал, стекла в зале ожидания задребезжали, рискуя вылететь из рам. Даже величественная статуя бессмертного Мэра, встречающая гостей у входа в вокзал, мелко затряслась на постаменте.

Волнистые клубы вонючего дыма заволокли все вокруг. На окна мгновенно осела копоть, дохнуло гарью и запахом прижженной плоти.

Граф закашлялся во сне, я шумно задышал сквозь приподнятый воротник плаща.

Под полом грохотали по рельсам колеса. Неспешно набирая скорость и периодически подвывая, живовоз направился к следующей станции.

– Со второго пути отправился поезд номер шесть-двенадцать «Валибур – Северная граница», – глухо прозвучало за окном. – Провожающих просим не соваться бастарку под лапы – администрация вокзала не несет ответственности за несчастные случаи на рельсах...

Путешествие началось вполне безопасно. Однако мне все время чудилось, что за нами наблюдают. Интуиция подсказывала: убийца Марии бель-ал Сепио находится рядом. А я всегда доверяю своей интуиции.

Около полутора часов ушло на медленную поездку через Валибур. Город воистину огромен – если бы мы попытались обогнуть его по окружности, а не ехать подземными путями под мостовой, это заняло бы не одни сутки.

Граф проснулся от визга бастарка. Он был не в восторге от долгого вояжа зловонными тоннелями.

– Продам все акции железной дороги, – пробормотал дел-ар Пиллио, откидываясь обратно на маленькую подушечку. – И ноги моей здесь больше не будет. То вонючие зады чудовищ, то крысиные норы под городом. Моя чувствительная душа не вынесет этого...

Я не прислушивался к бормотанию графа. В сознании прокручивались всевозможные причины убийства госпожи из провинциального городка. Ревнивый любовник, месть подлой соперницы, кровная вражда, устранение случайного свидетеля или же лишнего пунктика из списка наследников поместья. Самоубийство...

Последнее предложение заставило улыбнуться. Да уж. Девушка пришла ко мне, уселась в кресло для посетителей, а потом быстренько сбегала на крышу соседнего дома и всадила в себя отравленную стрелу. К тому же, нельзя забывать о том, что на острие стрелы не обнаружились остатки яда – лишь безвредное снотворное. Значит, надо мыслить в другом направлении.

Позанимавшись некоторое время задачками без конкретных условий, я загрустил. Пока не познакомлюсь со всеми обитателями поместья бель-ал Сепио и не отмечу всяческие варианты, улики, мотивы и прочее, нельзя построить даже малейшей гипотезы по поводу случившегося. К тому же, мое первичное задание – не разоблачить убийцу непосредственно Марии, а найти причину и возможного исполнителя убийств в ее доме. И надо надеяться, убийца и организатор – одно лицо. Хотя такое редко случается в преступном мире.

– Хр-р-рм-м-в-ра-а-а! – сообщил мне господин дел-ар Пиллио.

– Бр-мо-о-о... – поддержали графа за стеной, в соседнем купе.

Блаженные и богатые спят в то время, когда остальные работают. Счастливые!..

Я очнулся. Шея затекла от неудобной позы – частенько не замечаю, когда упражняюсь в детективном мышлении.

Его светлость дальний родственник упоенно похрапывал. Голова графа сместилась с подушки, заостренный подбородок сотрясался в такт движениям поезда. Издалека доносились яростные повизгивания бедного тягача.

Я легонько хлопнул себя по лбу. Телохранитель из меня никудышный! Столько времени торчать в купе, и не проверить безопасность клиента. А ведь под сиденьями могут находиться мины. На подножке за дверью может притаиться ассасин из Доу-монастыря. И прочая-прочая смертельная опасность.

Пришлось наверстать упущенное время. Я встал и тремя шагами измерил помещение.

Каждое купе вагона отделено от соседних деревянными перегородками. Войти можно только с перрона. Реши кто-то заскочить внутрь между остановками, ему придется воспользоваться стремянкой. Или же взгромоздиться на плечи товарищу.

Вагоны живовоза состоят из двух десятков купе, размещенных в два ряда. Между ними проходит коридорчик для обслуживающего персонала. Он настолько узкий, что протиснуться в него могут только низшие демоны да черти. Взрослому оборотню или широкоплечему человеку ни за что здесь не пробраться. Исключение – красные гоблины и

некоторые семейства восточных гремлинов.

Я убедился, что коридор не представляет опасности. Просунул туда острие «Карателя» – во избежание... Затем, решившись, высунул и голову. Осмотрелся.

Ни пылинки, ни малейшего намека на паутину. В конце коридора находилась причина кристальной чистоты. На маленьком стуле торчал зеленокожий проводник. Демон поднял рогатую голову и поинтересовался, чего желает глубокоуважаемый пассажир.

Пассажир проникся изысканной почтительностью проводника и своей глубокоуважаемостью. Но от кофе-чая-мармелада отказался. Только спросил, когда мы, наконец, разовьем приличную скорость и выберемся под сияние какого-нибудь из валибурских солнц.

– Осталось примерно полчаса, – ответил «железячник», как называют в народе служащих железной дороги. – Бастарка придерживают и не позволяют разогнаться. Ибо есть распоряжение номер сто девятнадцать дробь восемь «О сохранности сводов подземелий города Валибура». Если живовоз пойдет на большой скорости, может рухнуть тоннель. А вместе с ним и добрый кусок пригорода. Такое однажды случилось лет сорок назад. Ибо...

Я согласился, что лучше ехать тихо, чем с риском. Думаю, даже бывшая жена не пришла бы в восторг, завали Ходжу Наследи многими тоннами земли и камня.

Выдавая принадлежность к уроженцам Восьмого круга, проводник вещал короткими предложениями, периодически вставляя устаревшие «ибо», «кои» и «глаголю». О страшной трагедии, неразделенной любви в затерянном купе и разрушении города.

– ...А потом туда же упал целый спальный корпус Монастыря любопытных девственниц, – вещал проводник. – То-то визгу было...

Я решил, что лучше оставить демона наедине с воспоминаниями. Мне не слишком улыбалось дослушать до конца историю, в которой погибло несколько тысяч прелестных девушек.

Засим откланялся.

Дальнейшая проверка купе меня удовлетворила. Крепкая дверь на улицу, рядом табличка: «Сортир материализуется по желанию пассажира, выброс только наружу. Нажмите кнопку»; два окна, за которыми степенно проплывают магические светильники; четыре спальных полки. На одной из них расположился граф, вторая – моя. (Раваш похлопотал, чтобы его лишний раз не беспокоили – сунул несколько монет проводнику; потому остальные полки пустовали).

Скудный интерьер купе украшал только похрапывающий дел-ар Пиллио. Да я, неусыпно бдящий за безопасностью клиента.

Наконец в приоткрытые окна ворвался дневной свет. Разноцветные отблески сразу двух светил принесли с собой свежий воздух. Впрочем, это длилось недолго. На горизонте поднялись зеленые башенки магической защиты. Следом, из-за нагромождения четырехэтажных домиков пригорода, материализовалась высокая городская стена.

Зашипело. Машинисты закрыли заслонки печи, сбивая пламя. Убрали магиталлические стержни от задницы тяглового чудовища и вовсю загремели. Послабили натяжку цепей, ведущих к гигантскому хомуту на мускулистой шее монстра. Бастарк остановился и облегченно выдохнул. Смрадное дыхание тут же заволокло все пространство внутри и снаружи вагонов.

У меня брызнули слезы, даже платок не помог. Дел-ар Пиллио всхрипнул и прошептал что-то вроде «лучше бы зубы почистила, любовь моя».

– Станция «Окраиновка», – включился динамик над дверью.

«Промышленный выхлоп» бастарка смешался с запахом настоящих промышленных отходов. А еще почему-то завоняло тухлой рыбой.

– Прибыл поезд номер шесть-двенадцать «Валибур – Северная граница», – донеслось от приземистого строения с надписью «Вакзаль» на гоблинском диалекте.

Пригород словно взорвался. Поднятая поездом копоть убежала под порывами ветра. Оказалось, что с обеих сторон железнодорожных путей стоят двухэтажные домики, ларечки

с пивом и кабаки с тенистыми навесами. Из окон, устроив небольшую бурю занавесок, стали выглядывать местные домохозяйки и шлюхи. Первые – просто из любопытства, вторые – предвкушая работу.

Из ближайшего окна высунулась седая представительница древнейшей профессии. Более древняя, чем первый городской булыжник. Обладательница реденьких волос, угольно-черного макияжа, тысячи морщин на плоской физиономии и вульгарного рта, очерченного все тем же кошмарным угольным цветом. Девушка, если бы у кого-нибудь повернулся язык назвать ее этим словом, решительно переступила подоконник и бросилась к нашему вагону. Цепкие пальцы, тонкие и корявые, точно ветки кустарника, вцепились в ручку входной двери.

– Сексуальный эскорт, мальчики, – когда-то томным, а сейчас замогильным голосом сообщила проститутка, широко раскрывая рот. – Доедем до конечной остановки с таким блеском, что глаза и гланды повываливаются.

Я грешным делом в ответ оценил все прелести гланд и аденоидов незваной гостьи. Кажется, они у нее не только вываливались – как обещалось, но и вставлялись обратно... Стало страшно.

– Нет, спасибо... э-э-э... милая. Как-нибудь в другой раз.

– Но я настаиваю! – безапелляционно заявила служительница богини любви.

Я с сомнением глянул на проснувшегося графа. Он в кои-то веки был солидарен со мной – ошалело внимал настойчивой путане. И рожа у него казалась точной копией моей – глаза навывкате, брови на середине лба, искривленные губы. Я даже посочувствовал дальнему родственнику. Не каждый день вельможам случается встать на пороге инфаркта пред такой «красотой».

– Надо же, – прочистил горло Раваш. – Настаивает она... Лучше бы замуж пошла, чем к графьям приставать.

– А ты возьми, – нашлась проститутка. Путанам не привыкать к подобному отношению.

Она тряхнула увесистыми полушариями обвисших грудей. В такт им заколебались коричневые мешки под глазами.

– Недорого! Всего-то два бронзовых слитка за полчаса женитьбы. Сегодня скидка для вельмож и работников городской администрации.

На такое предложение не нашелся с ответом даже надменный граф.

– Прошу исключить из списка свидетелей одного частного детектива, – с этими словами я забился на краешек своего сиденья. – Совет вам да любовь.

Раваш икнул, руки у него предательски задрожали. Что поделать – молодой еще. Он явно чувствовал, что от «девицы» так просто не уйдешь. Стреляная баба, ушлая: и деньги возьмет, и удовольствие получит. Лишь бы клиент не слишком трепыхался.

Я прочитал эти мысли на рожице проститутки. Она относилась, кажется, к рыбоборотням – за левым ухом виднелись темные чешуйки.

– Видишь, он не против, – шлюха подарила Равашу воздушный поцелуй.

Граф издал неопределенный всхлип и вжался в деревянную стенку купе. Я ликовал. Сейчас свершится кошмарный ритуал над графскими мощами. Отдам половину гонорара, чтобы такое увидеть. Но наблюдать за телодвижениями этой девицы...

– Послушайте, уважаемая, – начал я совершенно неуважительным тоном.

– Отвали! Мне работать пора...

Закончить целомудренную беседу нам не позволили. Доносившийся с вокзала шум усилился.

– Го-о-орячие пирожки, – прорвалось сквозь настежь открытую дверь.

– Че-е-буреки-и! Па-а-а-хлава орчанская, э-эльфийский зе-е-фир!

– Минэ-э-э-ралька!

– Алкоголь, сигареты, допинг, сексуальные возбудители для оборотней и людей. Ма-а-ндрагора!

– Услуги всевозможного характера. Любая поза и метаморфоза по желанию клиента!
– Грузчик! Грузчик! Где этот выродец-великан? Куда девался камнеед с моими чемоданами?! Грузчик!

– Батюшки, кошелек украли! Полиция!
Издали, с другой стороны вокзала, донеслось слабенькое:
– Такси пай-едем, да-и?
– Разойдись! Патруль при исполнении! – грубый оклик рассек многоголосье вокзала, точно топор – сухое полено.

Более мелкого пошиба проститутки бросились врассыпную. Наша же осталась в дверном проеме. Я уже мысленно попрощался с графом. Вот только что сказать своей бывшей жене?

– Заканчивается посадка на поезд номер шесть-двенадцать «Валибур – Северная граница». Нумерация вагонов от хвоста бастарка, – перекрыл все шумы строгий голос работницы железной дороги. Даже полицейские притихли. – Напоминаем, что железнодорожная служба не несет ответственности за исчезновение багажа, нападения гоблинов-индейцев, смерть от сверхвысоких или сверхнизких температур на просторах прерий и в пустыне. В случае смерти пассажира родственники или воскрешенные духи умершего получают компенсацию от страховой компании «ЖД-БД». Падение метеорита на состав в полис не включается...

Пока громкоговорители занимались образованием присутствующих, проститутка надвигалась на графа. Шла она медленно, то и дело хватаясь за согнутую радикулитом спину.

Раваша спасло появление новых участников вокзального шоу.

– Скорее!

Маленькие ручки рывком извлекли бабищу из нашего купе. Внутри запорхнули двое девушек-белкооборотней. В цветастых платицах с разрезом до середины бедра. Обе – блондинки, с красивыми грудками, плавными очертаниями бедер и талий, премиленькими личиками и большущими голубыми глазами. Наверное, сестрички.

– О, боги! Мы успели!

– Желаю приятного дня и невероятно красивого захода солнц, – как истинный джентльмен поздоровался я, вскочив с насиженного места и едва не ударившись головой о верхнюю полку.

– Желаем в ответ, – спаренным сопрано и меццо-сопрано прошебетали белки.

Первая кокетливо помахала рыженьким хвостиком.

У! Ох! Огненная шерстка и серебристые волосы в сочетании с чувственным ротиком. Моя наибольшая слабость! Уй... Признаюсь, я отдаю предпочтение не белкам, а своим далеким родственницам – лисичкам. Но эта красотка заставила мое сердце завывать от восторга на все четыре валибурские луны.

Раваш и сам приободрился, приосанился. Он расправил щуплые плечи, позволяя рассмотреть маленький значок с надписью «Граф дел-ар Пиллио» на лацкане богатого камзола. По его мнению, любая представительница женского пола должна тут же отбросить сомнения и плюхнуться ему на колени. Как это едва не проделала престарелая шлюха.

– Рад приветствовать, дамы, – замурыкал шурин. – Весьма и весьма приятно лицезреть ваше неземное присутствие в моем временном жилище.

Дамы разразились искрящимся смехом. Сразу видно – провинциалки. Не привыкли еще к напыщенным речам валибурских вельмож.

– Можно? – спросила та, в кого я по уши втрескался. И бесцеремонно уселась рядышком со мной. Нетрудно догадаться, что она оказалась более смелой и умудренной опытом, чем ее товарка.

– Конечно-конечно, – заверил я и отодвинулся, мимолетом пьянея от близости разгоряченного женского бедра.

– А кто это с вами ехал? – совершенно не стесняясь, спросила моя соседка.

Этой девочке не занимать любопытства и крепкой хватки. Получится отличная супруга для какого-нибудь фермера.

– Кхм... – донеслось со стороны графа.

– Проститутка, – открыто улыбнулся я. – Предлагала услуги.

– Как интересно! – восхитилась девица. – Я как раз собираюсь писать курсовую работу об эксплуатации женщин. Они ведь не из-за хорошей жизни идут работать на панель.

Она откинула непослушную прядь со лба и нахмурилась. Ее глаза блеснули в полумраке купе.

– Знаете, вам должно быть стыдно! Лишь потому, что имеете гораздо больше денег, воспользовались женской слабостью. Надругались над красивым молодым телом! Благодаря каким-то звенящим кусочкам металла. А вы не подумали, что у дамы могут быть дети? Что им неприятна одна мысль о том, что мама зарабатывает на их учебу столь грязным путем?

Я покрылся невидимым слоем инея. Неужели судьба так неблагоприятна, что привела к нам молодых феминисток? В этом случае про удовольствие можно забыть.

– Куда путь держите, сиятельные леди? – спросил Раваш, чтобы скрыть неловкость.

– Заткнись! – рявкнула моя соседка. – Кто был ее клиентом?

Мы с шурином испуганно переглянулись. Кажется, у девочки явно не доставало нескольких извилин. Да какое дело этому фигуристу ребенку до того, как оборотни зарабатывают на жизнь? Я вот, так полгода трудился экзотическим танцором на окраине города, чтобы скопить себе денег на учебу. Позже, правда, зарезал клиента нестандартной ориентации, который пожелал меня потрогать. Так работка и закончилась... Проклятое прошлое!

– Граф дел-ар Пиллио, – представился Раваш, снова делая безуспешные попытки увести разговор в другое, менее опасное русло.

– Какая самоотверженность – признаться в содеянном! Подтверждаю, – ликуя, воскликнул я, подленько ухахатываясь в душе. – Именно граф намеревался стать клиентом той милой дамы.

Шурин задохнулся от возмущения.

– Но не стал, – закончил я, превращаясь в благородного оборотня. – Наоборот, мы дали госпоже несколько монет и чудесно провели время в нравоучительной беседе.

Девица недоверчиво посмотрела на меня. Пришлось принять невероятно честный вид. Едва не захлопал ресницами.

В трудную минуту я умею притвориться довольно убедительно. К тому же девушкам, несомненно, нравятся парни, которые говорят лишь правду. Не правда ли?..

– Я вам верю, – донеслось с соседней полки. – Оставь их, Олиель. К тому же второй господин не успел представиться.

Сестричка Олиель пряталась от моих глаз за тонким профилем дел-ар Пиллио. Мне никак не везло ее рассмотреть. Видел только шикарный изгиб лодыжки, летнюю туфельку с открытым носочком и на высоком каблуке. Этого хватало, чтобы заочно влюбиться. Мне очень нравятся здравомыслящие женщины, пусть даже родственницы нагловатых созданий.

– Частный детектив Ходжа Наследи. Ценитель искусства, создатель поэзии.

– Ух ты! – ахнула Олиель, придвигаясь поближе. – Вы занимаетесь частным сыском?

Как и предполагалось, упоминание о виршах и прочем искусстве прошло мимо женских ушей. Разговор о престарелых жрицах любви ушел в небытие. Мы познакомились с девчонками поближе, и спустя какое-то время у нас завязался миролюбивый диалог.

Белки действительно приходились друг дружке сестрами. Они с отличием (Олиель слегка прикусила пухлые губки – неприятное воспоминание) окончили тринадцатый курс Феминистического университета прорицательниц, получили дипломы младших специалистов и теперь отправлялись на практику. Кстати, лет им было примерно по шестьдесят – мой любимый возраст, когда позволяет еще не все, но довольно много.

Девчонки рассказали, что пребывают в восторге от учебы и предстоящей практики. Настолько, что даже не собираются домой.

– Не могу поверить! – деланно удивился граф. – Неужели вы не желаете провести родственников?

– Вначале мы планировали заехать домой, в Дубльвилль, – поведала моя соседка. – Но потом решили, что в этом нет нужды. Денег хватает, папа ежемесячно обновляет наш банковский счет... Так что...

– А слегка пообниматься с матерью? Поцеловать отца? Понезиться в любимой кровати, в конце концов?

– Ну, э-э-э, – мой закономерный вопрос застал девицу врасплох. – Есть небольшая...

– Олиель имеет в виду, что мы не хотим возвращаться, – поспешно объяснила ее сестра из полумрака, – из-за некоторых разногласий в семье, а не в связи с финансовыми трудностями.

Мой профессиональный нюх почувствовал какую-то интригу.

– Позвольте полюбопытствовать, и какие же разногласия могут быть с домочадцами у таких прелестных девушек?

Мне не ответили. Видимо, мы слишком углубились в грязное белье. А я-то думал, что у подобных милашек не бывает никаких проблем.

Чтобы поддержать разговор и не позволить гнетущей тишине воцариться в купе, граф поинтересовался, – о боги! – политическими взглядами наших студенток. Они незамедлительно этим воспользовались и, больше не вспоминая о домашних делах, стали наперебой рассказывать о своем священном долге, навязанном им в университете. Каждой студентке ФУПа надлежит нести огонь просвещения в массы. Мол, женщины имеют столько же прав, сколько и мужчины. А если разобраться, то и больше.

Девчонки убеждали нас в том, что миром должен управлять слабый пол – у женщин и мозгов больше, и чувства такта, и вообще... По их словам, бессмертному Мэру необходимо отречься от правления и передать Валибур в морщинистые ручонки какой-нибудь домохозяйки. Лишь тогда движение феминисток смогло бы облегченно вздохнуть и уйти на покой.

Я утвердился в мысли, что ректором Феминистического университета может работать только девица. К тому же с весьма нестандартным мышлением.

– Мы ведь страдаем не в меру больше вас, а потому заслуживаем лучшего места в обществе, – назидательно вещала соседка Раваша. – Знали бы вы, например, как трудно перенести роды.

– А как приятно получить полкило серебра в мягкое место, – улыбнулся я. – На войне бывает кое-что похуже родов. Вот отдадим вам бразды правления, и чем потом будем отбиваться? Косметичками?

Раваш осклабился одной из самых гадких улыбок из своей коллекции.

– Большинство женщин служат в армии наравне с мужчинами. Это слабый аргумент.

Не прошло и пятнадцати минут, как мы, словно соседи на поминках, опять перессорились. Так всегда бывает, когда соревнуются в остроумии две противоположности.

Лично я, честно говоря, абсолютно не горел желанием принимать участие в подобных пикировках. Мне хотелось тепла и ласки, женского внимания, а не длительных монологов о женской силе и глупости патриархального мира. Об этом я прямо и сказал, подтверждая свои слова ударом крепко сжатого кулака по колену.

– А еще я считаю, что обычные мужчины и женщины должны просто любить друг друга, не занимаясь глупым соперничеством и демагогией. Потому есть предложение сменить эту воинственную тему и заняться чем-то более приятным. Например, поцелуями.

Соседка графа охнула.

– Да, господин Наследи не умеет поддерживать светскую беседу. Он достаточно твердолоб и упрям, когда дело касается комфортности среды, в которой он находится. Потому его когда-то и вышибли из полиции. Именно поэтому я граф, а он – обычная ищейка с рыжим хвостом. Все дело в самоконтроле...

За эту реплику Раваш удостоился моего презрительного взгляда. На меня же

посмотрели заинтересованно. В глазах соседки читалось удивление.

– Извините, пожалуйста. Вы не подумайте, – заверила меня Олиель, – мы, конечно же, придерживаемся взглядов феминизма, феминизм-популизма и феминизм-арборизма, но без особого рвения.

– Да-да, – кивнул граф. И пробормотал: – Оно и видно...

Я же мысленно корчил недовольные гримасы и раздевал свою спутницу взглядом. Интересно, она извинилась за свою напористость или за мое невысокое положение в обществе? Ненавижу давить на жалость.

– Мы учимся на факультете милитаристических предсказаний, – продолжала девушка, направляя разговор слегка в другую сторону. – Знаете, очень познавательно рассчитывать траектории баллистических магоракет и естественный прирост населения в Княжестве Хаоса. Можем с вероятностью пятьдесят на пятьдесят предвидеть террористический акт, можем даже погоду предсказывать.

– Как интересно, – заохал я, сдержанно улыбаясь. При этом меня больше волновали возможности Олиель в постели, а не где-нибудь на полигоне наземных войск, куда девчонки отправлялись на практику. Но хотя бы закрыли вопрос феминизма. – А нельзя ли узнать свою судьбу?

Соседка поиграла тонкими пальчиками по нижней губе. Эта простая манипуляция выглядела ошеломительно.

– Я не очень разбираюсь в такого рода предсказаниях. Но сестра в этом преуспела. Натоли, не погадаешь симпатичному господину?

– Если поменяемся местами, – волшебный голос сестрички привел меня в состояние эротического ступора.

Олиель очень – очень! – медленно поднялась, позволяя мне рассмотреть каждый миллиметр ее коротенького платяца. Особенно мне понравились выпуклые... кхм... и бледная полоска кожи над коленями. А еще игривое покачивание бедрами и тончайшая талия.

Чтобы не пасть лицом перед опасностью стремительного перевозбуждения, я уткнулся глазами в магиталлический пол.

Кто-то мягко опустился рядышком со мной. Сердце ёкнуло от восторга. Горячее бедро прикоснулось к моему. По венам забурлил кипяток. В голове взорвались фейерверки. Краска прильнула к лицу, руки задрожали.

– Ну что же вы, детектив? – спросили меня обворожительно грудным голосом. – Давайте руку, а затем придвиньтесь поближе.

Теплая ладошка опустилась на мое запястье.

Я дернулся, мелко завибрировал и встретился взглядом с...

– Вы в порядке? – спросила убиенная Мария бель-ал Сепио, участливо глядя на меня.

Она стиснула холодные пальцы на моем пульсе.

8. Девушки

– Мария? – с трудом заработали мои голосовые связки.

Я услышал, как граф недоумевающе прочищает горло. Он не был в курсе причины моего задания: Юласия сообщила, что я расследую убийство какой-то девицы. Так что мы оба не ожидали встретиться с убитой в одном купе.

– О, – восхитилась та, которую назвали Натоли, – вы, наверное, знаете нашу старшую сестру?

– Вот как... – пробормотал некий частный сыщик, пребывая на грани глубокого обморока и смерти от нехватки воздуха. – Нам приходилось встречаться.

– И как она поживает? – спросила Натоли.

Я внимательно рассмотрел ее приятно личико и облегченно вздохнул. Полумрак и оранжевые лампы меня обманули. Девушка действительно очень напоминала погибшую, но

имелись некоторые отличия. Во-первых, она выглядела моложе Марии. Во-вторых, у нее наблюдался маленький шрам под носиком – последствие операции по устранению заячьей губы. А еще более высокий лоб. И бедра поуже. Любой на моем месте мог бы ошибиться.

– Да-да, Ходжа, поведайте нам о приключениях нашей сестренки.

Я повернулся к Олиель и тоже отметил невероятное сходство. Если пристально не всматриваться, можно было подумать, что путешествуешь в обществе двух Марий бель-ал Сепио.

– Вы почему умолкли, глубокоуважаемый?

Вопрос вышвырнул меня из состояния легкого ступора. Возникла дилемма: рассказывать девочкам о смерти родственницы или нет? Может статься, одна из них является убийцей, потому трагедия для нее не в новостях. Если же притворюсь близким знакомым Марии, то смогу выведать побольше информации, посмотреть на реакцию собеседниц. А там и видно будет.

– Повторите, пожалуйста, – я принял максимально честный вид. – Мое воображение было настолько поражено вашим с Марией сходством, что я бессовестно прослушал. О чем вы спрашивали? Мне немало приходилось общаться с госпожой бель-ал Сепио, но она никогда не упоминала о каких-либо приключениях.

– Так вы не знаете? – Натоли продолжала сжимать мое запястье. Я даже забеспокоился, что пульс может выдать мою заинтересованность или неуверенность в себе. – В последние полгода Мария много переезжает. У нее очень слабое сердце – бедняжку перевозят из больницы в больницу, из санатория в санаторий. Учитывая, что она у нас домашнее существо, то, несомненно, такие путешествия стали для нее настоящим приключением.

– Вот как, – я незаметно для себя повторился. – Тогда понятно. Мы были с Марией довольно близко знакомы, общались и переписывались...

Тут возникла новая проблема. Если укажу на кратковременность знакомства, они могут что-то заподозрить. Надо стать ближайшим другом убитой, чтобы спровоцировать девчонок на открытый разговор.

– ...примерно год, – закончил я.

– Ах ты подлец! – вскричал Раваш, ерзая на сиденье. – Целый год? Ты же был в это время женат! Не сестра ли этих молодых женщин стала причиной твоего развода с Юласией?

Не найдя ничего более разумного, я промолчал. Только принял растерянно-лукавый вид. Пусть девушки считают, что мы с Марией любовники.

– Как это похоже на нее, – тепло улыбнулась Олиель. Она даже не начала вертеть обычную шарманку о мужском шовинизме и прочих прелестях. Мол, похотливый самец совратил бедную сестричку, к тому же измываясь над своей женой. – Мария любит женатых мужчин.

– Я не знал.

Невероятно честный ответ. Я ведь действительно очень мало что знал о мертвой заказчице.

– Вам, вероятно, сестра показалась образчиком женской открытости и целомудренности.

Натоли захихикала, серебристые волосы нежным каскадом заколыхались у ее щеки.

– Признайтесь, вы были любовниками?

– Ну...

– Даже не надо говорить – у вас на лице написано. Эх, все мужчины одинаковые. Они...

Чтобы девчонки опять не бросились в пучину феминистических нравоучений, мне пришлось их отвлечь:

– Когда мы в последнее время виделись с Марией, она собиралась на финальную операцию. Говорила, что наконец избавится от постылого недуга.

– Ах, – Натоли махнула ручкой. – Она всегда так говорила. Несмотря на все заверения врачей, что болезнь хроническая.

Я бесцеремонно взял быкооборотня за рога:

– Вы случайно не в курсе, почему сестра путешествовала помимо операций и не хотела возвращаться домой? Вижу, вы тоже не пылаете страстью к остальным родственникам.

Девушки помрачнели. Натоли забарабанила пальчиками по колену.

– Дело не семье. Нам не нравится собственный дом.

– В чем же дело?

– Понимаете, – интригующим тоном произнесла Олиель, отдаляясь от графа и приближаясь ко мне. В нос мне ударил чарующий аромат фиалковых духов. – Отцовское поместье недавно стало ареной страшных происшествий.

Как и ожидалось, мы с графом услышали историю о многочисленных трупах, появившихся за последние недели.

– Мы не часто возвращаемся домой, – сказала Натоли. – Живем в университетском кампусе вот уже тринадцать лет. За все это время только дважды заглядывали к родителям. И каждый раз там становилось все мрачнее. После того как умерла мать, отец очень изменился. Продал некоторые ценности, забросил плантации волшебного риса, начал заглядывать в игорные дома и кабаки...

– Соболезную. А?..

– Да. Мы понимаем, – Натоли не услышала моей неуклюжей попытки вставить словечко. – Утратить любимого оборотня всегда бывает трудно. Мужчины более слабы, потому лезут в стакан, пытаясь найти отраду на его дне. Вот папа и не сдержался. Похоронил нашу матушку и долгое время горевал. Даже пытался продать поместье, которое, по его словам, опустело после маминой смерти. К сожалению, потенциальные покупатели не позарились на скромный домик.

Это заявление кардинально отличалось от слов покойной Марии. Ведь она сообщала, что кто-то, наоборот, хотел купить земельный участок бель-ал Сепио вместе с домом и другими постройками. Мне захотелось более пристально изучить вопрос купли-продажи их родового удела.

– Как умерла ваша мать? – с нотками трагизма поинтересовался я.

– Сердечная недостаточность, – губки Олиели печально поджались. – Это у нее Мария унаследовала физический порок. Хвала всем богам, нам с Натоли посчастливилось избежать этого проклятия.

У меня появилось несмелое допущение. А что, если трагические случаи начались в семействе бель-ал Сепио уже давно? Что, если все началось именно с мамы Сепио?

– Когда это случилось? Когда она умерла?

– Вы не в курсе? – удивилась Олиель. – Вы же...

– Точно, – будто бы роясь в памяти, замешкался я, – это случилось недавно. Когда-то Маша рассказывала об этом. Но как-то вскользь, потому не помню точно.

– Странно, Мария очень переживала из-за смерти матери. Все говорила, что теперь пришла ее очередь. Мы, конечно, смеялись. А потом, когда погибли брат и кузина... стало очень худо. И еще прислуга...

Я задумался над тем, что девушки излишне искренние. С другой стороны, они познакомились с близким другом своей сестры. Почему бы и не поговорить откровенно.

В доме бель-ал Сепио произошла череда загадочных смертей. Самое удивительное, никто из семейства не имел ни малейшего представления, что происходит. Все выглядело так, будто неведомый преступник вознамерился угробить каждого, живущего в поместье. Но не было никаких зловещих гостей, никаких анонимных писем с угрозами, как водится в большинстве детективных историй. Также девчонки не знали о существовании каких-либо врагов. Нет, недружелюбные личности, конечно же, имелись, но никого такого, кто занялся бы столь неприятным делом. Подумать только: послать на Страшное Судилище такое количество невинных граждан и остаться при этом в тени.

– Маша часто плачет и звонит нам на университетский мозгомпьютер. Она уверена, что на наш дом пало какое-то проклятие. Что-то из прошлого отца... Мария говорит, что ОНО

убило мать и подстерегает всех нас за каждым углом.

– Мы часто обсуждали эту тему, – я начал привирать. – Была такая гипотеза, мол, ваш папая где-то согрешил на жизненной тропе. Он воевал?

– По-моему, Мария не очень раскрывала вам душу, – прищурилась Олиель. Как старшая сестра, она была подозрительной. Очень правильный довесок к девичьему характеру – позволяет избежать большинства проблем. Только бы не развилось в паранойю. – Наш отец известный филателист, самый крупный продавец марок на побережье. Он абсолютно близорук, почти ослеп еще в далекой юности и носит с того времени большие очки. Куда такого в армию? Очень странно, что Мария никогда не говорили с вами об отце.

Я пожал плечами:

– Мы вообще очень мало разговаривали...

– Вот! Они практически не общались – только кувыркались в постели! – обвинительно наставленный палец графа едва не уперся мне в лоб. – Этот подлец еще раз доказал, что все слухи о нем правдивы!

– И какие же слухи? – глаза у девушек загорелись. При этом смотрели не на Раваша, а на меня.

– Весь город уверен, что данный тип – прелюбодей, ловелас и бабник, каких еще мир не видывал. Потому от него ушла жена. Замечательная женщина, которая к тому же приходится мне родной сестрой.

По-моему, граф не соображал, что подобными высказываниями добавляет мне баллов в женских глазах. Впрочем, девицы разные бывают – некоторым не нравятся ловеласы. Но большинство же явно заинтересуются моей персоной после таких слов. К тому же, при взгляде на надменное личико господина дел-ар Пиллио любая может составить весьма нелестное мнение о его сестричке.

– Как вам не стыдно, детектив? – деланно возмутилась Олиель. При этом ее глазки недвусмысленно показывали специфическую заинтересованность. Я тут же почувствовал, что этой ночью не останусь один.

– А что вы увидели постыдного, милая барышня? Неужели добропорядочному оборотню, к тому же разведенному, не позволено любить прелестных дам? К тому же у меня правило: никогда не встречаться более чем с одной девушкой.

– Дорогой граф, как ни прискорбно это признать, на сто процентов прав, – глаза симпатяшки Натоли смеялись. Кажется, она забыла о пугающей тайне своей семьи.

Я пожал плечами. Моя рука по-прежнему сжимала пальчики студентки.

– А что вы думаете по поводу смертей в нашем доме, господин граф? – спросила Олиель, не отводя, впрочем, от меня многообещающего взгляда.

– Пять оборотней за последние полгода, говорите? – Раваш попытался создать себе образ интеллектуала. – Жуть какая.

– Ну да, – подтвердила Олиель. – Если не учитывать нашу покойную матушку, умерло ровно столько. Сначала брат, позже повар. Бедняга паж... Ему не исполнилось и пятидесяти – совсем еще мальчик. Потом разбилась кухня. А еще перед этим зарезали Орлена где-то в трущобах. И вот, вчера нам позвонили из полиции Дубльвилля...

Внезапно она всхлипнула.

– Что такое?..

..., Я знал ответ на этот вопрос преждевременно. Только не мог догадаться, кого постигла неприятная участь.

Итак, у нас уже семь трупов.

– За Олиель ухаживал один парень, – сказала Натоли. – Три года снимал у нас комнату на первом этаже. Потом уехал по делам на несколько месяцев, и недавно вернулся. На следующий день после приезда он...

– Мой бедный Торли, – Олиель обмакнула глазки вечным носовым платком. – Он захлебнулся в ванной. Нам так и не довелось...

Я отметил, что на ее прелестных глазках нет и намека на слезы. Весьма занятное

наблюдение – сделаем пометку на полях истории бель-ал Сепио.

– Не знаете, Мария ни с кем не встречалась в последнее время? – вопрос мне дался с большим трудом. – А то мы с ней давненько не виделись.

– Бросила уroda? – ухмыльнулся граф.

Я ответил безразличным взглядом.

– Насколько знаю – нет, – отозвалась Натоли. – У Маши был постоянный любовник, виконт дел-ар Мелло. Они скрывали отношения – виконт женат на очень вспыльчивой даме. Вполне вероятно, что Машке надоели отношения с занятым мужчиной. Потому она заинтересовалась вами.

Пришлось надеть маску уязвленного ловеласа. Мол, неприятно слышать, что женщины интересуются тобой как запасным вариантом. Но мысленно я ликовал.

Вот и первый подозреваемый. Можно допустить, что благоверная виконта дел-ар Мелло прознала про преступную связь муженька. Некоторые женщины настолько мстительны, что могут поклясться извести со свету весь род любовницы своего ветреного мужа.

– Никогда не слышал о виконте. Он живет в Дубльвилле?

– О да. Семья дел-ар Мелло содержит игорный притон в Дубльвилле и располагает землями как раз по соседству с нашими владениями.

Вот и дополнительный факт. Кому проще всего подсыпать соль в компот соседей? Правильно. Тому, кто живет за стеной. Или же за границей поместья, как в этом случае.

– Скажите, могла ли жена виконта желать смерти кого-нибудь из вашей семьи?

– Сейчас вы спрашиваете не как друг, а как частный детектив, – улыбнулась Олиель. – Но нет. Старушка Донна-Муна не менее двадцати лет не покидает кровати. Говаривают, она даже позволяет виконту бродить по борделям. Лишь бы не ушел. Хотя... Он и так не уйдет, ведь деньги-то ее.

«Старушку» со счета я не списал. Но появились дополнительные варианты. Виконт – бедняк, живущий на средства супруги. Он может спланировать «случайные» смерти в доме бель-ал Сепио, чтобы наследство получила его любовница. Затем внезапно умирает Донна-Муна. А если и не отправляется в мир иной, тогда развод. Вдовец или же разведенный через какое-то время женится на Марии бель-ал Сепио. И живет припеваючи, занимаясь разбазариванием поместья Марии. По-моему, мотив нашелся.

К тому же теперь логично выглядело покушение на мою клиентку. Любовник явно не хотел, чтобы я занялся этим расследованием. Возможно, он бы ворвался ко мне в кабинет и силой утащил спящую Марию. Дальше не составило бы труда переубедить ее в тщетности работы детектива. Мол, идем, дорогая, будем жить вместе, и ты никогда не вернешься в тот страшный дом. Забудь о расследовании.

Но виконт просчитался. Мария умерла, а я незамедлительно вызвал полицию. «Золотая» девушка ускользнула из рук вместе с наследством. Потому убийца в ужасе бежал, бросив орудие преступления на крыше соседнего дома. Затем опомнился и вернулся. А лук в то время уже находился в руках не в меру любопытного сыщика. Полагая, что после смерти заказчицы я не возьмусь за дело, виконт стукнул меня по макушке. Почему не убил? Возможно, не хотел принимать на душу еще один грех, хотя это не вяжется с многочисленными смертями в доме бель-ал Сепио.

– Скажите, когда сестра в последнее время виделась с вами?

Олиель и Натоли призадумались.

– Дня четыре назад. Маша была у нас проездом, попросила, чтобы мы встретили ее на железнодорожной станции.

Итак, девица жила в Валибуре еще два дня до того, как зайти ко мне в гости. Наводила справки? Искала специалиста? Или же готовилась к операции?

– Кстати, она упоминала, что едет к частному детективу, – Олиель посмотрела на меня, прищурив левый глаз. – Но имени не называла.

– Мы полагали, что она собирается нанять кого-то, чтобы раскрыть эту тайну.

Натоли тоже не сводила с меня пристального взгляда.

– Мария действительно наняла меня расследовать происшествия в вашем доме, – признался я. – Потому и еду в Дубльвилль.

Упоминание о городе сестрички проигнорировали. Зато взялись за обсуждение родственницы.

– Это на нее похоже. Небось, маленькая скряга даже не расплатилась с вами. Она всегда пользуется близкими ей мужчинами.

Я замешкался.

– Хватит об убийствах! – взревел Раваш. – Надоело. Предлагаю выпить за знакомство.

– Это дело.

Молоденькие девушки всегда не прочь выпить с приятными спутниками. Тем более, когда среди мужчин наличествует настоящий граф. Но, к сожалению, сегодня и в ближайшее время господин дел-ар Пиллио не мог позволить себе ни грамма алкоголя.

Удачно припрятав довольную ухмылку, я вызвал демона-проводника.

Тот появился в купе мгновенно, точно подслушивал за дверью, в служебном коридоре.

Спустя какие-то мгновения между спальными полками возвышался маленький столик из дымчатого стекла. На нем – запотевшая бутылка амброзиума, вазочка с фруктами, горка эклеров, пепельница и стопка салфеток.

Не слишком церемонясь, граф привычным жестом схватился за бутылку. И тут же едва ее не выронил. Он посмотрел на сосуд, словно бы тот вдруг превратился в активированную магобомбу. Затем его взгляд переметнулся на мою переносицу.

Я сохранил невозмутимую мину. От спиртного отказался, аргументируя тем, что герой за столом – ничто в кровати. Девушки незамедлительно поинтересовались, о какой кровати речь. Пришлось принять загадочный вид. И, конечно же, мельком улыбнуться обоим красавицам.

Надо признаться, меня немного покалывала совесть. Каков подлец – не рассказал девчонкам о гибели сестры. Вскоре они узнают сами, и бедный Ходжа Наследи мгновенно вылетит из списков замечательных парней. Возможно, они поймут, что я не хотел травмировать их молоденькие души. А сейчас...

С некоторым усилием шурины все же разлил искрящуюся жидкость по бокалам. Девчонки с радостным гомоном пригубили и заметили, что напиток неплох. Раваш последовал их примеру. Я в тот момент неотрывно следил за ним. И моя любознательность была вознаграждена.

Сделав глоток, граф стремительно побледнел. Лицо приняло стальной оттенок, затем позеленело.

– Какая гадость, – с трудом выдавил он, бросился к окну и опустил его до конца.

В купе ворвался холодный ветер пустошей. Шурина стошнило. Хвала богам, он успел высунуться из окна и «выбросить» содержимое желудка через деревянный подоконник.

Сестрички-белки с широко открытыми глазами наблюдали за мучениями графа.

Минус две девицы из постельных планов дальнего родственничка! Охо-хо-хо, какой я подлый оборотень. Не получится из меня друга богатеньких графов.

– А мне амброзиум показался отличным, – Олиель задумчиво принялась к бокалу.

– Глубокоуважаемый господин дел-ар Пиллио страдает печенью, – сурово ответил я. – Вы пейте, пейте девушки. Только не злоупотребляйте. Знаете, алкоголь очень неблагоприятно действует на организм...

От моих слов Раваша опять стошнило. Вот что такое истинное влияние служителей церкви Трезвого Спасения.

9. Пустошь

– На станцию прибывает поезд номер шесть-двенадцать «Валибур – Северная граница», – слабо донеслось из открытого окна. – Мальчика в синем свитере просим отойти

от колеи и напоминаем, что бастарк еще не завтракал...

Граф полулежал с закрытыми глазами и постанывал. Девчонки сторонились «болезного», как назвала Раваша наивная Натоли. Они сидели рядышком со мной и медленно потягивали прохладный напиток.

– Еще две станции, – сказала Олиель, – и мы уже у цели.

– Эх, совсем забыл, что вы не возвращаетесь домой, – грустно констатировал я. – Мне так хотелось проделать этот путь в обществе прелестных дам, а не слабого желудком графа.

– В поместье мы точно не вернемся, пусть даже одна из лун упадет на пустошь. Намного интереснее находиться в артиллерийском расчете и планировать магический артобстрел.

Я повернулся к Натоли:

– Неужели дома настолько тяжело?

– А вы бы хотели каждую ночь просыпаться в холодном поту и думать, что в соседней комнате ужасным образом скончался человек?

– Кто-нибудь из ваших слуг относится к семейству смертных?

– Нет. Все – оборотни высшей касты. Разве что первый помощник конюха из низших инициированных.

Есть четыре касты оборотней. Первая и самая чистая каста – высшая. К ней принадлежат потомственные перевертыши, то бишь уже рожденные оборотнями. Вторая, самая малочисленная, – средняя. К ней причисляются те, кто родился оборотнем от смертного и перевертыша. Низшие териантропы числятся в третьей касте. Это рожденные смертными люди, насильственно или по желанию произведенные (научный термин – «инициированные» или «териантропированные») в оборотни. Последний вид оборотневых – внекастовый. Он также ошибочно считается наивысшим. К нему принято относить морфоборотней – существ, способных принимать личину любого зверя или человека, в зависимости от веса.

Так у меня появился новый подозреваемый. Можно предположить, что этот «человек» и совершает убийства в поместье бель-ал Сепию. Это если он затаил бо-о-ольшую злобу на тех, кто сделал его оборотнем. Такой вполне способен замысливать убийство. Вы меня превратили в чудовище, а я вас превращу в безмолвный прах. Примерно вот такая мысль.

Поезд окружали бескрайние пустоши. Везде, куда ни глянь, тянулись заросшие жухлой травой холмы. Кое-где виднелись чахлые деревья, занесенные песком и пылью. Первое валибурское солнце почти докатилось до горизонта; далекие горы сияли бирюзовыми и темно-синими тонами. Рельсы отсвечивали насыщенным апельсиновым цветом – второе светило блистало во всей красе прямо над железной дорогой. Его зеленоватое гало притягивало взгляд – спокойное, не обжигающее, теплое.

Как и прежде, пахло разгоряченным металлом и бастарковой отрыжкой. То и дело над пустошью пролетали клочки белесого дыма – машинисты притушили огонь.

Посреди пустынного ландшафта, на каменном островке, вздымающемся из песка, обрисовался городок. Его окружали восьмиметровые стены из колдетона, на башенках магической защиты мерцали тяжелые коконы противовоздушной обороны.

– ...ожидающих просим отойти от колеи и ворот. Солдаты стреляют без предупреждения!..

Перед мордой бастарка закрипели гигантские магиталлические ворота. Наш тягач был столь огромен, что мог бы без особого труда перепрыгнуть их на одном дыхании. Но, к сожалению, вагоны прыгать не умели.

Ворота издавали несогласные звуки, не желая поддаваться натужно воющим механизмам. Под створки и в соединения широких петель набился песок и грязные комки растений.

– Эй! – заорал кто-то из машинистов. – Открывайте скорее!

В воротах приоткрылась маленькая дверка. Оттуда выскочил широкоплечий греmlin в зеленом комбинезоне работника железной дороги и с округлым ранцем красного цвета. В

руке он держал длинную трубку, покрытую копотью и следами ржавчины. Прodelав какие-то манипуляции, гремли́н наставил оплавленный раструб «оружия» на створки ворот. Вспыхнул огонь, раздался оглушительный рев. Даже бастарк встрепенулся и немного попятился под бранные вопли машинистов.

– Ты нам скотину испугаешь! – верещали из поезда. – А ну вали отсюда со своим огнем!

Привратник невозмутимо полил огнем забившийся под ворота сор. Ветки и мелкая пыль мгновенно сгорели, песок расплавился и превратился в маленькие комочки стекла. Гремли́н достал из нагрудного кармана раскладной веер-совок и метелку. Быстренько сгреб образовавшиеся отходы, выбросил их в сторону. Отряхнул руки и тотчас растворился за своей дверкой.

Ворота медленно открылись. Поругивающиеся машинисты загревели цепями, подгоняя бастарка. Поезд лениво покачну́лся и начал медленное движение к пятачку станции.

В этих местах шалют кочевники – гоблины-индейцы и дикие гномы. Также встречаются бастарки, гарпии, семейства купидонусов, стихийных демонов и куча других, не менее опасных существ. В глубинах пустоши обитают каменные инкубы и песочные виверны, которыми правит дэв-хан Сарухамимам. Хотя официально эти территории входят в состав государства Валибур, их считают нейтральными землями.

Если посмотреть на карту, окрестности Валибура выглядят как расширяющийся к югу изогнутый баклажан. Северный его конец почти наполовину «откушен» на западе. Это и есть нейтральные земли. Тут постоянно точатся бои с изрядно поредевшими рядами кочевников. Здесь рождаются и взрослеют самые закаленные и суровые оборотни. Горожане пренебрежительно называют их провинциальными нейтралами. Впрочем, это нелестное определение абсолютно неверно. Здешние жители первыми встречают армии Хаоса и Дальних кругов. Они партизанят, вступают в стычки, не позволяя демонам прорваться вглубь страны.

– Как красиво, – вздохнула Натоли, глядя в окно. – Вы посмотрите на первый закат!

– Чего тут такого? – скривился граф, чем заработал себе еще один минус от девушек. – Обычный первовечерник, к тому же в таких местах. Пыль, грязь, зыбучие пески. Индейцы с допотопными копьями...

Действительно, над каменистым плато, лежавшим на западе, вспучилось колеблющееся облако пыли.

– Этого нам не хватало! – воскликнул проводник, забежавший восполнить наши запасы амброзиума.

Облако стремительно нарастало. Граф обладал отменным зрением – сумел рассмотреть нападавших с такого расстояния. Лично я заметил зеленую кожу и отблески солнца на каменных копьях лишь спустя какое-то время.

На поезд неслось огромное войнство гоблинов. Кочевники сотрясали всевозможными железками и каменюками – от топоров и мачете до магических винтовок и даже упрощенных, как у меня, моделей «Карателя». Всадники тряслись на приземистых шталкхах, неприятного вида гусеницах. Тела животных усыпали естественные шипы, отчего они напоминали изогнутые булавы. Удобно разместившись между шипами, свободной от оружия рукой гоблины сжимали глазные отростки гусениц, управляя шталкхами.

– Аркга-х-ха! – вопили кочевники.

Это звучало весьма устрашающе. К тому же волна атакующих стремительно приближалась к железной дороге.

– Тревога! – бубнящий голос дикторши сменился властным мужским. – Ожидается атака сектора «пять – восемь – шесть – пять – три – шестнадцать – пятьдесят два»...

– Ты гляди, – заметил я, храбрысь перед девушками и показывая, что чихать хотел на каких-то там кровожадных гоблов. – Столь маленький городок, а такие длинные названия секторов.

– Военные... – неблагоприятно пробормотал граф.

– Активировать щиты, – вещали тем временем громкоговорители вокзала. – Запереть ворота и подкатить технику. Зенитный расчет...

Диктор замолк, и над станцией вознеслись короткие выкрики солдат. Командиры подразделений приняли командование на себя – незачем вопить направо и налево об оборонительной тактике города. Кочевники ведь не дураки, еще воспользуются информацией о вооружении станции.

Городок почти не отличался от пригорода Валибура. Станция величалась «Вопел-Крик» и справедливо считалась одним из самых защищенных мест на всей пустоши.

Двух- и трехэтажные домики, в отличие от Краиновки, были населены не проститутками, а оборотнями в военной форме. Вместо продуктовых ларьков и пивнушек маленький, всего из двух помещений, вокзал окружали оружейные турели. На них разворачивались высокие ПОСО – шестиствольные полевые орудия сверхсрочного огня, окруженные гремлинами в комбинезонах технического персонала. Вовсю мелькали лопаты – техники доверху набивали топки орудий брикетами сушеного чесночного спрэда.

– Хорошая вещица, этот спред, – заметил я, убедившись, что последний вагон состава покинул пустошь и за ним захлопнулись ворота. Теперь моя храбрость уже не была напускной. – Во-первых, это унифицированное топливо для всех магических агрегатов от фитильмобилей до реактивных цеппелинов. А во-вторых, их производят преступные элементы. Вампиры не сидят без дела, а brave солдаты могут побеждать врагов Валибура ценой меньшей крови.

– Соглашусь, – угрюмо кивнул Раваш. Еще бы шурина не соглашаться, ведь целые полчища преступников-вампиров круглосуточно горбачатся на его плантациях.

– Аркта-х-ха! – донеслось из-за высоких стен. На городок упало поднятое кочевниками облако пыли.

Графу стало неудобно, и он поежился.

– По-моему, мы оказались взаперти, – отметил я, прихлебывая горячий чай.

И когда это проводник его принес? Не иначе, он волшебник – почувствовал, чего наиболее жаждет душа детектива.

– Ничего страшного, – заверил нас вездесущий демон, высываясь из технического коридора. – Нам повезло, что гоблины не бросились на нас посреди чистого поля. Вот тогда...

– Случилось бы непоправимое? – встревоженно закончила фразу Олиель.

– Что вы! Нет, не беспокойтесь, – проводник обнажил миниатюрные желтые клыки. – Если нас атакуют, машинисты отвязывают бастарка. Его специально не кормят перед поездкой через опасные территории. А гоблинские шипастые гусеницы, доложу вам, глубокоуважаемые пассажиры, – лучшее лакомство для голодного живовоза. Но сколько же времени занимает поимка разгоряченного тягача и последующее сопряжение его с составом!

– Умное решение.

Я попытался представить себе картину сражения между разъяренным бастарком и какой-то там тысячей гоблинов. Воображение рисовало кровавую кашу и мелкие обломки оружия на поле боя. А в центре – целехонький, сидит себе сытый и довольный бастарк. Вылизывает окровавленные лапы...

Тем временем у городского периметра развивалась другая битва, реальная. Мы видели только некоторые эпизоды – когда кому-либо из нападавших удавалось взобраться на стену.

– С-смерть захватчикам! – вопили кочевники, бросая гусениц на таран.

Ворота содрогались под ударами бронированных тел. Со стен целыми валунами скатывалась колдетонная крошка – по городу стреляли из крупнокалиберных магических орудий.

– Вот это скверно, – заметил проводник, который отчего-то никак не желал покинуть наше купе. Девушки, видать, понравились. – Откуда у гоблинов такое оружие?

Кусок стены, вызвавший это замечание, с треском приземлился на стеклянный козырек перрона. Брызнули осколки, закричали раненые жители городка и пассажиры – попало даже

в поезд.

– Разбудить дежурного мага! – пробился сквозь стоны и плач разъяренный крик. – Где этот алкаш? – И уже более тихим голосом – наверняка не в микрофон: – Разбудить негодяя. Кто, по-вашему, глубокоуважаемые, сможет опрокинуть колдовскую черепаху?

– Сквернее не бывает, – напомнил о себе демон. – Колдовские черепахи этот город еще не пробовали на зуб. И откуда это у них?..

Проводник исчез в утробе технического коридора.

– Из вагонов не выходить! – скомандовали динамики живовоза. – Служба железной дороги не несет ответственности за смерть или несчастный случай за пределами купе.

– Стало быть, если сдохнешь в коридоре или на подножке, твоя семья не получит денежной компенсации, – сварливо провозгласил Раваш. – Сволочи!

Это был едва ли не единственный момент за время нашего знакомства, когда я с ним безапелляционно согласился.

– И что же будем делать? – спросила Натоли.

Бокал в руке красавицы слегка вибрировал. Несомненно, молодая девушка боялась. Мне тут же захотелось схватить ее в свои мужественные объятия. Исключительно для защиты! И в мыслях не было чего-нибудь другого.

– Предлагаю поцеловаться, – я подарил девчонке самую успокаивающую из своих улыбок.

– Он только про это и думает, – укоризненно произнес Раваш. – Проклятый бабник.

– А о чем же еще думать в присутствии прелестнейших дам? – парировал я.

Натоли засмеялась, ее поддержала Олиель.

– Мы не против. Играем в игру «Нецелованный – дурак», любимая игра детства.

Сестрички слегка наклонились над полками и коротко поцеловались в губы. У меня по спине прошелестела огненная метелица. А что уж творилось... кхм.

– Теперь ваша очередь, – глаза Олиели смеялись. – Вы – с графом, дорогой детектив, а затем поменяем партнеров.

Я остолбенел. Вот же надули меня, прелестницы!

– Да чтобы я облобызал брата бывшей жены? – мой ужас даже мне показался неподдельным. – Ни за что.

Граф молча насупился и перевел взгляд на окно.

– Значит, мы выиграли, – заликовали сестры.

– А с вами можно поиграть? – поинтересовался все тот же демон-проводник, выглядывая из коридора. Лично мне он уже действовал на нервы.

Пальцы сам легли на рукоять «Карателя». Я покормил оружие утром, потому поближе ко второму вечеру оно изрядно проголодалось. И требовательно заурчало, напоминая о полезности ужина.

Демон проигнорировал мой плотоядный взгляд. Он застенчиво поглядывал на девушек. При этом у него подрагивал кончик правого рога – признак чрезвычайного возбуждения.

– Конечно, можно, – без колебаний ответила Натоли, хитро прищурившись. – Сперва поцелуйтесь вот с ним. Он, говорят, ловелас, каких не видавали. Вам должно понравиться.

Девичий пальчик фатально указал мне в грудь. Я принял устрашающий вид, но проводника это не остановило. Или просто не заметил?

– Ну что? – спросил мерзейший из рода демонов. – Начнем? – И прошептал мне на ухо: – Уж очень охота белке по деснам ударить...

Мои глаза едва не выскочили из орбит.

– Вон!!! – заорал я самым страшным голосом, на какой был способен. – Я тебе ударю! По деснам!

Рука рефлекторно вытащила «Каратель» почти до половины, когда дверь коридора со стуком захлопнулась. Что-то загрохотало. Вероятно, проводник пытался забаррикадироваться с помощью своего стульчика.

– Вы в порядке? – девчонки не просто смеялись. Они хохотали над бедным сыщиком. –

Может, вам таблеток от сердца?..

Я чувствовал, что физиономия горит. Кажется, вся кровь до последней капли прихлынула к голове. Даже перед глазами потемнело.

– Вот она, феминистическая натура, – вздохнул я, присаживаясь обратно на полку. – Подумали, небось, что раз я любитель женщин, – значит, их эксплуататор. А раз так, то отомстим подлецу. Да?

– Простите, Ходжа, – дружелюбно улыбнулась Олиель. – Мы так шутим над студентами в кампусе. Большинство целуется. И кто бы мог подумать, что взрослые мужчины вроде вас с графом окажутся такими невосприимчивыми к своему полу?

«Показал бы тебе восприимчивость к полу, – подумал я. – В кровати бы показал».

Но сохранил лишь обиженное выражение лица и проглотил эту горькую пилюлю.

– Я вижу, вы очень чувствительный, – проворковала Натоли, поглаживая пальчиком рукав моего плаща. – Неужели обиделись на маленькую шутку?

– Не люблю шутить, – грубо отрезал я. – В последний раз из-за такой невинной шуточки от меня ушла жена. Едва успел забрать некоторую мебель. Да и то без спросу...

– Ух ты! Вы вломились в дом бывшей жены и утащили комод с ее бельем и косметикой?

– Нет, всего лишь стол и парочку стульев.

– При этом он даже не разбирал, чью мебель ворует!.. – вдруг взорвался граф. Его глаза горели такой невероятной яростью, что я не нашелся с ответом.

Дружок взбесился так, будто бы я не у своей бывшей жены, а у него спер любимое кресло. Надо будет спросить у Юлассии, не хочет ли она обменять какой-то из своих гарнитуров на рухлядь Раваша.

Девчонки всю веселились.

– Давайте лучше целоваться, – ляпнул я первое, что навернулось на язык. Они от меня не уйдут!

– Поверить не могу, – уже более спокойно отозвался шурин. – Со всех сторон нападают зеленокожие уродцы, а эти... дамы и господа, – он проговорил это с нелестной задержкой и кислой миной, – занимаются демон знает чем!

– С-смерть колонистам! – пронеслось над городом.

Стены вибрировали под ударами шталкхов, позади поезда сотрясались ворота. Системы магической защиты, наконец, наполнились силой и равномерно накалились докрасна. Колдовские пологи, до этого плотными конусами окутывавшие башни, раскрылись как громадные цветы, зазвенели мощью. Весь видимый отрезок стены оказался под алым сиянием. Каждый, кто дотрагивался до звенящего поля, будь то друг или враг, незамедлительно погибал, рассыпался коричневым пеплом.

Стволы ПОСО жужжали, разворачиваясь на турелях.

– Огонь! – скомандовал кто-то.

Обслуживающий персонал повалился на землю, изо всех сил зажимая уши. Орудия содрогнулись, выплевывая бесконечные ленты сиреневых снарядов. Освобожденные «пули», едва оказавшись в воздухе, обнажали длинные клыки и жала. И неслись, огибая любые преграды.

– Давно не видел ге-шершней в работе, – признался я. – Сталкивался с ними на войне...

Перед глазами раскинулось Погребальное поле Валибура. Оно находится на южной окраине города, и когда-то считалось самым безопасным сектором мегаполиса. Там даже не было стен и магических башен. Туда и направили главный удар объединенные силы Хаоса и Дальних кругов два десятилетия назад. Враги все рассчитали правильно: обогнули город по дуге и зашли к нам с тыла. Лишь благодаря Следящему колоколу горожане успели заметить подлую атаку. Но в последний момент.

На защиту Погребального поля бросили все наличествующие в городе соединения. И, конечно же, полк специального назначения, куда я попал благодаря имеющимся навыкам. К сожалению, наша часть состояла из очень молодых парней. Многие прослужили всего-то

несколько недель, не успели ни подготовиться, ни как следует познакомиться с армейскими правилами. Мы попали в мясорубку одними из первых. И большинство из нас бежало, позорно показывая спины и хвосты.

Армия Хаоса прижала нас к усыпальницам и надгробиям. По древним могилам хлестала свежая кровь. Сопливые юнцы, многие не умели даже целоваться, гибли один за другим. Но выстояли, дождались подхода основных сил.

Я был там. Видел кровь и смерть, вдыхал слащавые испарения магии, глотал густую пыль раскрошенных костей. И слезы кипели на глазах...

Осталось всего четыре десятка. И самое циничное, – тех, кто устоял и не дрогнул, кто прикрыл «отступающих» товарищей. Нас буквально размазали о стену высокого мемориала героям Тридцать Второй войны. Но мы выстояли. И многим обязаны именно полевому оружию сверхсрочного огня.

Такая штука, расположенная на верхушке мемориала, и спасла мне жизнь. ПОСО выплевывает четыреста ядовитых ге-шершней в секунду. Пойманные в Двенадцатом круге, огненные насекомые не разбирают, кого атаковать. Они совершенно безмозглы, и могут лететь только заданным курсом или по прямой, поражая смертоносными жалами все живое. Главное – предсказать и направить траекторию полета ге-шершня. Как и в случае с магобомбами и магоголовками, орудийный расчет включает военного прорицателя или гадалку. По-другому эта должность называется «наводчик» – он-то и рассчитывает вероятность попадания в цель. Ошибется – положит дружественных солдат. Ну а если выстрел получится удачным, – ура! – значит, погибнут противники.

Одно ПОСО в состоянии уничтожить около тысячи врагов. А здесь, в Вопел-Крик, я насчитал не менее шести штук. И очень надеялся на то, что здешние артиллеристы знают свою работу. Иначе все пассажиры отправятся на Страшное Судилище, так и не добравшись до конечной точки поездки.

– Тогда девчонки и стрельнули... А когда мемориал окутался вихрем этих бабочек-переростков, мы все едва не обделались. Простите, милые дамы, но в самом деле... В общем, снаряды прожужжали над головой, и мне тогда показалось, что в штанах по-настоящему потеплело. А затем окровавленные демоны, которым удалось загнать нас в самый угол городского кладбища, взорвались мелкими ошметками...

Проводник, а он опять очутился в нашем купе, уважительно присвистнул. Даже посмотрел на меня и на рукоять «Карателя» не с испугом, а едва не с благоговением. Еще бы, ведь перед ним настоящий ветеран последней войны. Испивший чашу крови и понюхавший магии, как говорится во всех милитаристических книгах.

– ...тогда открываю глаза, и вижу, что клинок намертво застрял в груди у этой махины. Даже пинком не отшвырнешь. И тут на меня наваливается демон Шестнадцатого круга. Ну, вы знаете – с рогатой макушкой, до копыт покрытый кислотой. Мне удается отползти, прикрываясь от плевков телом убитого крылана. Чувствую – скоро умру. В самый последний миг, когда окровавленное щупальце почти вонзилось мне в глазницу, пролетает ге-шершень. И вижу, как череп кислотяника разваливается пополам...

– Да вы герой! – Натолли задохнулась от восторга.

– Что вы, что вы... Кстати, отодвиньтесь от окна. Если наши солдаты пальнут куда не следует, лучше будет лежать на полу с прикрытой руками головой, чем с дыркой в виске. Ге-шершни – ужаснейшее оружие оборотней.

Демон незаметно исчез из поля зрения. Девушки послушно легли на пол. Раваш что-то пробубнил и тоже скользнул под лавку. Осталось последовать его примеру.

К всеобщему облегчению, воинственные насекомые успешно миновали живовоз и перевалили за стену. Оттуда донесся безумный каскад предсмертных воплей и стонов. Гоблины захлебнулись собственной кровью. Гусеницы бились в конвульсиях, продолжая лупить по крепости. Во все стороны летели куски обугленной плоти. Враги взрывались горячими брызгами крови. Колдетон и магасфальт окрасились алым.

Но некоторым гоблинам удалось прорваться. Несколько десятков завывающих

варваров проникли сквозь пробитую щель в стене. Зеленокожие ублюдки не щадили никого.

Толстая женщина в цветастом переднике булочницы неведомо каким образом оказалась на пути вопящих гоблинов. Ее пронзили сразу дюжиной клинков. Не издав ни звука, толстушка упала и, нанизанная на копья, потащилась следом за своими убийцами. На серой поверхности перрона осталось кровавое пятно.

Даже ровная шеренга бронированных оборотней не остановила захватчиков. За отрядом кочевников виднелся купол исполинского панциря. Магическая черепаха высунула коричневую голову, украшенную роговыми наростами, и выплюнула бесформенный сгусток смертельного колдовства. Привычные к войне на стороне чудища, гоблины бросились врассыпную. А вот оборотни не успели.

Магический удар мгновенно расплющил броню. Наши солдаты буквально закипели, раздались истошные крики. Железно вплавлялось в плоть. Какой-то боец попытался оторвать от себя кирасу. Почерневшие пальцы выдрали окровавленный шмат, оголились розовые внутренности ребер.

Гоблины добили раненных на ходу, даже не приостановились. Под их ударами падали перепуганные техники; системы ПОСО остались без поддержки. Лишь одна турель единой скрипнула, орудие чихнуло каким-то десятком ге-шершней и замерло.

– Скорее! – из-за опаленного вокзала неслась блестящая бронированными шлемами колонна солдат. Но они не успевали.

Кочевники вплотную приблизились к поезду. Из машинного отделения выпал покрытый копотью демон. Из груди у него торчало полутораметровое древко метательного копья.

– Не успели, – прошептал проводник, перепуганно вжимаясь в дверь, ведущую в коридор. – Не успели освободить бастарка.

Чувствуя запах поджаренных гусениц, чудище требовательно ревело и рывками пыталось дотянуться до нападавших. Но крепежные детали не позволяли ему освободиться. Звенели тяжелые звенья, цепи лупили по земле, от резких прикосновений с колдетоном поднимались густые каскады искр.

Гоблины не пожелали воевать с бастарком, справедливо полагая, что зверь им не по зубам. Разгоряченными телами, на всех парах, они ударились в наш и соседних три вагона.

Я вскочил и принялся баррикадировать окна увесистыми чемоданами графа. Он даже не воспротивился – понял, что безопасность важнее каких-то там рубашек и трусов.

– Вход блокируется?

Демон ответил отрицательно. Он высказывал изощреннейшие диатрибы в адрес руководства железной дороги.

– Пожалели лишних три слитка на запоры, – сетовал проводник, цитируя кого-то из начальников. – Почто запирать входную дверь купе, если на ходу из поезда и так не выскочишь? Что оборотню станется? Именно так говорили они, когда предлагалось установить внутренние замки!..

Он еще о чем-то вещал, но его никто не слушал. Словесный понос закончился лишь когда металлическая створка двери вогнулась внутрь. Колотили чем-то очень тяжелым.

Дверь обиженно скрипнула и грохнулась наземь. В проеме появилась зеленокожая харя. Она широко раскрыла глаза и сделала попытку завизжать. Не получилось. Мой превращенный в кривой ятаган «Каратель» рассек гоблину макушку и застрял где-то в области затылка.

– Давайте, заходите! – предложил я, внутренне содрогаясь от ужаса. Сколько историй о свирепых королях пустыни, снимающих скальпы и отрезающих хвосты у неосторожных путешественников, я слышал! – Тут на всех «Карателя» хватит.

И почему мое полиморфоружие всего лишь упрощенной, а не армейской модели? УМКар-5 (упрощенная модель «Карателя» пятой модификации) умеет стрелять специальными дисками и блокировать магическое излучение. Мой же только способен изменять технические характеристики: становиться любым холодным оружием от короткого

гладия до меча-бастарда. Был бы у меня полноценный полиморф-клинок, я шутя отбил бы нападение.

Труп кочевника помешал остальным нападавшим проникнуть внутрь. Гоблины толпились у входа, не решаясь сунуться. Но все же пошли на приступ – сзади приближался отряд тяжеловооруженных оборотней.

– Быстрее, братцы! – крикнул я нашим солдатам. – Не то здесь...

Мир не дослушал. Оборотни вдруг резко повернули куда-то направо.

– Что за х..нь?! – не сдержался я, забывая, что нахожусь в присутствии дам.

– Банковский вагон, – простонал демон, ползая под сиденье. – Военные всегда первоочередно спасают деньги, а не пассажиров.

– Твари, – согласился из-под своей полки Раваш. И это сказал тот, кто ценит валлы больше своей родни. – Когда они успели его прицепить? В городе я не видел эмблемы «Первого Леприкон-банка» на вагоне...

Частному детективу не позволили присоединиться к разговору – на меня наседали сразу два противника.

Мне удалось слегка поранить еще одного кочевника. Он споткнулся о тело павшего товарища и тут же схлопотал острием в плечо. Пока зеленокожий хватался за поврежденную конечность, я отпихнул его ногой – на второго, собиравшегося метнуть в меня короткое копьё с кремниевым наконечником. Оба покатались по шпалам. А над моим плечом просвистели несколько арбалетных болтов.

– Мамочка моя демоница, – взмолился проводник, вжимаясь в стенку.

Из ближайших вагонов доносились женский визг и похотливый гоблинский хохот. Кто-то сражался, позванивая металлом. Где-то булькала перерезанная гортань. Остальные пассажиры сдавались, не имея возможности противостоять хорошо вооруженным варварам. Чуть дальше гремело что-то железное. Вероятно, грабители взламывали банковский вагон.

Точно. Раздался дружный звон – золото, серебро и бронза потекли рекой в подставленные ведра и мешки.

– Асталас польвагона, – сказал кто-то рычащим голосом. – Дорезайте авец – атступат будим.

В это время по гоблинам ударил отряд оборотней. Началась резня – многие варвары не успели схватиться за оружие и гибли под ударами солдат.

Меня же это не касалось. Песочный орк, неведомо как прибившийся к гоблинам, отбросил меня вглубь купе. Ускоренный весомым пинком тяжелой ступни в деревянной сандалиии, я пролетел через свободное пространство и ударился в дверь служебного коридора. Кажется, вагон даже содрогнулся от такого полета.

Рука болела от страшного знакомства с набалдашником каменной палицы. Я только надеялся, что не получил парочку переломов. Не то регенерация не успеет сработать.

С трудом поднялся, крепко стискивая рукоять «Карателя», и двинулся на нового врага.

Проклятый орк почти целиком занимал дверной проем. Он уже протиснулся одним плечом и вовсю размахивал палицей. За его спиной толпились несколько гоблинов, готовые расправиться с остальными пассажирами купе.

– Умирайк, подлай обаратэн! – просили они, делая издевательские жесты.

Не придумав ничего лучшего, и не в силах заблокировать каменную палицу врага, я подпрыгнул. И изо всех сил ударил орка пяткой в переносицу. Захрустело, из ноздрей противника щедро хлынула черная кровь. Но он остался на ногах. Для меня же этот прыжок оказался последней каплей.

Мне показалось, что я на полном ходу врезался в гранитную глыбу. Пришло такое ощущение, будто косточки ступни вонзились мне в задницу. Даже копчик закрипел, рассерженно требуя покоя. Оглушенный болью, я не успел сгруппироваться и брякнулся на спину, так, что зазвенели уцелевшие стекла в оконных рамах.

Орк навис надо мной, вонючая жидкость – не то кровь и сопли, не то мозги и кровь – пролилась мне на плащ. В глазах чудовища пульсировали толстые кровяные жилки. Встреча

пятки с переносицей не прошла для кочевника даром. Это позволило мне приложить его еще раз – по тому же месту, но не ногой, а рукоятью «Карателя». Орк заорал, мне в ноздри ворвался тошнотворный запах гнилого дыхания.

Повинуясь мысленному приказу, оружие превратилось в полторный меч. Насытившись кровью убитого гоблина, клинок запел и раскалился добела – приятный бонус колдовского предмета.

Нырнув между ног бандита, я по самую гарду всадил ему «Каратель» в пах. Запахло жареным мясом и горелой тканью. Набедренная повязка – единственная одежда врага – вспыхнула и разошлась по швам. Орк непонимающе посмотрел на продырявленную плоть. Он нагнулся еще ниже, почти соприкоснувшись подбородком с моей головой. И с явным удивлением уставился на торчащий из паха клинок.

– Май-и-и-и... – захрипело чудовище. Тут его глазенки закрылись. И он с размаху сел на меня.

Я заорал, придавленный невероятным весом противника. Бедные кости затрещали, а ноги, по-моему, вообще ушли гулять без хозяина. Сквозь кровавые пятна, вертящиеся перед глазами, я видел, как приближаются гоблины. Ощеренные пасти наплывали на меня.

Где-то вне толщи взмыленного сознания кричали девушки. Тяжелые клинки вонзались в окровавленную плоть.

Наступил приятный обморок. Я поприветствовал его улыбкой.

10. Теплое прощание

Перед глазами появилось размытое пятно. Розового цвета. С голубыми пятнышками поменьше. И еще какое-то золотистое гало вокруг него. Потом из тумана показался нос. Курносый. Очень симпатичный. Наверное, – женский. Затем удалось рассмотреть подбородок. С маленькой ямочкой в центре. Невероятно привлекательный – точно, женский.

– Как тут наш защитник?

Вопрос поверг меня в тяжелые раздумья. Не знаю никакого защитника. Никогда его не видел, зачем спрашивать? Откуда мне знать, как он там, защитник этот? И вообще, где это я? И кто я такой?..

– Ходжа, как вы себя чувствуете?

Знакомое имя! Без сомнений, это обращаются ко мне. Меня зовут Ходжа Наследи. Мужчина привлекательной наружности, рост чуть ниже среднего. Черноволосый, но с рыжим хвостом – я ведь лисоборотень высшей касты. Люблю носить темные или белоснежные одежды, не переносу другие цвета. Одеваюсь-обуваюсь простенько: рубашка, штаны, ботинки или кованые сапоги на толстой подошве. Еще предпочитаю длиннополые плащи.

И чего это я про одежду? О, перед глазами что-то покачивается! Неужели мысли об одежде наваял глубокий вырез цветастого платица, позволяющий без затруднений паяться на полную женскую грудь?

– Вы в порядке?

В порядке ли я? Конечно! Ведь с недавнего времени я холостой, то бишь разведенный. Очень уважаю женский пол! До такой степени, что это послужило причиной моего развода. В свободное от работы время занимаюсь виршеплетством, вместо кабаков и зланных мест гуляю по выставкам и театрам. Работаю...

– Как там наш детектив?

И почему я раньше не вспомнил? Ведь работаю частным детективом. Живу очень скромно, в маленькой квартирке, по соседству с оборотнем, который обворовывает трупы.

– Приходит в себя.

В себя? Да я не в себе! Лишиться чувств на глазах у двух прекрасных дам... Мне должно быть стыдно! На меня свалился орк! Опозорен! Побежден в малозначительной схватке, погребен под вонючими телесами второразрядного чудовища!

Все! Бросаю эту бесславную работу и, клянусь своим хвостом, – отправляюсь матросом в океан Бей-Буян.

– Миленький!

Кажется, меня поцеловали! К губам прикоснулось что-то влажное и очень горячее.

Я приятно удивился и ответил ей – а кто же еще это может быть?! – страстным поцелуем.

– У него сотрясение мозга, – грустно констатировали где-то над левым ухом. – Впервые вижу, чтобы адекватный оборотень лобызался с горячим компрессом.

Вот теперь я действительно пришел в себя. Скорчил гримасу и отодвинулся от проспиртованной марли желтоватого цвета.

– Уф, – на большее меня пока что не хватило.

– Как мы рады, что вы очнулись! – воскликнула Натоли. И тут же поцеловала меня по-настоящему.

Я не успел еще отойти от предыдущего поцелуя, потому встретил девушку все с той же гримасой. Затем черты лица разгладились. А руки сами сомкнулись на плечах красавицы.

– А сильный какой, – прошептала она мне на ухо, неспешно отодвигаясь и отводя мои ладони. – Вот теперь он точно пришел в себя.

– Граф за вас очень переживал, – сообщила Олиель, сидящая рядышком с господином дел-ар Пиллио. – Все бормотал, что «если он содохнет, то и мне жизни не будет».

Раваш озлобленно подбоченился. Впрочем, девица не заметила его разъяренного взгляда.

– Поверить не могу, что братик бывшей женушки так за меня переживает.

Слова давались мне с трудом, но язык все же работал.

– Потерять хорошего телохранителя ничуть не лучше, чем потерять собственную драгоценную жизнь, – философски заметил Раваш. – Но по-настоящему нас спасли доблестные солдаты Вопел-Крик.

Он снова вернулся к напыщенным фразам. И где то благословенное время, когда вельможа выражался коротко и емко, опасаясь за графскую шкуру? Может, спровоцировать еще одно нападение гоблинов на состав?

– Где мы?

Вместо ответа Натоли приподняла мою голову.

Я обнаружил, что возлежу на спальной полке, поддерживаемый бережными руками девушки. Купе украшали целые горки битого стекла, кое-где обильно орошенные подсохшей кровью. В дальнем уголке торчал изрядно помятый проводник. Он баюкал окровавленную руку и шептал что-то нелестное в адрес захватчиков. Раваш и Олиель находились на соседнем сиденье. В руках у них поблескивали початые бутылки амброзиума. Запоздало я понял, что граф каким-то образом, возможно, из-за страха перед смертью, освободился от антиалкогольного влияния.

Окрестности представляли собой гротескную картину разрушения. Ни в одном из домиков не нашлось бы целого стекла. Несколько башен магической защиты почернели и покрылись копотью. Всюду валялись исковерканные тела гоблинов и погибших под колдовскими ударами оборотней. Магасфальт щедро покрывали груды деревянных и колдетонных обломков. Постанывали раненные, воняло обгоревшей гоблинятиной.

Над перронами царила неестественная тишина. Изредка ее нарушали стоны уцелевших горожан и довольное повизгивание бастарка. Чудовище, без сомнений, таки откушало парочкой нерасторопных варваров.

Тишь да мир. Только за пробитой в двух местах стеной еще кипела схватка. Лавируя между окаменевшими трупами шталкхов, небольшие отряды солдат добивали оставшихся гоблинов.

Вдали виднелась исполинская туша колдовской черепахи. Она неспешно пятилась прочь от города. Следом, нога в ногу, наступала широкая цепь бронированных оборотней.

– Где этот алкаш?! – прошумело в покореженных динамиках станции. – Вытащите его!

Иначе зверь уйдет, а вместе с ним и банковские депозиты.

Не успел командирский голос умолкнуть, как из покосившейся двери рядом с вывеской «Пив-пув-пав-бар», выплелось покачивающееся тело в сиреневой мантии стихийного мага. Высокий черноволосый оборотень, обладатель роскошного хвоста пантеры, едва тащился на непослушных ногах. Он что-то напевал, отбивая в воздухе такт прозрачной бутылкой из-под технического спирта.

– Шагают парни дружно в ряд – ГУБНИКИСа наш отряд! – радостно завыл магик, поднося бутылку к губам.

Запрокинул голову, потряс пустым сосудом над приоткрытым ртом. Но бутылка потому и выглядела прозрачной, что была совершенно пуста.

– Ни капельки, м-да, – пробубнил волшебник. И метко швырнул бутылку себе на ногу. Это его слегка протрезвило.

– Кому тут, ий-о-х-хо, колдануть? – поинтересовался он у лапы бастарка, удивленно пялившегося на нетрезвого мага.

Чудовище поспешно отдернуло лапу – связываться с колдунами себе дороже. Тем более, что они не всегда размышляют трезво.

– Схватите кто-нибудь этого идиота! – включились динамики. – И направьте его рожу в сторону магической черепахи!

– М-магическая? – пожевал губами волшебник. – Х-х...где?

К нему подбежал один из оборотней и, бережно взяв за плечи, повернул в нужную сторону.

– Ых-хы, и вправду... ч-черепаха! – обрадовался колдун. – Выпить принеси.

Лицо солдата вытянулось, словно рядовой на плацу.

– Я? – спросил оборотень.

– Угу.

– Дайте ему амброзиума кто-нибудь! – завизжали динамики. – Он без вливания даже дождя не наколдует.

Спустя минуту в дрожащих дланях волшебника оказался пузырь какой-то сивухи. Тот сделал пробный глоток, прислушался к ощущениям.

– Сойдет, – констатировал маг.

Небрежно, словно отбрасывая комочек мусора, колдун махнул рукой.

Ничего не произошло. Черепаха продолжала ползти по запыленной пустоши. Сидящие у нее на спине гоблины тыкали в сторону города кукиши и делали другие обидные жесты.

– Сейчас, м-да, – попросил отсрочки маг. – Концентрация маловата.

Он крикнул, выдохнул и единым махом опорожнил бутылку.

– Вот!

На сей раз магия не подвела.

Над пустошью внезапно сгустились тучи. Циклопическое облако невероятно черного цвета снизилось над улепетывающими гоблинами. Черепаха подняла бронированную голову и заревела, точно здороваясь с небосводом.

Небо разорвала ослепительно золотистая молния, и земля содрогнулась от раскатистого грома. Разряд ударил в самый центр черепашьего панциря. Тот лопнул, разлетелся острыми кусками. Варвары, кто не сгорел мгновенно, погибли под обломками. В образовавшуюся воронку упала еще одна молния. Затем еще. И еще одна.

– Ну что там? – осторожно спросили динамики.

– Агрессоры мертвы, – доложил кто-то с улицы. – Но слитки расплавились, глубокоуважаемый хват-полковник.

– Варикур! – понеслось над городком. Так, видимо, звали нетрезвого мага. – До конца столетия просидишь без получки! Гад ты эдакий!

И потом потише, мимо микрофона:

– С нас банкиры заживо шкуру сдерут...

– Еще одно доказательство того, что пить – грешно, – проинформировал я графа.

Но Раваш невозмутимо прихлебывал из своей бутылки. Мне же оставалось только приобнять Натопи и наблюдать за тем, как солдаты выкатывают из воронки здоровенный пятнистый шар.

Драгоценные металлы слились в одну бесполезную кучу.

Поезд стоял на станции еще несколько часов. Меняли разбитые стекла и развороченные двери купе, смывали кровь и выносили трупы.

По моим подсчетам, нам предстояло добраться до Дубльвилля примерно к шести часам первоутрия. Целая ночь в пути – как утомительно.

Впрочем, погостить на родине бель-ал Сепио предстояло не всем.

– Вы граф дел-ар Пиллио? – спросил меня высокий статный оборотень в броне с приваренными погонами хват-лейтенанта.

– Угу, – я отвлекся от созерцания синяков на предплечье под разорванным рукавом и повернулся к нему. – Только графские причиндалы дома забыл.

– В чем дело?

Раваш поднялся с полки и грозно посмотрел на нежданного гостя. Девчонки перестали переговариваться и тоже уставились на офицера. Я незамедлительно заревновал и начал жалеть, что обладаю не таким выдающимся ростом. Успокоило одно: нет более неотразимых оборотней, чем Ходжа Наследи. Этот парень мне не соперник. К тому же поезд вот-вот отправится и оставит служивого на перроне Вопел-Крик.

– Двенадцать минут назад на стационарный мозгомпыютер города пришло сообщение, глубокоуважаемый граф. Послание «лично адресату, конфиденциально».

– Играешь в шпионов? – невинно поинтересовался я у шурина. – Типа, вопрос: у вас продается валибурский интеллект? Ответ: нет, не продается – графу дел-ар Пиллио и самому не хватает. Имеешь секреты, которые нельзя передавать обычным путем?

– Не твое лисье дело! – огрызнулся Раваш и стал собираться.

Мой предлог сопровождать его был яростно отвергнут.

– Но я же твой телохранитель.

– А у меня свои дела, в которые незачем соваться всяким детективам, – парировал граф.

Потому он ушел без сопровождения.

Едва шурин покинул купе, Олиель вдруг вспомнила, что не прочь откусать горячего супа. Такие блюда в поезде не подавали, потому девица отправилась следом за графом. Я смотрел, как Раваш и госпожа бель-ал Сепио шагают под ручку по разгромленному вокзалу, и волновался. Неужели мой дальний родственник понравился девушке, и потому она ушла вместе с ним, а не осталась в обществе чудесного сыщика?

Для утешения у меня оставалась Натопи. Мы мило проворковали все время и подержались за ручки. К сожалению, никаких дополнительных фактов по делу «убийственного» поместья она не рассказала. И больше не поддавалась на поцелуй. Но ехать оставалось еще добрых восемь часов, потому я преисполнился уверенности: время еще осталось.

Первое солнце уже давно ретировалось за горизонт. Второе светило упрямо приближалось к далеким горным пикам. Небеса озарились изумрудными тонами, облака окрасились легким налетом апельсинового.

Динамики надрывались героической кантатой с участием симфонического оркестра. Такую музыку я слышал по окончании войны – когда мы вытурили демонов Хаоса с валибурских стен.

По перрону прошел какой-то господин с маленьким саквояжем в руке. Мне очень не понравился его малиновый пиджак, указывающий на принадлежность незнакомца к сословию клерков среднего класса. Ненавижу бумагомарателей.

Минуя наше купе, работник мозгомпыютера и печатной машинки бросил быстрый взгляд на вновь застекленные окна. Мне это не понравилось еще больше. Станный взгляд: настороженный, профессиональный. К запаху гари и магических отходов, наполоам с ветрами бастарка, прибавился еще один – душок наемного убийцы. Это могло показаться

паранойей, но я никогда не спорил с интуицией. Потому незаметно приспустил окно и проследил за незнакомцем. Тот открыл двери второго купе нашего вагона и громко хлопнул ими за собой.

– Смотрите, наши друзья возвращаются, – Натоли указала на шествующую перроном парочку.

Граф двигался уверенной походкой и был явно чем-то обрадован. Он почти танцевал, отбивая каблуками какой-то нехитрый мотив. Олиель тоже выглядела довольной и несла в руках небольшой сверток, прикрытый клетчатой салфеткой.

– Подозреваю, нам принесли хорошей еды, – возликовала моя спутница.

Она оказалась права. Госпожа бель-ал Сепио принесла нам две кружки сырного супа. Такого густого, хоть вилкой ешь. Мы с признательностью набросились на предложенное блюдо.

– Прошу меня простить, – Раваш не дождался, пока мы доедим, – но я должен вас покинуть. Дела, как понимаете.

– С ума сошел? Дела... – проговорил я, едва не подавившись супом. – Поезд отправляется через какие-то минуты.

– Нет больше необходимости ехать в Дубльвилль, – ответил граф. – Мне позвонил управляющий семьи. Оказывается, мое поместье рядом с тем славным городком продано еще два года назад. Какая жалость – я об этом не знал.

Сими словами недобрый господин дел-ар Пиллио давал понять: жалеет о потраченных на частного детектива деньгах.

– Ты мне больше не нужен, – подтвердил шури.

Я испугался, что теперь придется отдавать аванс.

– Деньги можешь оставить себе.

Это уже ни в какие рамки!

– Себе? – озадаченно спросил я, понимая, что пора торговаться. – Мы проехали больше половины пути. Прошу рассчитаться со мной в соответствии с проделанной работой.

– Ладно.

Ответ едва не поверг меня в глубокий обморок. Наверное, впервые в жизни «самый жадный и разбалованный вельможа», как называла его пресса, решил рассчитаться с кем-то по справедливости.

– Итого, – я подсчитал, – ты должен мне тысячу четыреста валлов.

Провинциальные девушки, хоть из небедного рода, обалдело смотрели на нас. Они в жизни не видели столько денег.

– Что?! – завопил граф. Он опять превратился в чахнувшего над финансами скрягу. – Какие тыщу двести?

– Я сказал тысячу четыреста.

– Это чрезвычайно много. Предлагаю восемьсот!

Раваш потянулся к кошельку.

– Не пойдет. Я спас тебя от смерти. Это у нас проходит по более высокому тарифу.

– Ни за что!

– Получишь в ухо.

Сестрички бель-ал Сепио притихли. Они поверить не могли, что с вельможей голубых кровей можно разговаривать подобным тоном. Ну-да, ну-да, милашки. Сейчас я стану высокими фразами уговаривать графа мне заплатить, препираться и картинно размахивать руками. Нет! Лучшее средство – короткие, но весомые угрозы. В ухо – так в ухо.

– В суд подам...

– Тогда и в глаз получишь! В довесок...

– А ты попробуй!

Я начал подниматься.

– И не стыдно тебе, Раваш? Телохранитель добросовестно не дал твоей шкуре свариться в котле у орка, когда имел все шансы просто убежать, – о девушках я тактично

помалкивал. Конечно же, я бы не бросил миленьких дам на поругание варварам. Старушек, может быть, и бросил бы... Но не факт. – Плати по совести. Иначе весь Валибур узнает о низменности твоей душонки. И никогда больше в жизни ты не получишь телохранителя дешевле чем втридорога и с оплатой наперед.

Кажется, такой аргумент подействовал.

– Вот! – граф в сердцах швырнул в меня кошельком. – Там ровно девять сотен валлов.

Я пересчитал и остался доволен.

– Пяти не хватает.

– Да пропади ты пропадом, пиявка!

Шурин извлек из внутреннего кармана камзола второе портмоне. И отсчитал недостающие пять камешков. Теперь у меня действительно имелись целых тысячу четыреста блестящих денег.

– Но ты поможешь дотащить мои саквояжи до зала ожидания.

– Пошел ты, – я был богат и решил не церемониться с жадными братьями бывшей. – Контракт аннулирован, мои полномочия уже недействительны. Тащи сам.

– Отправляется поезд номер шесть-двенадцать «Валибур – Северная граница», – сообщил вокзал. – Провожающих и...

– Будь ты проклят!

С этими словами сиятельный господин дел-ар Пиллио скатился по сходням на перрон. Следом загрохотали чемоданы.

– Зачем вы так? – пожурила меня Натоли. Олиель открыто веселилась.

– Знали бы вы этого оборотня, – невозмутимо ответил я, – еще бы пинка ему наподдали.

Бастарк завыл от боли в заднице, и поезд тронулся.

11. Горячее прощание

– А ведь вы правы, – Олиель перестала смеяться и стерла слезинки со щек. – Ваш граф – тот еще зануда. Думает, что все женщины продаются. Едва я вышла за супом, как он набросился на меня с объятиями. Когда получил под дых, то ответил, что был уверен: я последовала за ним из-за его неотразимости. Ах-ха-ха!

У меня с плеч свалилась десятитонная глыба. Значит, Раваш не понравился Олиель. Она действительно ходила поесть.

Девушка хмыкнула:

– Даже не верится, что некоторые мужики воображают о свободных женщинах. Ведь мы же говорили с вами о феминизме. Это...

– Умоляю, – я просительно склонил голову, – давайте не будем сейчас о вашем учении. Расскажите нам про этого жалкого вельможу.

Олиель осеклась, потому как действительно собиралась разразиться философией о женском течении. Пробормотала «ладно» и продолжила:

– Когда он отдышался после моего удара, то был невероятно зол. Едва дым из ушей не пускал. Но остался джентльменом и предложил меня проводить. Сослался на то, что гоблины могут начать новую атаку. Хе, будто он мог меня защитить. Жалкий трусливый слабак! Я ведь видела, как он валялся на полу, кусая ногти, пока наш доблестный детектив сражался насмерть...

Я расправил плечи и выпятил грудь. Да! Вот такой он – я, славный Ходжа Наследи!

– Сперва мы слегка перекусили. Могу отметить, жрет господин бел-ар Пиллио как настоящая свинья.

– У него в роду, если не ошибаюсь, – добавил я, – водилось несколько свинооборотней.

– Оно и видно, – снова рассмеялась Олиель. – В общем, я заказала суп на вынос. Пока его готовили, мы с графом отправились в мозгомпытерную комнату. Там он усадил меня на стул, подальше от себя, и подключился к сети.

Мозгомпьютерные сети Скандалнета работают по всему Большому миру и даже в некоторых соседних отражениях. По ним передаются громадные объемы информации, голосовые и визуальные сообщения. Дальность не имеет границ – лишь бы нашлись магические, то есть эфирные, и кабельные сети. Однако вблизи Княжества Хаоса не работает никакая техника. Там вообще ничего не работает. Чтобы осуществлять передачу данных внутри или рядом с границами Княжества, необходимы громадные магоресурсы. Такое могут себе позволить только города и военные соединения, но никак не обычные граждане или даже вельможи.

Если вы отправляете весточку кому-нибудь, кто находится в путешествии между двумя дальними городами, вам придется попотеть. Вернее, не вам, а тому человеку или оборотню, получателю. Уведомление никогда не придет на его мозгомпьютер – только на центральный сервер города, вблизи которого находится ваш абонент. Едва получив сообщение, из администрации сервера отправляют курьера, который должен разыскать вашего потенциального собеседника. Находят – он получает вашу «посылку». Но в большинстве случаев мозгомпьютерные письма и депеши так и остаются в сетях. Курьеры весьма недобросовестно относятся к своей работе.

В общем, граф никак не мог получить послание от родни, пока не добрался бы до Дубльвилля или другой станции. Ему повезло, что мы надолго задержались в Вовел-Крик. Иначе Равашу пришлось бы расстаться с двумя тысячами валлов – обусловленной суммой моего гонорара.

– К тому же, – продолжала девушка, – граф болтал не хуже торговки с Большого базара. Он почти полчаса давал какие-то распоряжения, все спрашивал, рассказывал, упрашивал.

– А мне показалось, – удивился я, – что диалог с управляющим у графа был коротким. Много ли надо сообщить? Только и всего: поместье давно продано, а Раваш – болван, каких не видавали.

– Он не разговаривал насчет продажи поместья.

А вот это еще более удивительно.

Олиель покраснела. Это придавало ей невероятно сексуальный вид. Обожаю румяных девиц. И стеснительных тоже. Вообще любых.

– Мне очень стыдно...

– Она подслушивала! – рассмеялась Натоли, шутливо хлопая сестру по колену. – Это у нас в крови.

– Нет! – щеки Олиель горели ярче огней на башнях магической защиты. – Он просто громко говорил.

– Внимаю вам, прелестная, – я наклонился поближе. Мне очень хотелось узнать, какие же секреты имеются у дальнего родственника. Когда-нибудь пригодится.

– Сперва он спросил: «Нашли?»

Ого, да граф оказался более скрытным, чем я думал. Интересно, что он искал? И где?

– Потом был вопрос: «Точно, вся партия?»

Интуиция подсказала мне, что речь – о наркотиках. «Секретный агент» валибургской полиции так занимался контрабандой. Как я и подозревал! Не искать же ему партию, скажем, бурых гладиолусов.

– И еще он обронил пару слов... – Олиель задумалась. Потом подняла голову, отбросила с лица золотистые кудри. – Сожалею, у меня довольно посредственная память.

– И все же? – я настаивал, но весь горел желанием приблизиться к тайне. В тот момент меня мало интересовало расследование и убийство Марии бель-ал Сепию. Куда более полезно знать, за какое место ухватить некоего графа. Очень пригодится.

– Ну... Кажется... Он спросил: «Не наследили? Оставили все как было?»

Итак, мы имеем дело с кражей или убийством. Как только вернусь в Валибур – мигом упеку своего последнего клиента за решетку. Только бы найти ту наркоту и побольше улик. И еще соучастников.

– А далее он сказал: «Больше не нужен? Ладно, тогда возвращаюсь. Принимайте...» Еще некоторое время болтал о погоде, специально повысив голос.

А сестричка Сепио – не промах. Мигом просекла, что граф пытается ее провести. Золото, а не женщина!

– Дальше он перешел на шепот, и я ничего не услышала, – вздохнула Олиель. На ее румяное личико опустилась тень. Девчонке, ох как хотелось поиграть в ищейку.

– Ну, ничего, – я небрежно махнул рукой: пусть девушки не думают, что стали свидетельницами чего-то важного. Пускай считают, что столкнулись с обычными причудами распушенного вельможи. – В другое время вам больше повезет.

– Действительно, – Натоли покачала светловолосой головкой, – наш граф со странностями. Партии какие-то...

– Давайте забудем этого чудака, – предложил я. – Может, родовитые валибурские сынки играют в крутых шпионов? Перебежками передвигаются городом, стреляют друг в друга полыми стрелами с краской...

Мысленно я анализировал причины, подвигнувшие Раваша пуститься со мной в опасную поездку. Неужели он действительно не знал о том, что поместье продано два года назад? Нет, тут что-то другое. Вполне возможно, конечной целью графа являлся не Дубльвилль, а именно Вопел-Крик. Тогда закономерно предположить, что неподалеку располагаются плантации ядовитых цветов и целые россыпи мицелия грибов-галлюциногенов. Вот бы их найти и предоставить улики Юласии. То-то приятно будет посмотреть в честные глаза жены, когда она узнает о грязных делишках родного брата. Вот только зачем он потащил с собой меня? Неужели дело было настолько важным и срочным, что больше никого не нашлось на замену?

– Я бы не отказалась от такой игры, – сообщила Натоли.

– Что? – погруженный в раздумья, я не сразу понял, о чем речь.

– Ну, в шпионов, – объяснила Олиель. – Вы ведь частный детектив. У вас огромный опыт по этой части. Всякие слежки, явки, секретные послания...

– Бросьте, милая, – я укоризненно посмотрел на нее. – Мы все уже выросли из нежного возраста. Оставим глупые сказки о разведчиках для не в меру глупых вельмож. Давайте сыграем во что-нибудь другое.

– А можно с вами?

Из-за двери в служебный коридор высунулась забинтованная рожица демона. Он выглядел как заправский корсар – с повязкой через левый глаз. Насколько я помнил, после нападения гоблинов на левую щеку у проводника появилась малюсенькая царапина, оставленная осколком стекла. Вот это позер! Хоть и мелкий...

Девушки согласились. Я – нет. Но чтобы сыграть, например, в колдочко, или, по-другому, – магический бридж, нам не хватало одного партнера.

– Подайте-ка нам еще чайку. И, будьте любезны, принесите коробку карт.

– Сию...

Мы не услышали, как демон закончил фразу – столь стремительно он исчез.

Под ногами стучали металлические колеса, поскрипывали соединения вагонов. Второе солнце исчезло из поля зрения, но горизонт еще сиял изумрудными огнями. Горы Хаоса планомерно приближались, с каждым часом все больше вырастая над золотистыми волнами предгорий. Слабые отблески апельсиновых ламп купались в женских волосах, стекали каскадом по изящным шейкам, ныряли в глубину... Ох, так и до сумасшествия дойти недолго...

Мои спутницы казались мифическими нимфами, сошедшими к простому частному детективу. Прижатые к грудям прямоугольники игровых карт делали эти груди еще более заманчивыми. Я совершенно не отвлекался на игру, бездумно вращал волчок и переставлял фигурки на доске. И ошалело пожирал глазами такие примечательные формы девушек.

– Вам скучно, Ходжа? – спросила Олиель, которая сидела напротив меня.

– Совсем нет! – воскликнул я, отрываясь от созерцания до половины оголенного бедра

Натоли. – Кто ходит?

– Вы, – слабая улыбка тронула губки Олиель. Она все понимала, дьяволица!

Проводник почти не пользовался успехом. Сиятельные госпожи бель-ал Сепио обращали на него не больше внимания, чем на столик с закусками. Демон то и дело прикладывался к бокалу с амброзиумом, прикусывал губу и с нескрываемой враждебностью поглядывал на меня. Он изрядно опьянел, но все же не до такой степени, чтобы вызвать меня на «поговорить» в полутемный тоннель коридорчика. Это читалось по его глазам.

Мне быстро наскучили карты. Вот сколько лет в них играю, но так и не удосужился выучить хотя бы половину правил. Девушки тоже не отличались особой техничностью – в таком возрасте они пока осваивали азы невероятно сложной игры. Единственный картежник среди нас – проводник – без зазрения совести пользовался нашей неопытностью.

Проиграв первый валл из вырученных у графа, я понял, что Дубльвилль может встретить нищего, а не успешного частного детектива. Потому предложил свернуть контору и насильственным образом вышвырнул демона за дверь.

Когда железячник попробовал возразить, я ответил ему, что ошибся, потому как мог выбросить его через другую дверь – из вагона. Но если он не уgomонится, могу исправить досадную ошибку.

Наступила тишина, прерываемая лишь монотонным стуком колес. Поезд бежал по необъятным просторам пустошей. Бастарк сонно порывивал, то и дело замедляя ход. Тогда шипели раскаленные стержни, и живовоз с удвоенной силой несясь вперед.

Девушки поставили меня рожей к окну и переоделись ко сну. Я тихо млел, пуская слюни на туманное отражение в стекле: обнаженные тела, будоражащие воображение груди, и холмики... Ой! Кто-то отвесил мне шуточный подзатыльник.

Мы выключили свет. Меня не поцеловали на сон грядущий. Я благодушно пожаловал свое место сестричкам и, приуныв, забрался на верхнюю полку. Зашуршали одеяла. Невероятно, но все же я заснул, печально скалясь во тьму. И никто не пришел согреть мой зябкий сон.

Проснулся я от той же стучащей тишины. Вдали гремело: «Валибур – Дальние границы...» Мы только что миновали очередную станцию и двигались к Военным полигонам. Вскоре девушки покинут меня, и купе опустеет вместе с душой одного очень одинокого сыщика.

Внезапно я понял, что проснулся не из-за шума ночного вокзала. Никто не входил, не хлопали двери. Даже проводник громко похрапывал в своем коридоре, ничуть не беспокоясь, что кто-то из пассажиров может пожелать чайку.

Меня разбудило чувство опасности.

Не поднимая лишнего шума, я чуть приподнял голову. Нет, показалось. Надо мной никто не стоял с занесенным для удара клинком. Кроме нас со спутницами здесь никого не наблюдалось. Но опасность наличествовала. Воздух просто звенел от незримого присутствия. Что-то надвигалось.

Полагая, что спросонок могу быть чересчур подозрительным, я все же поднялся. Поставил большой чемодан у входной двери. Затем отыскал среди багажа сестричек самую тяжелую шляпную коробку и примостил у двери в коридор. Теперь, если кто-то захочет войти, он тем самым разбудит меня. И, может случиться, это спасет мне жизнь.

Я завалился обратно на полку, но мое тело упрямо не хотело засыпать. А голова отказывалась заниматься умственной работой и думать о деле бель-ал Сепио. Скорее я думал о теле бель-ал Сепио. Двух замечательных телах... Вместо головы давала о себе знать совсем другая часть меня.

Я поерзал, покрутился туда-сюда. И – клянусь своим хвостом! – совершенно неумышленно перебрался на нижнюю полку. К величайшей досаде я вдруг понял, что напрочь запамятовал: а кто и где лежит? Мое эго очень обиделось, что его не поцеловали на ночь, и забыло проследить, куда приляжет Олиель, а куда – Натоли.

Пришлось действовать наобум.

Стараясь не создавать излишнего шороха, мои пальцы пробрались под тонкое одеяло. Мышцы скрутило от приятной истомы – ладонь прикоснулась к горячему женскому телу. Плавно покачивался живот, окружность пупка оказалась невероятно шелковистой. И, самое главное, ничего не случилось! Никакого оскорбленного крика.

Я осмелел и занялся естественными исследованиями в области женской анатомии. Двигался очень бережно и плавно – не приведи демон кого-нибудь разбудить. До поры до времени.

Вскоре мое терпение оправдало себя. Качнулись упругие груди, пальцы наткнулись на твердый сосок. Ого! Уже твердый?

– А вы подлец, Ходжа, – сказали шепотом. Мою руку зажала чужая ладонь. – И наглец.

Я дернулся, но все же сохранил тишину. Раз общаемся шепотом – значит, не все потеряно.

– Какой уж есть.

– Только не говорите, что заподозрили меня в преступлении и решили обыскать, – хихикнул кто-то. Мне так и не удалось распознать, кто из двух сестричек передо – вернее, подо – мной. – Ну как, нашли какое-нибудь оружие?

– Массу, – ответил я дрожащим голосом. Во рту давно уже образовалась настоящая пустыня. – Вы убьете меня одним лишь видом ваших прелестей.

– Ну что же вы? После того, что вы со мной сделали, нам просто необходимо перейти на «ты».

– Но я ведь ничего...

– Ну так сделай же!

Меня обвинили требовательные руки. Мои губы тотчас оказались прижаты к девичьим, очень нежным и пылким губам. Начался такой поцелуй, от которого мой хвост мгновенно поднялся торчком. Девушка схватила меня за шерстистое достоинство и переплела его со своим. Надо признаться, в моем послужном списке ловеласа впервые оказалась девушка-белка. Пушистый беличий хвостик делал со мной, что хотел.

Она управляла моими движениями, ласкала мне спину, щекотала за ухом. Я же, навалившись на замечательные груди, только посапывал. Вскоре наши стоны слились воедино. А затем и тела. Хвосты переплелись, ладонь заскользила по ладони. Шумное дыхание, страстные объятия. Все, как в лучших мелодрамах валибургского сетематографа.

Только под финал чарующего действа я, наконец, узрел, что занимаюсь любезностями с Натоли. Ты смотри. Мне раньше казалось, будто ее сестра скорее пойдет на контакт. Натоли же создавала видимость целомудренной девочки, способной лишь на краткий поцелуйчик.

Именно в тот момент, когда нам стало невероятно хорошо, когда в ушах запели амуры, а жаркий стон прервался поцелуем, что-то гроыхнуло. Я все еще находился в грезах и содрогался в остатках экстаза. И не сразу понял, что упал чемодан. Тот самый, который служил сигналом у входной двери.

В чем родила меня любимая мамаша, я скатился с Натоли и резво спрятался под противоположной полкой. Девушка благоразумно не издала ни звука. Только высокая грудь часто-часто вздымалась в слабом свете трех лун.

Некоторое время царила тишина, изредка взбалтываемая движением поезда. Злоумышленник – никто более не захотел бы войти в вагон среди ночи и на полном ходу – медлил. Он правильно рассудил: если поднялся шум, лучше переждать. Пускай потенциальные жертвы успокоятся.

Я проклинал себя за беспечность. Ведь чувствовал, что пахнет нехорошими делами! Так почему же оставил «Каратель» вместе со штанами на верхней полке?

Оставался маленький шанс – броситься за клинком, пока никто не вошел.

Но я опоздал. Едва начал высовываться, как дверь отворилась с тихим шелестом. Купе мгновенно наполнилось оглушительным стуком колес и металлическим шорохом вагонов. Но в следующую секунду наступила тишина. Казалось, что в уши мне залили холодный воск. Не иначе, звукопоглощающая магия.

В дверном проеме показались вторая и третья валибурские луны. Они стремительно неслись среди туч, что указывало на близость грозы.

На фоне облачного неба, будто демон из Кругов, показался широкоплечий тип. Зеленокожий! Мерзкая рожа гоблина, чтоб ему! Мне даже не поверилось: неужели кто-то из кочевников переждал сражение на крыше поезда, чтобы, подобно ночному татю, потом спуститься вниз и перерезать всех пассажиров? Одного за другим. Но мы бы услышали предсмертные стоны за стеной. Или еще какой-нибудь звук. Запоздало я вспомнил, что долгое время занимался сексом. За таким занятием иногда не услышишь и падение килотонной магобомбы.

Гоблин коротким шажком преодолел порог. За его спиной на толстых ремнях крепилась какая-то конструкция. Из нее с едва слышимым жужжанием выдвигались маслянистого цвета веревки. Странно, но вели они не вверх, а куда-то в сторону соседнего купе, – он забрался к нам не с крыши. Идиотское, но логичное объяснение.

Значит, передо мной наемный убийца. Не иначе, кто-то из Гильдии смертоносцев. Лишь у них в арсенале можно найти альпинистское снаряжение и многое другое. Вот только не слышал я, чтобы Гильдия воспитывала кого-нибудь, кроме оборотней. Зачем им слабые и недалекие варвары?

В руке громилы покачивалась угольно-черная дубина. Ясное дело, утыканная трехсантиметровыми шипами. А внутри каждого шипа – тонкий серебряный стержень. Идеальное приспособление для убийства оборотней. Оно убедило меня в правильности моих суждений. Таким оружием пользуются только наемники. Вот только зачем оно ему в вагоне? Еще нашумит. Здесь подошел бы длинный стилет или ядовитая стрелка.

Убийца продвинулся вглубь купе. Прислушался. Я не сомневался, что заглушающая звуки магия на него не действует.

Олиель посапывала, сладко причмокивая губами. Натоли тоже лежала тихо, лунный свет падал на ее грудь.

Незнакомец некоторое время глазел на обнаженные прелести моей партнерши. Побарабанил пальцами по рукояти булавы. И двинулся вперед. Но не к Натоли, как я рассчитывал, а прямо ко мне.

Странно – ведь даже при дневном освещении мою позицию невозможно было бы определить. Но убийца все же остановился у полки Олиель. И тут я понял! Он торчит возле моего места – того самого, которое принадлежит мне согласно билету. Значит, его навели. И это сделал кто-то из поезда. Те, кто следили за мной на вокзале, никак не могли узнать номер моего места; железная дорога тщательно скрывает такую информацию, даже ГУБНИКИСу требуется санкция Мэра, чтобы достучаться до их мозгомпьютерных баз данных.

Киллер, несомненно, слышал дыхание девушки, но думал, что перед ним – Ходжа Наследи. Наверное, Олиель спала на боку, тщательно укрывшись одеялом. Потому убийца и спутал ее со мной. Или он собирался убить именно ее? Этого я не узнал.

Высунув голову из-под полки, я заметил, что усеянная шипами головка дубины взметнулась к потолку. Пытаясь помешать убийце, я схватил его за щиколотки и дернул на себя.

Магия исчезла так же внезапно, как и появилась. Злоумышленник крепко стукнулся затылком о краешек полки Натоли. И заорал, как кастрируемый мул.

Времени на «взятие языка» или же долгую борьбу на полу у меня не было. Я просто выскользнул из укрытия и выбил оружие из руки убийцы. Пнул его босой ногой куда-то в область гортани. Ушиб себе пальцы о твердый гоблинский подбородок. Ушел от удара ногой в грудь и поднял дубинку с пола.

Меня схватили за хвост, и я поблагодарил богов за то, что это не другой, детородный орган. Резкий разворот, и шипы вонзились зеленокожему в висок. Брызнул такой фонтан кровищи, что я ошарашенно остановился.

– Вытрись, – Натоли бросила мне полотенце из спального комплекта. – Ты напоминаешь пятнистого демона. Совсем не сексуально.

Кое-как приведя себя в порядок, я уселся над трупом убийцы. Вербки из его ранца по-прежнему тянулись к закрытой двери. Пришлось разобрать и отсоединить их. Далее я занялся непосредственно телом убитого.

Как и предполагалось, у него не обнаружилось ни документов, ни мозгомпьютера. Совершенно ничего, что подарило бы мне какую-нибудь зацепку.

За окнами взошла четвертая, самая яркая луна – Золотая Амальгама. Она осветила окровавленный пол и позволила мне удивиться.

Ранец наемника очень походил на маленький саквояж. Тот самый, с позолоченной брошкой. Именно его я видел у проходящего мимо клерка. Теперь понятно, почему веревки ведут не на крышу, а к соседнему купе. Интересно, там все спят? Или мертвы?

На звуки борьбы к нам никто не пришел: ни из купе убийцы, ни из коридора. Это наталкивало на мысль, что вокруг задействована мощная магия. Несомненно – дело загребущих ручонки Гильдии.

– Странно, – пробормотал я, ощупывая убитого. – Тот мужик показался мне оборотнем, а не гоблином.

Пальцы наткнулись на грубый шов под кадыком зеленокожего. Что-то щелкнуло, и лицо убийцы расплавленным оловом отекло на рубашку. Теперь мне стало ясно.

– Маска! – торжествующе воскликнул я, отряхивая пальцы.

На полу валялся тот самый тип, которого я видел на вокзале Вопел-Крик.

И все же интересно, за кем пришел этот уродец мелкого пошиба? За мной, или все же к Олиель?

– Что случилось? – спросила сестра моей ночной возлюбленной, приподнимаясь на полке. – Боги!

Ее взгляд был направлен на медленно стынущее тело.

Натоли перебралась к сестрице и все ей рассказала.

– Ты даже не представляешь, – закончила она, – наш детектив уже во второй раз спасает наши жизни!

– Ты почему голая? – ехидно спросила Олиель. – Таким образом отблагодарила нашего спасителя?

Натоли замешкалась, ее лицо залила густая краска.

– Ну что ж, – намеренно угрожающим тоном проговорила Олиель. – Придется и мне внести свою лепту в благодарствие.

Ночная рубашка, уже вторая по счету за эту ночь, скользнула вниз. Тело средней госпожи бель-ал Сепио оказалось не менее привлекательным, чем тело ее сестры.

– Эй, ты чего? – испугалась Натоли, когда сестренка бросилась на меня и повалила на постель. – Имей совесть! Он – мой!

– Ну мы же сестры, – улыбнулась Олиель. – Поделимся как-нибудь.

– Ну ладно...

Мое изумление сменилось восторгом. Даже в лучших грезах я не придумал бы более занятного времяпрепровождения.

– Подождите, девочки, – пробормотал я, неловко освобождаясь из их объятий. – Позвольте выбросить труп.

А дальше было что-то невообразимое. Такое, о чем так сладко рассказывать в мужской компании, и что крайне трудно описать на бумаге. Стоны, ахи, даже парочка воплей. И три хвоста переплетались в тугий узелок: два беличьих и один лисий. И замечательные груди по обе стороны лица, и мягкие попки, и замечательные бедра. А еще...

– Наш милый лис, – шептали девушки. А я уплывал куда-то вдаль на пламенной гондоле восхитительного секса.

12. Дубльвилль

Поезд безнадежно опаздывал. Усыпленные десятью валлами из моего кошелька,

машинисты сдерживали бастарка, сколько могли.

Военный полигон показался лишь под утро. И целую ночь мы с девушками предавались низменным плотским утехам. Когда железнодорожная станция внезапно возникла на фоне ночного неба, мы с сестричками горячо распрощались. Еще один разок.

Девушки всхлипывали, когда я выносил из вагона их багаж. Исписали целых четыре салфетки своими контактами мозгомпьютеров, адресами университетских кафедр, кампусов и общежитий. А потом живовоз покинул станцию и выехал на просторы пустоши. Машинисты спешили. Деньги деньгами, а нагоняй от руководства получать не хотели.

Я махал дрожащей рукой, пока девчонки не скрылись из виду. И рухнул без сил на ближайшую полку. Чувствовал себя так, будто разгрузил не менее десяти вагонов чесночного спрэда. Все ныло и болело. Под бельем образовалась припухлость и жгла, словно свежий волдырь. Мускулы сводило судорогой, щеки подрагивали от нервного тика, глаза закатывались и явно желали спрятаться куда-то в глубины черепа.

– У секса есть и минусы, – слабым голоском пропищал я и канул в блаженные сны.

Мне грезились коричневые соски, приоткрытые рты, рыжие хвостики и много чего другого. И кто бы подумал, что воображение сыграет со мной злую шутку? Лучше бы не видеть этих грез – в тот момент я воспринимал их как кошмары.

Перегруженные мозги работали в нужном направлении даже во сне. Произошедшие за последнее время неприятности и неопределенности выстраивались в цепочку. Вернее, пытались построиться. Я вспоминал обо всем, имеющим отношение к делу бель-ал Сепио. Даже отбросил все факты о злокозненной деятельности графа-наркоторговца.

Убитая девушка, которую просто хотели усыпить. Покушение на меня с целью просто оглушить, чтобы вернуть орудие преступления. Прощальная записка Марии: «Меня убила собственная кровь». Поездка пустошью, неожиданная встреча с родственницами бель-ал Сепио. Или все же спланированная? Вдруг девчонки имеют отношение к смерти сестры? Вдруг они подсели к нам в купе с целью прознать, что известно частному детективу обо всем этом деле? К тому же, загадочный убийца в ночной тишине под стук колес. Его могли навести девчонки. С другой стороны, зачем ему маска гоблина? Ответ довольно прост: злоумышленник хотел, чтобы пассажиры, а в нашем случае это сестренки, запомнили: детектива пристукнул зеленокожий ублюдок. Значит, Олиель и Натоли отпадают. К тому же, не могут быть у преступниц столь ласковые...

Мозгомпьютер записал мои размышления. Когда я с трудом разлепил веки и со стоном поднялся, магическая машинка воссоздала их на маленьком экране-фантоме.

– Принести вам хук-кофе? – проводник бессовестно вломился в купе и торчал между полок. – Уже подъезжаем.

– Валяй. И стакан обычной воды – умыться буду.

После щедрой на происшествия ночи у меня не осталось сил на почтительность.

Кое-как почистив зубы и сплюнув через открытое окно, я прихлебнул кофейку и немного пришел в себя. По купе блуждали ароматы бодрящего напитка с островов. Они заглушали даже запах бастарковой отрыжки. Рядом с вагоном проплывали каменистые холмы, усеянные, точно гнилые зубы, кротовыми норами. Небо окрашивалось темно-синими росчерками солнечных лучей – восходило первое солнце Валибура.

Я снова разлегся на полке и уставился на плавно покачивающийся горизонт. Жаль, что мое купе выходило на запад. Люблю смотреть на восход, восторгаться просыпающейся природой. А еще улыбаться, видя, как горы Хаоса выдирают корни из земли и бегут от солнца прочь.

– Поезд номер шесть-двенадцать «Валибур – Северная граница» прибывает к первому перрону. Встречающих просим отойти на безопасное расстояние. Гостям нашего города настоятельно рекомендуем зачехлить оружие – солдаты стреляют без предупреждения. Путешественники, желающие пересечь границу, вам необходимо заполнить таможенные декларации и приготовить вещи для досмотра. Желаем приятно провести время в самом гостеприимном городке на север от Валибура.

– Дубльвилль, – проснулся динамик над дверью. Голос не принадлежал машинисту – таким гортанным баском мог вещать только бабуинооборотень. – Пассажиры, кто следует за бугор и боится таможенников, за умеренную плату могут спрятать контрабандные товары в специальных отсеках живовоза. Внимание, контрабандисты! До проведения досмотра осталось всего пять минут.

В соседнем купе зашумели. Кто-то отчаянно рылся в баулах и звал проводника. Мимо приоткрытой двери в служебный коридор пронесся довольный демон. Он готовился к хорошему заработку. Чуть позже, без сомнений, придется отстегнуть хозяину секретных отсеков и таможенникам, но каждый проводник любого вагона оставит себе немалую сумму звенящих камней или увесистых слитков.

Я ухмыльнулся и закрыл дверь. Зачем мне чужие секреты? Пусть себе вывозят из страны, что захотят – лишь бы не ввозили никакой гадости.

Раздался радостный вопль бастарка. Раскаленные стержни убрали от его покрытой волдырями шкуры. Впереди, перед шлагбаумами с надписью «Стоп, контроль», «Стуй, праверк» и «Хрык, шныргик» на разных языках, располагалось гигантское корыто с отрубями. Чудище заурчало и, остановившись, принялось уплетать их за все четыре бронированных щеки.

Захлопали двери вагонов. Кто-то заверещал тоненьким голоском: «Приехал!», послышался звук поцелуя. К поезду спешили ярко накрашенные проститутки, продавщицы пива и сдобы, мелкие воришки и таможенники. Чуть позади топтались вездесущие таксисты.

Я бросил прощальный взгляд на вагон и вышел на перрон. Купе в расстроенных чувствах тарасилось приоткрытой дверью мне в спину. Небось, ему понравился спектакль, проведенный между его полок.

Вокзал Дубльвилля напоминал собрата в Вопел-Крик. Только дома чуть повыше и на тротуарах почище. Через каждые десять шагов из магасфальта торчали каменные урны с табличками «Мусорить только ЗДЕСЬ!». Маленькие палатки купцов теснились рядом с монументальными зданиями общественных туалетов и парочкой захудалого вида открытых ресторанчиков.

Пространство станции окружали высокие заборы из кованых прутьев в виде обнимающихся великанов. Металлические пальцы крепко держались за чугунные предплечья и талии, выпирали тяжелые задницы, вздымались массивные груди с бронзовыми пуговицами сосков, торчали... э-э-э. В общем, кузнецы, создавшие этот шедевр, безусловно являлись поклонниками великаньего искусства эротики.

Перед широкими двустворчатыми дверями зала ожидания возвышалась угрюмая стела. На самом ее верху, испуганно вцепившись в седло на спине неведомой твари, торчал длинноволосый мальчик. Он смотрел назад, приоткрыв тонкие губы в беззвучном крике. Застывшие волосы развевались на ветру, лоснились под солнечными лучами. От выполненной в бронзе и мраморе скульптуры веяло настоящим ужасом. И, почему-то, геройством.

«Убитому, кто предупредил, – прочитал я. – Во время Двадцать Девятой войны этот безымянный подросток первым заметил наступающую армию Князя Абр'ваклух'задира. Невзирая на тяжелое ранение, герой поспешил в город и упал бездыханный на площади...»

Действительно, в груди скульптуры торчала трехметровая стрела, слишком тонкая, чтобы сразу ее рассмотреть. И как не стыдно горожанам? Геройский парень даже после смерти обречен тащить эту стрелу! Памятник они построили...

Я приподнял шляпу и коротко поклонился увековеченному пареньку. Уважаю столь самоотверженных личностей. К тому же, если не подводит меня память, благодаря сему оборотню Валибур успел подготовиться к войне с самой могущественной из армий Хаоса.

Ко мне подскочил миниатюрный гоблин в набедренной повязке.

– Извозчика не желаете?

Я оглядел его с головы до тоненьких ножек.

– Спасибо, но ты не в моем вкусе.

Он остался у статуи, удивленно пялясь мне вослед. Такие ответы ему еще не давали.

– Такси! – передо мной выпрыгнул головастый кентавр и гулко грохнул себя в грудь. – Везу без промедлений.

– Нет.

– С ветерком прокачу-у-у-у-у! – над головой пронеслась железная горгулья. Она не успела лечь на крыло, ударилась грудью о поток холодного ветра и кубарем покатила по крыше вокзала.

Кто-то заорал, сетуя на падение черепицы.

– Проедемся?

Это предложение меня заинтересовало.

Озерная нимфа, одетая только в полупрозрачную комбинацию из водорослей, покачивалась на скользкой спине земляного дельфина. За ней, почти у самого хвоста сухопутной рыбешки, виднелось деревянное седло.

Я оценил манящие прелести нимфы, но лезть на чудовище отказался. Еще упаду, пусть даже придерживаясь за синие груди прелестницы. Нет.

– Хочыш пайехат?

Пещерный гнолл отвратительно пах. Не лучше ездовой собаки, которую предлагал в качестве транспорта. Я наотрез отказался.

– Кудыть едем? – рядом остановился древний фитильмобиль, украшенный спортивными наклейками. Молдинги болтались по земле, один фонарь, точно сопля из носа, висел на тонком проводке. В целом конструкция выглядела не очень впечатляюще.

Но старенькая машина вызвала у меня приступ хандры. Я тут же вспомнил бесхозную «ласточку», оставленную на парковке Управления полиции. Потому поинтересовался ценой.

– Десять серебро-слитков, драгоценный, – ответил шофер – гремлин в желтой кепке и пятнистой майке военного покроя. Он очень честно смотрел мне в глаза и даже ни разу не мигнул. Это заставило меня насторожиться и все же отказаться.

Подумать только, здесь цены, как в мегаполисе! За поездку на несколько километров берут почти половину валла. Охамели.

Мне редко приходилось пользоваться услугами извозчиков. В Валибуре некоторые работали на меня стукачами, но мы не часто разговаривали об их работе. Единственное, что я усвоил после общения с ними: привокзальные таксисты дерут несусветные бабки.

Я припомнил городскую науку и тут же отказался от любых услуг. Шоферы-извозчики переключились доставать других пассажиров и бросили меня в одиночестве.

Перроны, зал ожидания и фасад вокзала остались позади. Кривая улочка, сплошь да рядом заваленная пустыми коробками, клумбами и пивными, привела меня к другой, более широкой. Тут размещались казино, захудалая туристическая фирма и оружейный магазин, если верить вывеске, принадлежавший «коренному оружейнику Печальных гор». За ними потрескивала магическими разрядами вывеска «Игорный дом для умников». Этим заведением управлял виконт дел-ар Мелло.

– О, – я довольно потер руки. – Любовничек!

Сделал заметку. Надо бы зайти сюда после визита в дом бель-ал Сепио.

– Дядька, – обратился ко мне невысокий парень в ливрее прислуги отеля. – Вам предложить шлюху?

– Нет, чего ты? – удивился я.

– Зачем тогда «любовничками» разбрасываетесь?

– Мысли вслух.

– Урод! – пробормотали мне в спину.

Да, жители границы невероятно приятные парни!

В центре города наличествовали театр, обклеенный цветастыми афишами, парочка магазинов готовой одежды, ювелирная мастерская, кузница и бордель. В дальнем конце проспекта, который назывался Цветочным, возвышался Колизей. Даже средь бела дня, когда бои не проводятся, оттуда доносились вопли болельщиков и сочные удары дубин.

Дорога была вымощена мелкой брусчаткой. По обе стороны от проезжей части стояли кадки с подземными деревьями. Их корни шевелились под светом дня, из-под грунта шумела листва. Растения готовили к пересадке – куда-нибудь в более темное место. Это указывало на то, что вскоре Дубльвилль заселят темные эльфы, популяцию которых едва сдерживал Валибур.

Перед зданием арены торчала точно такая же стела, как на вокзале. Испуганный парень на неизвестном чудовище. И со стрелой в груди. Странно, зачем им два изваяния?

В центре, к моему удивлению, почти не наблюдалось народа. Большинство жителей Дубльвилля работали либо на таможне, либо находились в родовых поместьях. Это о знатных семьях или военных. Остальное же народ трудился в угольных шахтах, ковал оружие, стряпал суровую приграничную еду и совершенно не интересовался жизнью города.

На скамейке у театра полулежал длиннорылый старик. Я оглядел его изношенный плащ и вытертый до блеска посох. Бросил в просительно подставленное кепи несколько мелких слитков и уселся рядом. Возможно, дедуля знает какие-нибудь слухи.

– Желаю приятного второго восхода и красивого первовечерника.

– И вам, молодой человек, и вам, – кивнул старик.

В чертах его лица было что-то знатное. На кошачьем хвосте, видневшемся из-под плаща, поблескивала печать Мэрии. Неужели он – местный управляющий? Нищенствует?!

Дед проследил направление моего взгляда. Улыбнулся, показывая удивительно ровные и белые клыки.

– Да, именно я заправляю здешними местами.

– Не решаюсь спросить...

– Имеет же право добропорядочный оборотень, не берущий взятку, дополнительно зарабатывать на жизнь?

Он правильно угадал мой вопрос.

Перед отъездом я навел некоторые справки о Дубльвилле и его окрестностях. Действительно, в информационных сводках говорилось о том, что здешний Мэр – эталон добропорядочности и чести. Никаких черных дел, ни грамма взяток или двурушничества.

В стареньком кепи поблескивала внушительная горстка драгоценных слитков.

– Вижу, вас любят.

– Есть такое, – старик прищурился на солнце и потянулся. – Каждый бросает, сколько может. Мои подопечные знают, что пожертвования со временем уйдут на строительство новой церкви или на подарки детским домам.

– Вероятно, вы святой человек.

Дедушка хмыкнул и посмотрел мне прямо в глаза:

– Есть мнение, что вы – частный детектив.

Я с трудом воздержался, чтобы не показать удивления.

– Откуда такая прозорливость?

– О, – широкая улыбка старика мне очень понравилась. – Каждый ответственный Мэр должен быть в курсе всего, что имеет отношение к его городу. Вы ведь приехали по делу бель-ал Сепио?

– Именно за тем и прибыл. Меня наняла госпожа Мария.

– Милая Маша, – морщины на лице собеседника разгладились. Седые волосы развевались на прохладном первоутреннем ветерке. Передо мной сидело воплощение доброты. – Как там она?

Я некоторое время размышлял, открывать ли ему правду. Вскоре весь город узнает, что и старшая дочь бель-ал Сепио пала от руки убийцы.

– К сожалению, я приехал исполнить ее последнюю просьбу. Она умерла.

– Какое горе! – старик прикрыл лицо руками. – Мне нравилась сия девочка. Такие перспективы!

Мы посидели в молчании. На плечо городского правителя опустился белоснежный голубь и клюнул его в мочку уха.

– Брысь, – Мэр беззлобно отпихнул назойливую птицу. На его глазах стояли слезы. – Вечно лезут ко мне за прикормкой. Лентяи крылатые!

– Вы многое знаете о семье бель-ал Сепио?

Старик задумался.

– Понимаю, что вам нужны любые факты о Шамуре и Донне. Но мы почти незнакомы. Шамур иногда заглядывал в мэрию, выискивая новые марки для своей коллекции, но был немногословен. Донна почти не выходила из поместья с тех пор, когда родилась Натоли...

При упоминании о младшенькой сестричке Марии у меня ошутимо застучало сердце. Кажется, я покраснел.

– Они были идеальной семьей. За долгие годы, проведенные в Дубльвилле, на счету бель-ал Сепио не появилось ни одной измены, громкого скандала или чего похуже. Тихое поместье, небольшие охотничьи угодья и маленькая угольная шахта. Больше ничего.

– Скажите, в мэрию не обращались по поводу продажи их удела? – я придерживался основного подозрения: кто-то захотел прибрать к рукам домик Шамура и Донны, потому и занялся убийствами.

– В последние годы... нет. После смерти жены Шамур приходил ко мне. Он страшно постарел тогда... Хотел продать имение, чтобы забыть о горе. Но клиента не нашлось. Кому пригодится захудалая усадьба на границе с Княжеством Хаоса?

– Но тут живут многие дворяне Валибура.

– Кто? – криво улыбнулся старик. – Разве что виконт да сумасшедшая волшебница на холме. Остальные считают сии места чем-то вроде дачных участков. Содержат дома ради статуса.

– Понятно... А нет здесь чего-либо ценного, кроме угольных шахт?

– Что вы! У нас отличная природа, ландшафты, вид на северо-западный отрог ближайшего хребта гор Хаоса. Чистейшая природа. Восстанавливается через десятилетие после любой магической войны. Хорошие пляжи на западе и в ущелье Подков-Крик. Парк аттракционов для сирот. Даже целых два санатория с грязевыми и песочными ваннами. Разве сего вам мало?

– Глубокоуважаемый... э...

– Ликор бель-ар Торинно. Мэр Ликор.

– Господин Ликор, я имел в виду полезные ископаемые, залежи золота или изумрудов. На худой конец, может, здесь чеснок растет быстрее, чем в других местах?

– К сожалению, у нас только три угольных шахты, да и то очень старых. Постоянно случаются обвалы, даже штольни второго уровня не выдерживают, и хоронят моих подопечных десятками.

Мне понравилось, что Мэр называет горожан своими подопечными. Он действительно переживал за жителей Дубльвилля и пытался построить в городке небольшое утопическое общество. Если закрыть глаза на проституток, наркоманов и алкашей, конечно.

– Никаких ценностей... – растерянно пробормотал я. Версия, что неизвестный земельный магнат позарился на жизни бель-ал Сепио из-за золотой руды, стремительно обрушилась и погребла меня под обломками слабой надежды.

– Кроме природы – никаких. Даже если и есть что-то, о чем не догадываются мэрия и управление земельных ресурсов, то мне о сем неизвестно.

– Благодарю за информацию. А скажите, глубокоуважаемый господин бель-ар Торинно, вы не замечали странностей в семье господина Шамура в последнее время?

– Вы уже спрашивали, кажется. – Старик подумал. – Ну, да, есть кое-что. Шамур будто съехал с катушек после смерти жены. Почти не выходит из своей комнаты. Судачат, он занимается каким-то колдовством, способным вернуть Донну к жизни.

– Нетрудная задача. Пригласить некроманта, выкопать жену из могилы – все дела.

– Вам же известно, что зомби обладают лишь толикой души умершего. А Шамур желает вернуть Донне душу! Понимаете, сие невозможно. Из Страшного Судилица не возвращаются. Его попытки не имеют успеха. А бедный бель-ал Сепио не хочет в сем

признаваться.

Псих. Именно так я понял истинный смысл слов Мэра.

Зато теперь у меня появилась новая версия происходящего в доме Марии. Вполне возможно, ее батенька вызвал с Той-Стороны какого-то духа или даже демона из Дальних кругов. Вот чудище и начало помаленьку истреблять проживающих в усадьбе. Но в этом случае убийство Марии в моем кабинете становится невозможным. К тому же, ночная стычка в купе. Здесь что-то другое.

– Не в курсе, глубокоуважаемый, когда именно господин бель-ал Сепио начал заниматься колдовством?

– Да сразу же, на следующий день после смерти Донны.

Итак, версия о призванном духе-потрошителе отпадает. Первая жертва скончалась несколько недель назад.

– Больше ничего странного?

Мэр пожал плечами. На них тут же уселись сразу две птицы: ядовитый желторот и давний знакомый, голубь. Дедуля бросил птичкам несколько крошек, выуженных из кармана плаща.

Над зданием театра поднялась даже не стая, а целая орда пернатых. Они визгливо перекрикивались и явно посматривали в нашу сторону. Мне показалось, что памятник героическому мальчику даже дернулся в испуге.

– А что вы думаете по поводу любовной связи между виконтом дел-ар Мелло и Марией?

Старик кашлянул, поерзал на твердых досках скамейки.

– Не имею представления, о чем вы говорите. Это ложь. Постарайтесь не распространять подобные слухи среди жителей моего города. Здесь мало грешников, не приписывайте им того, чего на самом деле нет!

– Не буду, – согласился я. – Но вы расскажете, что конкретно знаете! Судя по вашей реакции, это не стало новостью для вас.

Ликор бель-ар Торинно некоторое время прожигал меня взглядом удивительно молодых темно-синих глаз. Я с достоинством принял вызов.

– Вы тонкий психолог, – наконец заметил Мэр.

– Нет, это вы – плохой врун. И очень хороший информатор.

Старичок искристо улыбнулся и вздохнул.

– Виконт заслужил еще худшую участь, чем уважаемая Донна-Муна.

В Большом мире принято обращаться к собеседнику «глубокоуважаемый». Если человека, оборотня или демона назовут «уважаемым», он имеет полное право обидеться. Потому как такое обращение подразумевает противоположный смысл.

– Госпоже дор-эл Белли немного не повезло в сей жизни, – продолжил глава Дубльвилля. – Она родилась от преступной связи виконта Родриго дор-эл Белли и безымянной орчанки.

– Ого, – вырвалось у меня.

Я и представить себе не мог твердолобого психа, способного забраться в постель к желтокожей образине. Женщины орков невероятно страшны на вид и обладают воистину разрушительным нравом. Нигде в истории не упоминается о том, чтобы орчанка не сожрала своего муженька или пару детишек. У орков принято тут же убивать своих жен после рождения первенца. Потому их популяция довольно мала и никогда не станет угрожать Валибуру. Желтокожие прежде поубивают друг друга, чем пойдут войной на соседей.

– Не понимаю, как такое могло случиться, но мать Донны-Муны убила старого виконта и едва не сожрала свою дочь. Спятившую орчанку застрелили слуги... оставив девочку полной сиротой.

– Сожалею, – пробормотал я, совершенно не жалея.

Лучше бы мамаша схарчила и саму Донну-Муну. Надо пожалеть бедного супруга орчанской квартиронки – у него не жизнь, а все Тринадцать валибурских кругов. Не

сомневаюсь, у парня не хватает одной из конечностей – с орков станется откусить кому-нибудь палец или целую руку.

– Донна-Муна выросла капризной девочкой, к тому же не гнушающейся вампирьих ритуалов...

Эге, да в Дубльвилле тоже есть община кровососов! Ночью предстоят веселые моменты.

– У нее немало денег, – грустно сообщил старик. – А молодой Доппин когда-то растерял свое имущество.

– За карточным столом, полагаю.

– Да, парень был тем еще засранцем. Он как-то даже позарился на мою дочь...

– И что?

– Видите ли, меня в этом городе весьма уважают... Едва дубльвилльцы узнали, что будущий виконт попытался изнасиловать Мэриссию, его жестоко избили...

Так всегда бывает. Если кто-нибудь малоуважаемый обижает родню кого-нибудь многоуважаемого – первого частенько бьют. Так и случилось с «молодым Доппином». Растеряв уважение горожан своими выходками, он едва не подписал себе смертный приговор, когда попытался расстегнуть штаны перед дочкой Мэра. У молодого идиота было только два выхода: либо, всеми ненавидимому, бежать из города, либо же, ненавидя всех – остаться и жениться на весьма невыгодной невесте. Поделом...

– Суровый народ, – заметил я. – Но справедливый. Раз избили – значит, заслужил.

– Совершенно согласен.

Птичья стая приблизилась на опасное расстояние. Одинокие пешеходы ретировались в магазины и подворотни. С неба со свистом магоракет падал влажный помет. Бронзовые волосы памятника мгновенно покрылись благородной сединой.

– Да, – господин бель-ар Торинно снова вздохнул. – Еще до того случая мальчик из-за карточных долгов продал свое поместье и родовую плантацию кактусов. Он оказался без копейки и был готов жениться на любой женщине, способной расплатиться с его долгами. Но, как понимаете, никто из горожанок не желал его видеть – после того, что Доппин учудил...

– Финалом стал счастливый брак между нищим Доппином и Донной-Муной, которой плевать на молву и прошлое мужа, – без труда догадался я. – Долги забыты, ваш «мальчик» получил дворянский титул и обзавелся набитой мошной. К тому же, по моим сведениям, жена позволяет виконту изредка шастать по борделям.

– Вы на удивление осведомлены, – старческий вздох был очень тяжелым. – Подготовились на славу.

– Приходится, – я поднял руки раскрытыми ладонями кверху. – В моей профессии информация – главная валюта и оружие.

– Тогда вы весьма богаты и вооружены, – расплылся в улыбке старик.

Мэр Дубльвилля поразительно умел улыбаться или становиться грустным. Ни грамма театральности – все естественно.

– Так что там по поводу виконта?

– Донна-Муна действительно никогда не запрещала Доппину посещать... – долгая пауза, – ...неприличных девчонок. Она понимает, что находится в преклонном возрасте и не может соперничать с молодыми дамами. Но...

– Я весь внимание.

– Если бы Доппину пришло в голову завести постоянную любовницу, он бы лишился всего. Жена поставила такой ультиматум и даже вписала небольшой конкретный пункт в свое завещание.

Птичья стая кружила почти над нашими головами. По улицам города гуляло чирикающее эхо. Я понял, что надо собираться, если не хочу неотвратимо испортить любимый плащ. Где-то поблизости заржала лошадь. По-моему, она издевалась и предвкушала потеху.

– И все же господин виконт влюбился в Марию бель-ал Сепио, – протараторил я, готовый в любую секунду вскочить и броситься бежать.

– Они частенько встречались в маленьком отеле муниципалитета, – новый вздох. – Но в конце концов Мария осознала, что randevu с женатым мужчиной не могут привести ни к чему хорошему. К тому же в ее доме начали происходить сии странные вещи.

– Какие? – спросил я, не сомневаясь, что кроме убийств могли быть и другие странности.

– Только смерть, – опять угадал мой вопрос старичок. – Больше ничего подозрительного.

– Как понимаю, госпожа Донна-Муна до сих пор не догадывается о существовании дамы, которой Доппин основательно увлекся?

Рядом со скамейкой шлепнулась градина помета. Брызги долетели почти до носков моих ботинок. Пришло время тактического отступления.

– Возможно, она и раньше знала о сем грехе. Но что ей делать? Бедняжка прикована к постели. Не в силах подняться даже к ночному горшку...

– Был рад познакомиться! – выкрикнул я, находясь метрах в десяти от центра птичьего вторжения.

– И я, – донеслось до меня. – Весьма рад пообщаться с приятным молодым человеком.

Скамейка исчезла под ворохом крыльев. Воздух волновался, разбрасывал перья и, конечно же, помет. Памятник облегченно присматривал за птичками со своего постамента.

– Погодите! – слова адресовались не мне. – Только не все сразу! Ай, зачем ты меня клюнул? На, вот – держи. На всех корма хватит. Хулиганы крылатые...

Я двигался в глубину города, следуя табличке «Остановка частных транспортных средств». Если верить указателю, за поворотом меня ожидала стоянка такси. Я рассчитывал поторговаться и с комфортом доехать до поместья бель-ал Сепио.

Магазинчики и мастерские остались где-то ближе к центру. Начались жилые дома. Опрятные, со свежевыкрашенными палисадниками и широкими вазонами с разнообразной растительностью. Кое-где улицу пересекали бельевые веревки. На них парусами развевались женские подвязки, одеяла, пледы и детские носки. Надушенная вода капала с белья прямоком в малозаметные канавы, которых в дождливом Дубльвилле было предостаточно.

Несколько раз мне приходилось наклоняться и в три погибели пробираться среди семейных трусов и маек. Однажды я едва не упал в монструозное ведро, доверху наполненное мыльной водой. Услышав мои рассерженные вопли, из ближайшего домика выглянула старушка в запятнанном комбинезоне маляра. Она обозвала меня хамом и рекомендовала убраться с глаз, пока «детишки не сбегали за топорами».

Замечательный народ пограничья!

Когда я, наконец, выбрался из бельевых зарослей и почти приблизился к повороту на «Площадь Лучников», меня настигло несчастье. Одна пернатая бестия – кажется, знакомый голубь – настигла меня со спины.

На плечо со страшной силой упала серебристая клякса. Я пояснил птице, куда и где любили его мать. Потом перешел ко всему птичьему роду. Затем...

– И чтоб тебя всю жизнь твоим дерьмом кормили! – закончил я. И тут же дернулся от боли в щеке.

Мозги запоздало получили сигнал: мимо что-то просвистело. Брызнула кровь, смешалась с пометом на воротнике и плече. Тяжелый арбалетный болт намертво застрял в кирпичной кладке дома напротив. Древко еще подрагивало, обьятое мелким облачком извести.

Меня хотели убить!

Я тут же бросился лицом на брусчатку. Перекатился, показывая отработанную технику. И...

Никого не увидел.

На дальней бельевой веревке болтались чьи-то галифе. Они посматривали на меня

внушительной дыркой на левой стороне... полупопия, или как еще назвать?

Стреляли сквозь белое. Возможно, вслепую. Но мне почему-то казалось: если бы я не шагнул в сторону, чтобы всласть поругаться на птицу – лежать бы здесь симпатичному труп частному детективу, с продырявленным затылком.

Я поднялся и еще некоторое время прижимался к стене. «Каратель» успокаивающе вибрировал в ладони.

Ни шума, ни движения. Штаны-рубашки-платки насмешливо трепетали, то приближая свои края ко мне, то улетаю подальше. Убийца сбежал мгновенно, даже не убедившись, что я погиб. Отличный стрелок? Был уверен, что не промахнется? Увидел кровь и, счастливо припевая, отправился в кабак. Или испугался ближнего боя? Если злоумышленник понял, что не прихлопнул «клиента», то надо ожидать следующих стычек.

Я вытащил стрелу из стены. Наконечник оказался серебряным и напрочь сплюснулся о камни. Кто-то всерьез намерился меня убить. Уже во второй раз. А я по-прежнему даже не догадывался, кто этот убийца.

Меня обуревали тяжелые думы.

Работающие в городе извозчики резко контрастировали с вокзальными таксистами. Во-первых, их было меньше. Всего-то три экипажа: вороноборотень на гигантском страусе, гном (по-моему, с вокзала) в ярко разрисованном спортивном фитильмобиле и тощий эльф с метлой в руках.

Я помнил недавнее приключение с птицами, потому страуса как средство передвижения безжалостно отбросил. Эльфийская метла выглядела не толще своего хозяина, а сквозь остроухого таксиста проглядывала улица. Потому он тоже отпал. Гном же показался мне вполне приличным. Но захотел слишком много.

– Восемь слитков серебра? Да за такие деньги можно съездить в Валибур и обратно. С вами я в машину не сяду.

Гном подавленно опустил голову и тронул фитильмобиль. Я остался в обществе эльфа и оборотня. Таксисты укоризненно смотрели на меня.

– Могу предложить поездку всего за пять бронзо-слитков, – предложил остроухий.

Я недоверчиво покосился на него.

– Еще метла сломается.

– Ни в коем случае!

– Нет, все же откажусь.

– А почему вам не нравятся горные страусы? – спросил вороноборотень.

– Потому что у них крылья, – ответил я ему. А сам подумал: «И задница с пометом». Ненавижу птиц!

– Но он же не летает! – воскликнул извозчик. – Усаживаясь ему на хвост и быстренько допрыгиваете до нужного места.

– На хвост... Ну да, поближе к заднице.

– М-м-м... Нет.

– А если за два слитка бронзы?

Моя прирожденная жадность была вознаграждена. Подумать только, пускай это птица, но за два бронзо-слитка даже не всякую буханку хлеба купишь. Очень дешево.

Оставалось согласиться.

Вороноборотень быстренько усадил меня на спину страуса. Затем полез ему на грудь и закрепился там в специальной люльке.

– Пожалуйста, пристегнитесь.

Это мне не очень понравилось. Что-то подсказывало: поездка вряд ли станет любимейшим воспоминанием жизни.

Я нащупал парочку толстых ремней и набросил их себе на пояс. Щелкнул замок.

– Тря-а-а! – завизжал таксист.

И птица понеслась.

13. Поместье

– Чтоб твой гроб так везли-и-и-и!

Я орал не своим голосом, совершенно не стесняясь редких прохожих.

Несколько мелких скачков – два громадных прыжка – короткая перебежка. Несколько мелких скачков – два громадных... И так до бесконечности.

Глупая птица не умела передвигаться иным способом. Она разгонялась, пробежавшись десяток метров, а затем мощно отталкивалась мускулистыми лапами и взмывала вверх. Во время скачка страус хлопал маленькими крылышками, словно взлетая. А вместе с ним хлопала моя нижняя челюсть.

Рывок, и печень, желудок, легкие, – все обрушилось в пятки. В копчик ударилось неимоверно твердое покрытие седла. Его из камней соорудили?!

Несколько секунд парения. Тогда становилось немного легче. В ушах почти не шумело, а глаза различали какие-то клочки горизонта.

И громкое «кр-р-ра», когда тупое пернатое убожище приземлялось на мостовую. Нет, падало! Пружинили когтистые лапы, безболезненно перенося соприкосновение с камнями. Пассажир же страдал, как прелюбодей среди суккубов.

Меня болтало, точно между двумя половинками многотонного пресса. Бац! – головой о твердый купол неба. Бряк! – задницей о седло. И еще, еще!..

К концу путешествия я даже перестал заикаться. Замолк и закрыл глаза, намереваясь больше никогда не смотреть на жестокий мир.

Вот оно – узилище жадности. Позарился на малые затраты, – и вот тебе. Хочешь ехать дешево – будешь ехать пло... ох-хо-хо.

В силу «комфортабельности» транспортного средства, я не сумел рассмотреть ни город, ни его окрестности. Заметил только, что городские стены пронеслись где-то с правой стороны. Начались плантации вишневой кукурузы и громкого гороха. За ними повстречались холмы, а там... Далее, кажется, сознание покинуло меня.

Вот она – страшная месть извозчиков!

– Глубокоуважаемый, вы в порядке?

Это мы уже слышали. Совсем недавно нам задавали тот же вопрос. Нам – это двум разболтанным субстанциям, в которые отдельно превратились мое тело и мозги.

Щелкнула пряжка ремня. Я вывалился из седла и покатился по птичьему хвосту. Выдрав несколько перышек размером с добрый клинок, я шлепнулся на влажный холмик травы. Полежал немного, радуясь, что солнце не носится туда-сюда. Познакомил окрестности с содержимым своего желудка.

– А вы крепкий парень, господин, – уважительно сообщил таксист. – Большинство народа тошнит примерно после второго скачка. Вы же продержались до конца поездки. За это вам полагается скидка в десять процентов на последующие услуги перевозки.

– Пошел ты... – благодушно ответил я.

И в нескольких красочных эпитетах объяснил извозчику, в каком месте и в котором часу ждет его любимая мама. Отдышался немного, и добавил к высказыванию несколько занятных подробностей из половой жизни остальных родственников таксиста.

Тот ничуть не смутился.

– С вас два слитка, глубокоуважаемый.

Неужели даже не озлобился?

Нет. И не покраснел.

Я удивился и отсчитал ему обещанную сумму. Извозчик забрался в люльку и...

Птица пошла размеренным шагом обратно!!! Медленно, без прыжков!!!

– Ах ты, урод! – завопил я страусу вслед. Но вытащить «Каратель» не смог. Руки дрожали, а горизонт по-прежнему слегка пританцовывал перед глазами.

Меня доставили прямоком к поместью бель-ал Сепио. Калитка в два человеческих роста, изготовленная из заколдованного дуба и окованная магиталлическими полосами, размещалась рядом с правой створкой гигантских ворот из такого же материала. На исполине дверной промышленности, по обе стороны, крепились многотонные петли – только они могли удержать на себе такой вес.

Дубово-металлическое великолепие украшало собой высокую цельную стену из жженого кирпича. На самом верху, метрах в шести от земли, виднелись покрытые серебряной краской шипы. Ветер баюкал бесконечные мотки колючей проволоки. Правильно, тоже покрытой серебром.

Я прикинул, сколько моих годовых жалований пошло только на возведение этой стенки и ее стотонных ворот. Даже по наименьшим тарифам получилось, что мне придется вкалывать без малого половину вечности, чтобы наскрести на подобную ограду.

Через каждые пять шагов на трехметровой высоте в стенах были проделаны едва заметные бойницы. Из таких очень удобно отстреливаться от неожиданных гостей. В некоторых бойницах виднелись острия не то узких пик, не то внушительных арбалетных болтов.

От стены веяло магией. Без сомнений, периметр окружали невидимые башни магической защиты. Я сверился с мозгомпытером, он подтвердил: имеет место маскировочная и боевая магия. Даже не увидев самого поместья, нетрудно догадаться, что перед тобой настоящий бастион, способный остановить целую армию.

У калитки болтался миниатюрный колокольчик с тоненьким шнурком-паутинкой.

– Что за варварство? – пробормотал я. – Ни кнопки звонка, ни выхода для мозгомпытерной линии.

Пытаясь не оторвать звоночек, бережно позвонил. Где-то за стеной раздались рокошующие удары колокола. Простейшая магия передачи звука на расстояние.

– Кто?! – спросили грубейшим из басов.

Я даже отступил на шаг от ворот.

– Частный детектив Ходжа Наследи.

– О боги, еш-чѐ один!

Это восклицание не застало меня врасплох. Я добавил:

– Веду расследование по просьбе глубокоуважаемой госпожи бель-ал Сепио.

– Которой из них?

В калитке отворилось смотровое окно. Оттуда высунулось глазное яблоко на длинном стебельке. Красное, точно зад бабуина.

– Госпожа Мария наняла меня, чтобы...

– Маш-шка наш-шлас-сь! – завопили за стеной.

Загрохотала отодвигаемая щеколда. Звук был такой, будто таскают колдетонную глыбу.

Калитка отворилась бесшумно – я даже не успел испугаться.

– Идите с-сюда, – позвали из полумрака привратницей.

Когда я придвинулся, что-то схватило меня и рывком втащило внутрь. Снова громыхнул засов. Наступила крошечная тьма, без намека на лучик света. Мне показалось, что нахожусь я в подземной темнице, и со всех сторон надвигаются враги.

У меня вдруг проснулся поэтический настрой, исчезнувший неделю назад. Но вместе с поэзией пришел и страх.

Сижу я в каморке холодной, сырой, а гоблин идет, чтоб позавтракать мной...

Клинок «Карателя» засверкал, выдвигаясь. Частные детективы никогда не сдаются! Разве что прелестным дамам.

– Прош-шу вас-с, не надо с-света! – громко попросили меня на ухо. Я дернулся так, что едва не расшиб себе лоб о стену.

– Гляжу, здесь радушно принимают гостей.

Мать родила меня чистокровным оборотнем, да еще и высшей касты. Это означает, что мой славный отец – тоже оборотень. Следовательно, у меня идеальное ночное зрение. Но даже самое зоркое существо не способно видеть в полной тьме, без маленького отблеска или огонька.

– Очень меня прос-стите, – мой новый шипящий друг чем-то щелкнул, и зажегся маленький светильник. Слабое колдовское сияние разлилось по каменному мешку.

Привратничья оказалась небольшой коробкой. Понятное дело, без окон, только с двумя калитками – на улицу и во двор. В самом ее центре стояла большая деревянная кадка. Там, вальяжно свернувшись кольцами на взрыхленном черноземе, покоился привратник.

– Давно не видел кровавую орхидею. Приятно познакомиться с красивейшим из растений.

– С-спас-сибо, – цветок еще больше покраснел. – И мне приятно. Прошу вас-с, с-спрячьте оружие – меня убивает нас-сыщенный с-свет.

Всегда пожалуйста. Я бросил «Каратель» обратно в ножны и рассмотрел собеседника.

Кровавые орхидеи давно истреблены в окрестностях Валибура. Цветки-кровососы, растения-убийцы. Обитают в теплых помещениях вроде амброзиумных погребов, амбаров и сеновалов. Очень чувствительны к солнечным лучам – моментально сохнут и рассыпаются пеплом при дневном свете.

Выглядят кроворхидеи, как их называют в народе, очень импозантно. Мясистый стебель, в длину достигающий сорока метров; острейшие, точно лезвия бритвы, листки, покрытые густой ядовитой щетиной; голова растения представляет собой огромный бутон, в объёме превышающий туловище взрослого оборотня. Лепестки почти прозрачны, за ними скрываются две пары тычинок и пестиков. Да-да, эти растения – гермафродиты, то есть обречены на одиночество. Среди детородных органов прячутся длинные клыки и тонкий язычок.

Кроворхидея кормится только свежим мясом и кровью, но не побрезгует и падалью. Охотится просто. Годами отлеживается в спячке, подстерегая жертву. Когда какой-либо зевака попадает в сектор досягаемости стебля, цветок мгновенно выстреливает и заключает бедолагу в смертельные объятия. Пойманного потихоньку душат, пока он не лишается сознания. Тогда растение начинает кушать. Наклоняет бутон к голове жертвы, раскрывает лепестки. А дальше – еще проще. Клыки разрывают плоть, и цветок спокойно слизывает парующую кровь. В общем, ужас.

– Если не ошибаюсь, вы работаете здесь охранником? – я очень надеялся, что не ошибаюсь, и этот цветочек не собирается мною позавтракать.

– Да, – качнулся бутон. – Можете проходить. Только помните: за ведущей в парк калиткой находит-ся еще одна. Когда будете закрывать ее, прошу вас-с – не забудьте закрыть предыдущую за с-собой. Нельзя, чтобы с-сюда попало с-солнце.

– Договорились.

Я уже схватился за дверную ручку, когда вспомнил:

– Вы говорили «еще один детектив». Как понимаю, в поместье находится какой-то сыщик?

– Уже нет, ес-сли можно так с-сказать. Он повес-сил-ся вчера у с-себя в комнате.

– Благодарю за информацию.

Итак, еще один труп. Число погибших росло, как на дрожжах! А если еще учитывать два покушения на меня, то становилось жутко.

Я вышел во двор и тщательно закрыл обе калитки.

Парк семьи бель-ал Сепио не отличался от десятков других парков. Ровные шеренги всевозможных деревьев, от яблони до пихты. Густые заросли шиповника и еще каких-то неведомых мне растений. Каждая тропинка текла между аккуратно подстриженными кустами. Кое-где виднелась ежевика. Среди буйной растительности белели гладкие локти, головы и бюсты колдетонных и мраморных скульптур. Я не заметил ни одного признака

помета и очень обрадовался.

Хорошо, что птички здесь не летают!

Из-за поворота показался дом, прежде невидимый за гривами ветвистых дубов. Он меня не впечатлил. Слишком мрачный.

Когда-то белоснежный фасад потемнел от времени – его давненько не реставрировали. Полуподвальное помещение с узенькими окошками, забранными толстыми решетками. Три этажа, взирающих на мир широкими трехстворчатыми окнами. На многих и сейчас, днем, тускнели впечатляющие ставни из резного дуба. Кое-где, даже на втором и третьем этаже, я заметил такие же решетки, как и в подвале. Отличное место для загадочных убийств.

Крыша надвигалась на чердак, точно кепка утомленного работяги. Ее венчали три дымохода, ржавый громоотвод и пустующий раструб для выдвижного телескопа. Еще там находились два флюгера и пушка столь устрашающего вида, что никак не могла оказаться настоящей. Скорее – муляж для отпугивания любопытных.

Я насчитал четыре конька с видимой стороны. Крыша делилась на ровные участки тщательно подогнанной зеленой черепицы. Очень удобно для осады. Реши враги пострелять по дому магическими ракетами – система кровли не развалится в один момент, только одна из ее секций. Почему-то я не сомневался: для усиления под черепицей установлены колдетонные блоки.

К моему удивлению, над домом не кружились птицы. И не было и намека на гнездо под крышей. Странно. Обычно большие поместья привлекают крылатых бездельников.

– Кр-ря-к-р-ру! – насмешливо пронеслось в небесной глади.

Одна птичка все-таки имелась. Она стремительно прошмыгнула надо мной – хвала всем богам! – без бомбометания. И устремилась к приоткрытому чердачному окну.

Все ясно. Пернатая братия гнездилась на чердаке. Ни за что туда не полезу, пусть даже там схоронился убийца.

Птица тем временем заложила вираж и попыталась влететь в окно.

Я даже и не заметил, как вдруг поднялся ветер. Тяжелая оконная створка захлопнулась с оглушительным треском. Будто ждала, чтобы бедная птичка оказалась между нею и рамой. Раздался жалобный писк. Только перья брызнули во все стороны.

Это меня приободрило. Со стороны происшествие выглядело так, словно бы чердак пережевал и выплюнул крылатую тварь. Заскрипела, приоткрываясь, створка.

Я победоносно поднял кулак и помахал им дому. Кажется, у меня появился союзник в войне против пернатых. Я остановился и, задрав голову, принялся разглядывать дружелюбную домину.

При более детальном осмотре дом зарекомендовал себя не с худшей стороны. Судя по промежуткам между стеклами и внушительными выступами подоконников, стены здесь невероятной толщины. Даже в подвальное окошко можно было просунуть руку до плеча, так и не дотронувшись до стекла. Серьезная твердыня для добропорядочных оборотней. Если в здешних местах все постройки столь монументальны – можно не беспокоиться за столицу. Армия Хаоса увязнет в Дубльвилле и проведет здесь немало лет, пытаясь пробраться хотя бы в одно такое поместье.

Я некоторое время разглядывал величественные скульптуры, размещенные на каждом углу домища. На юго-восток смотрела богиня справедливости Калибдра, на юго-запад – родоначальница зла Изистра. Каменные девицы очень напоминали своих близняшек на здании Управления Полиции Валибура. Такие же выдающиеся груди и бедра. К лицам я не присматривался.

Дом украшала витиеватая лепнина и фрески исторической и мифологической тематики. Мне удалось отыскать четыре из тридцати двух Великих Войн с Хаосом. А еще Падение Огненной Башни: сотни карликов бегут из рушащегося здания, а к ним шагает отборный легион боевых оборотней. И Покорение островов Бей-Буяна: десятки выпуклых галер, ошетилившиеся колдовскими пушками и магарбалетами. И Воцарение Следящего колокола над Валибуром – в комментариях не нуждалось. Наиболее видным оказалось Пленение

Дьявола: четверо израненных оборотней в обугленной броне вытаскивают восставшего демона из Тринадцатого круга. Я бы не удивился, если бы, обойдя весь дом, обнаружил все наиболее значимые события в истории Валибура.

Также имелись эротические мотивы. Тонкие станы босоногих волшебниц, вместо балахонов наряженных в бикини и манто, шестирукие демоны из Дальних кругов с оттопыренными... кхм... оборотни-победители в парных и баньках, веселые толстушки на свиньях и метелках, спаривающиеся медведи и антилопы... Ох и бурная же фантазия была у скульптора.

Я заметил, что между задницей возбужденного сатира и третьей грудью богини плодородия в окне мелькнуло чье-то бледное лицо. За мной следили. Или же просто хозяева решили взглянуть на гостя.

Больше не отвлекаясь на заманчивые предложения фресок и лепных украшений, я двинулся к крыльцу. Миновал овальный бассейн с парочкой неработающих фонтанов по центру. Обогнул просторную клумбу с фиалками. Вышел на каменную лестницу, обрамленную колдетонными перилами в виде прекрасных суккубов с кувшинами амброзиума на плечах.

Здесь также буйствовала растительность. На лестнице громоздились горшки и кадки всевозможных размеров. Тюльпаны, гладиолусы, гвоздики, призрачные розы, кактусы.

– Невероятное сочетание цветов. Желаю приятного дня и удивительно красивого второго заката, – поприветствовал я седого дворецкого. – И как вам удастся вырастить столько разных растений в один сезон?

– Желаю в ответ, – почтительно поклонился старик. Он принадлежал к расе морских леприконов: морщинистая темно-синяя кожа, вытаращенные глаза, тонкий рот и плоский нос, состоящий из двух отверстий-ноздрей. На карлике, точно угольный мешок, висела шикарная ливрея. – Покойная госпожа практиковала магию природы. Даже после ее смерти многие цветы продолжают жить и расти, н-да.

Я не имел понятия, о которой из покойных дам говорит леприкон.

– Примите мои соболезнования.

– Не стоит, господин, н-да, – махнул коротенькой лапкой дворецкий. – Скоро год, как умерла высокородная Донна. Мы все так же скорбим, и не надеемся, что боль утраты когда-нибудь погаснет.

Он остановился на высоком пороге и его глаза затуманились.

Я тем временем оглядел входную дверь. К моему удивлению, она выглядела довольно хлипкой. Тонкое дерево, тонкие же листы железа на нем, небольшие петли. Кажется, когда-то позолоченный, а теперь почти коричневый от времени молоток слегка наклонял ее вперед. Немыслимо! Дом – такая восхитительная крепость, а дверь как в пивной. Здесь бы пригодилась дверка моей квартиры. Такую даже бастарком прошибешь не с первого удара.

– Можно мне войти?

Старик очнулся и вытер слезу. По всей вероятности, он очень любил покойную хозяйку.

– Как вас представить, глубокоуважаемый?

– Частный детектив Ходжа Наследи. Прибыл сюда по поручению Марии бель-ал Сепио. Полагаю, она принадлежит к этой семье.

Морщины на синем лице разгладились. Леприкон стал похож на полупрозрачную морскую волну.

– Малышка прислала вас, н-да? О, входите добрый господин! А почему она не приехала с вами? Операция? Ведь так?

Я почувствовал себя последним подлецом, когда рассказал дворецкому о случившемся.

Леприкон схватился за сердце и свалился на порог. Мне с трудом удалось поставить его на ноги и помахать перед носом старика своим платком.

– Все гибнут! – застонал дворецкий сквозь слезы. – Он убивает их, н-да!

– Кто убивает? – насторожился я.

– Этот проклятый дом...

Ну да, ну да, кирпичи сговорились с фундаментными блоками и потихоньку постреливают жильцов. Аха-ха!

Дедушка опустил голову к груди и, повернувшись, вошел в полутемный коридор. Я посмотрел на окна, там никого не было. Следующий шаг привел меня в овальный холл.

Старик опустился на маленький диванчик и долго всхлипывал, нещадно терроризируя мой платок. Ничего, у меня остался запасной.

Мне стало неловко – незачем торчать над плачущим мужчиной пожилого возраста. Потому я сделал несколько шагов и оказался в центре холла, скорее напоминавшего фойе небольшого театра.

Вверху, на внушительной высоте виднелся прозрачный купол. Дом проглядывался насквозь до самой крыши. Все этажи, включая четвертый – мансардный – обрамляли овальную шахту в центре. Внешне это выглядело так, будто попадаешь не в жилой дом, а на маленький дворик, вместо подъездов окруженный этажами и увенчанный крышей.

На каждом этаже проходил полукруглый коридор, примыкавший к шахте холла и отделенный от нее метровыми перильцами в виде обнаженных девушек. Несколько сотен фигуристых девиц, одетых в собственные волосы на голове и лобке, увековеченных в камне. И как живет здесь обитателям поместья? Теперь я догадался, откуда у сестричек бель-ал Сепио такая ненасытность!

Холл меня впечатлил хотя бы тем, что здесь не наличествовали картины, так любимые богачами и дворянами. Ни единого портретика с унылой физиономией основателя. Мое мнение о владельце дома ощутимо поднялось. Впрочем, может быть, картинам здесь просто не хватило места. Потому что все пространство занимали растения.

Первый же вдох принес мне легкое головокружение и чувство эйфории. Такой густой аромат – хоть ложкой загребай. Пароксизм цветочных запахов, привкус тмина, кориандра, персика и мяты, почти ощутимый ореол природы. Все зеленело, пахло и цвело. Многочисленные тычинки прикасались к пестикам, воздух наполняла кружащая пыльца: сиреневая, желтая, алая и даже с угольным налетом.

Стены оплетали сочные лианы и тонкие веточки кустарника. Всевозможные растения, еще диковинней, чем на улице, произрастали в холле без помех и препятствий. Тщательно подрезанные корни, уложенные листочки. Здесь очень щепетильно следили за цветами. Кажется, кто-то хотел превратить угрюмый дом в оранжерею.

Разноцветные побеги призрачных роз тянулись аж до потолка второго этажа. Такого буйства красок и розовых оттенков я не видел еще никогда. Среди цветущих бутонов слабо угадывались изваяния и лепнина. Похотливые нимфы и фавны с головой ныряли в кашлицу листвы, колючек и лепестков.

– Однако... – заметил я, когда сумел немного отдышаться. – Как же здесь жить?

По-моему, в доме нельзя находиться больше десяти минут. Не то потеряешь вкус, нюх и вообще мозги. Если верить книгам, некоторые цветки довольно ядовиты. Надышишься ароматом – и откинешь копыта, уснешь мертвым сном.

– Не беспокойтесь, добрый господин, – успокоил меня рыдающий дворецкий. Надо отдать ему должное: нашел в себе силы, чтобы заняться гостем. – Здесь нет смертоносных либо галлюциногенных растений, н-да. Все вполне безопасно – покойная хозяйка за этим особенно следила.

Уж не растения ли убивают домочадцев? Глупая версия, но вполне возможная. Что, если растительные убийцы решили навсегда поселиться в доме и вытурить отсюда законных жильцов? А потому и доспехи валились, и прочие прелести.

Я улыбнулся сумасшедшей мысли. Если бы здешние розочки-маки-гортензии действительно схарчили оборотней – было бы очень просто. Мне же удача редко подсовывала простые дела. Нет. Загадка хибары бель-ал Сепио окажется куда сложнее.

Старик извинился и попросил подождать его несколько минут. Он нырнул в ближайшую дверь с медной табличкой, где был изображен писающий мальчик, и заревел

оттуда с удвоенной силой. Я даже позавидовал владельцу усадьбы: редко найдешь столь верных слуг. Какой приятный старичок! Сразу видно – любит хозяев.

Холл плавно расходился в стороны. Прощелкав каблуками по мраморным звездам пола, я приблизился к небольшому столу, оккупированному педантично разложенными бумагами. Он располагался у дальней стены, как раз напротив входа. Судя по чекам на оплату магелектричества и тонкой брошюрке «Милая усадьба», именно здесь обретался штаб дворецкого.

Позади стола виднелась приоткрытая дверца. За ней – по-солдатски заправленная кровать и коричневый уголок комода.

Стена была слегка очищена от растений. Кроме стола, в этом уголке располагались несколько диванчиков, ярко-желтый торшер на длинной ножке, миниатюрная стойка с алкогольными напитками и блестящий доспех боевого оборотня. Магиталлическая рукавица твердо сжимала увесистую алебарду.

– Надо же! Настоящая броня времен Четвертой войны! – восхитился я, приближаясь к покрытой ядовитыми шипами кирасе. Камень-кнопка на груди не мерцал – доспех был совершенно пуст и деактивирован.

Вдруг рукавица оторвалась от предплечья. Алебарда с опасным жужжанием начала падать. Лишь в последний миг я понял, что меня ждет встреча с серебряным лезвием секиры, и отпрыгнул. Оружие с грохотом вонзилось в пол, покатилась рукавица.

Еще одно покушение?

Я покосился на ручной мозгомпьютер. Экран помалкивал: ни следа магии или присутствия разумного существа. Все тихо и спокойно. В стенах нет никаких механизмов, поблизости не ощущается наличие приспособления дистанционного управления доспехами.

Неужели случайность?

С трудом мне удалось поднять тяжеленную алебарду и выудить латную рукавицу из-под диванчика. Я осмотрел ее, потом доспех. Все стало ясно: место соединения оказалось подточенным ржавчиной, и рукавица просто отвалилась, когда я наступил на покачивающуюся мраморную плиту, на которой стоял доспех.

– Не трогайте! – завопил старик, материализуясь за моей спиной. – Вы все сломали, н-да!

– Ничуть не сломал, – смутился я. – Эти железяки сами на меня упали.

– Пиваскас тоже ничего не трогал. И все же на него свалился точно такой же доспех!

– По-моему, это проблема уборщиц. Разве не должны они проверять надежность всех плохо закрепленных элементов в доме? Тут могут быть дети. Кстати, а кто такой этот ваш Пиваскас?

– Он восемь лет работал у нас пажом. Замечательный парень... был... н-да.

Глаза дедули опять увлажнились. Я даже стал подозревать его в переигрывании. А вдруг этот леприконт – маньяк-убийца? Когда-то в Валибуре орудовал один такой. Называл себя Сентиментальным. Резал на улицах молоденьких девушек, насиловал и волок к себе домой. А потом целыми сутками рыдал над ними, оплакивая мученически погибших красоток. Значит, вписываем дворецкого в список подозреваемых следом за виконтом дел-ар Мелло, Донна-Муной, сестричками бель-ал Сепио, возможно, сумасшедшим папашей Шамуром и смертоносными растениями. В общем, моя записная книжка содержала всех потенциальных убийц, которых я знал или же увидел в своем путешествии. Кроме привратника, который физически не мог вылезать из своей кадки и вершить преступления. Ему бы не хватило денег, чтобы нанять специалиста из Гильдии смертоносцев. К тому же у него не имелось мотива, кроме мести за несвоевременное получение заработной платы.

А какие же у дворецкого могут быть причины, чтобы убивать домочадцев? Тоже проблемы с зарплатой? Тогда отпадает убийство пажа и колотая рана в груди второго помощника конюха. Дедушка, по его же заверениям, более двадцати лет не покидал поместье. В общем, переносим леприконт в список «возможно подозреваемых».

– Идите за мной, глубокоуважаемый, – дворецкий картинным движением руки указал

путь.

Мы прошли назад, мимо десятка дверей по обе стороны холла. Здесь проживали слуги и гости дома бель-ал Сепио.

Я нарисовал себе небольшой план, чтобы лучше ориентироваться в громадном доме. Первый этаж занимал уже виденный мною холл. С левой стороны: музей филателии (туда мне совершенно не хотелось совать свой нос), четыре пустующих комнаты, туалет и ванная. Где-то за ними находился также спуск в подвал. Правее каморки и столика дворцового виднелись большие двустворчатые двери, напоминавшие вход во дворец. За ними располагался обеденный зал. Рядом была дверь с надписью «Кухня» на трех языках, еще один сортир, четыре комнаты прислуги и чулан уборщицы.

В доме находились целых две лестницы на верхние этажи. Поддерживаемые высокими колоннами, они, словно заячья губа, расходились в стороны от входной двери.

Мы вернулись в небольшую прихожую, заваленную плащами и утыканную разнообразными зонтиками. Обогнули парочку кривоватых пальм в широких кадках и поднялись по правой лестнице.

Я оказался в изогнутой анфиладе, огибавшей внутренним колодез дом. С другой стороны шел такой же длинный ряд комнат-близнецов. Между этажами возвышались хрустальные колонны. Вау! Вот это деньжищи у бель-ал Сепио! Хвала богам, я не заметил чего-нибудь эротического или эпического. Только обнаженные девицы из колдетона, поддерживающие бортики балконов между колоннами. Под ногами шуршал мягчайший ковер из овечьей шерсти. Очень широкий. По такому спокойно езжай на фитильтележке.

— Для вас уничтожили годовое поголовье валибурского скота? — поинтересовался я у дворцового.

Тот не понял моей незамысловатой шутки. Пришлось ткнуть пальцем в ковер.

— А, — пожал он плечами. — Стригли всего десяток овец, н-да.

Я удивился.

— Просто этот палас ткали примерно две сотни лет.

— Надеюсь, мастер ковровых дел не умер до окончания работы.

Старик пронзил меня холодным взглядом и пошел дальше. Его руки уныло болтались, голова безвольно покачивалась на коротенькой шее. Бедняга грустил, но у меня не нашлось подбадривающих слов. Кто бы взбодрил меня? Ведь это в моем кабинете погибла дочь любимой хозяйки дворцового.

По дороге мне послышался знакомый запах. Сладковатый аромат дорогих духов и слабый привкус беличьей шерсти. Мы как раз миновали две ближайшие к лестнице комнаты.

— Есть мнение, тут проживают Натоли и Олиель, — я не обращался к старику, но тот вдруг остановился.

— Что с ними?! — в его голосе прозвучал неподдельный испуг, почти животный ужас.

— О, все в порядке, — я надеялся, что блеск очей моих бесстыжих не выдаст во мне похотливого совратителя сестричек. — Мы ехали в одном купе.

— Хоть кто-то избавился от родового проклятия, н-да, — пробормотал дворецкий.

Я уцепился за это сообщение.

— Вы упоминали, что здешних обитателей, возможно, убивает дом.

— Поместье проклято! — заявил он с жаром. — Проклято после смерти госпожи!

Опять эти слезы. Как же мне надоел этот ноющий коротышка.

— И кто, по-вашему, проклял его?

Леприкон остановился и попытался посмотреть на меня в упор. Но роста явно не хватало — его надбровные дуги находились примерно на уровне моего пупка.

— Сказать по правде, — вздохнул дворецкий, — не знаю, н-да. Но все хорошее ушло на Страшное Судилище вместе с милой Донной. Дом помрачнел, появилась какая-то пустота, что ли... А когда хозяин понял тщетность попыток вернуть госпожу, так и вообще...

Тут до старичка дошло — сболтнул лишнее. Он осекся.

В Валибуре строгой запрещена магия смертельного изворота. Не жизненная, как

противовес некромантии, а именно – смертельного изворота. В отличие от некромагии, которая занимается использованием мертвой материи в мирных и военных целях, смертизворот пытается возвращать с Той-Стороны настоящих умерших. Не зомби, духов, личей и прочих частиц Истинной смерти, а саму Смерть. Даже во время конфликтов с Хаосом и Дальними кругами эта мощнейшая магия не рассматривается из-за невероятной опасности. Никто не смеет шутить со Смертью. А если пошутит, мигом башка с плеч и – в крематорий.

Если бы некий «доброжелатель» донес на господина Шамура бель-ал Сепио, и того заподозрили в смертизвороте... Нетрудно представить, что хозяин поместья тут же исчез бы из родного дома и никогда не возвращался.

– Я имел в виду, – поспешно объяснил старик, – что хозяин пробовал пообщаться с духом госпожи Донны. Он очень тяжело перенес ее скоропостижную смерть и хотел хоть раз полюбезничать с обожаемой супругой, н-да.

– Не сомневаюсь, – сухим тоном я дал дворецкому понять, что в гробу видал баловство Шамура с запретными учениями. – И как? Удалось призвать хоть клочок протоплазмы?

– К сожалению, нет.

Невидимый шуп еще несколько минут назад притронулся к леприкону и передавал информацию на мозгомпьютер. Магическая машинка сообщала, что дедуля не лжет.

– Если здесь не появлялись духи умерших и не вершились темные обряды, откуда же в этом месте родовое проклятие? – блеснул я эрудицией. – Ведь раньше никто не умирал в гостеприимных комнатах вашего дома?

– Кроме как своей смертью – никто.

Он опять говорил правду.

Версия о вызванном демоне-разрушителе несмело отползла куда-то в забытие.

– Я правильно вас понял? Господин бель-ал Сепио перестал заниматься криками в пустоту, когда очаровательная Донна не появилась?

– Совершенно верно, н-да. Вот уже месяц, как хозяин окончательно уразумел, что не имеет таланта к волшебству. Он бросил колбы к разорванным пентаграммам и вернулся к изучению раритетных марок.

Слова дворецкого во многом совпадали с полученной от бель-ар Торинно информацией. Единственное отличие: Мэр Дубльвилля давно не видел Шамура и потому не знал, что тот перестал заниматься глупостями.

– Но что же случилось, когда прекратились исследования вашего хозяина?

– Ничего такого... – губы леприкона задергались, словно он пережевывал что-то несъедобное. – Просто в это время вернулся молодой господин, н-да.

– Это кто?

Я помнил, что первым из семейства умер старший и единственный сын. Но не знал его имени.

– Молодой Джувил, родной сын Шамура и Донны. Он почти два года пробыл в плену у Князя Хаоса, – в словах старика сквозила такая горечь, что даже мне поплохело. – Потом его удалось не то выкупить, не то отбить.

Вот оно как! Оказывается, братец Джувил побывал в пекле Хаоса. Вполне вероятно, он мог притащить оттуда какое-то чудище, убивающее всех на своем пути. Хотя... сомнительно. Всех освобожденных пленников довольно тщательно проверяют сперва на Границе, а потом и в ГУБНИКИСе. Если бы он привез что-то с собой или внутри себя, это бы заметили. Но надо взять на заметку: поинтересоваться в Управлении, не имелись ли какие-нибудь странности в возвращении первенца бель-ал Сепио?

– Неужели вам ничего не рассказали о тяжелой судьбе глубокоуважаемого Джувила?

– Обо всех подробностях знает лишь хозяин. Меня не интересуют такие вещи, н-да. Мое дело – присматривать за домом, выплачивать жалованье работникам, закупать продукты и принимать гостей.

В кои-то годы узнаешь, что случается прислуга, не жадная к секретам хозяев.

– И что, молодой господин не рассказывал о своих злключениях?

– Он был немногословен.

Разговор закончился, когда мы прошли мимо двух обнаженных девушек в виде статуй. То есть, тьфу! Двух статуй в виде обнаженных девушек. И почему, когда мой взгляд натывается на голые груди, в мозгах происходит замутнение?

Я добавил к воображаемому плану поместья еще два коридора, оставшихся позади. Второй и третий этажи были построены в виде крестов. В три стороны от колодца над холлом уходили короткие коридоры. В конце каждого из них сияли широкие окна, охраняемые вооруженными доспехами. Там же находились двое дверей – налево и направо. По словам дворецкого, в этих шести комнатах (за лестницей коридора не наблюдалось) размещались высокие гости хозяина. Остальные домочадцы, кроме господина Шамура, жили на третьем этаже.

– Здесь у нас оружейный зал, – с тихим благоговением сообщил старик. Кстати, звали его Лумиль, как я узнал чуть позже.

Указанная дверь состояла из цельного куска метеоритного металла. Надо отметить, такой металл довольно редок в Валибуре, потому я не сомневался: на защиту арсенала истратили целое состояние. Куда большее, чем стоят мои услуги за целое десятилетие.

– С удовольствием посмотрю на железяки, – обрадовался я.

Но старик провел меня мимо арсенала. Мы остановились у следующей двери, за которой тянулась только голая стена. Судя по прикидкам, комната, куда меня собирались пригласить, занимала почти всю левую половину этажа.

– Я доложу о вас хозяину.

С этими словами старик исчез за дверью.

Я прислонился к перилам балкона и уставился на прозрачный купол над третьим этажом. Поднималось второе светило. Стеклянная крыша поместья блестела изумрудными ромбами. Безоблачное небо. И ни одной птицы, к моему удовольствию.

14

Хозяин

– Не могу сказать, что рад очередному труп.

Под столь экзотическим названием профессии подразумевался я. Собственной персоной. Труп? Ну-ну, еще посмотрим!

Хозяин поместья оказался неприятным оборотнем-куницей. Невысок, довольно тощ и к тому же обладал неестественно изогнутым носом-крючком. Под глазами у него имелись чернящие мешки. На лбу – глубокие морщины шириной в полпальца.

– Почему вы думаете, что я – труп? – вполне естественный вопрос.

Шамур бель-ал Сепио поднял плешистую голову и посмотрел на меня. В глубине его бесцветных глаз бушевало безумие. Этот факт не скрывали даже очки в форме полумесяцев в платиновой оправе.

– Каждый, кто переступает порог этого дома, незамедлительно умирает. Как Донна...

Он разрыдался и очень напомнил дворецкого.

Уже двое из трех обитателей поместья оказались подавлены душевными терзаниями. Я надеялся, что больше плаксы мне не встретятся.

Хозяин домины был одет на удивление просто, если сравнивать с богатыми интерьерами его владений. Домашний махровый халат мышинного цвета, вполне возможно пошит из крысиных шкурок. Пожелтевшая от длительного служения майка, кремовые кальсоны и чудовищные тапочки из какого-то мягкого фиолетового материала.

В руке господин Шамур держал приоткрытую книгу. На потрепанной, очень древней обложке золотились полустертые буквы «Изгон проклётий».

– Владаете старовалибурским?

Старик, а выглядел он примерно лет на полторы тысячи старше своей книги, брезгливо

покосился на бумажную реликвию. Поморщился, варварским методом загнул необходимую страницу и захлопнул фолиант. Над обложкой поднялось небольшое облачко пыли. Я чихнул.

Чихнул, и незаметно прикоснулся «правдивым» щупом мозгомпьютера к шее собеседника.

– Пришлось выучить, – пробормотал господин Шамур. – Проклятая жизнь заставила.

Мозгомпьютер просигнализировал: «правда».

Честно говоря, меня могли упечь на долгий срок в исправительное учреждения. «За несанкционированное использование полицейских программ и агрегатов», как говорилось в Большом Криминальном Кодексе Валибура. В Малом Кодексе преступление «за несанкционированное...» не значилось. Но сути дела это не меняло.

Лишь только высшие инспектора и дознаватели имеют право пользоваться детекторами лжи. Но я ведь не полицейский – могу и не знать таких нюансов. К тому же не пойман – не вор, частный детектив. Ха-ха.

– Как продвигаются ваши успехи в смертизвороте? – взял я быкооборотня за рога.

Шамур бель-ал Сепио кашлянул. Безумие в глазах сменилось настороженностью и страхом.

– Если скажу, что это ложь... – начал он.

– Частный детектив Ходжа Наследи в это ни капельки не поверит, – закончил я.

– Даже не спрашиваю, откуда это вам известно, – вздохнул хозяин поместья. – Идем.

Слегка удивленный, я последовал за ним.

Комната папаши Сепио была воистину огромной. Если бы кто-нибудь без зазрений совести выстрелил через дверь из пушки, то магический снаряд имел все шансы не долететь до противоположной стены, затерявшись в бесконечных просторах полумрака.

Мы прошли мимо зеленой ширмы в человеческий рост. За ней открылся унылый вид пустынного магутбольного поля. Примерно так выглядела отделенная от кабинета спальня старика. Рядом с неубранной кроватью пылилась высокая кучка пепла. Кое-где из нее выглядывали какие-то железяки, оплавленные амулеты, обломки зеркал.

– Вот, что случилось с моими занятиями магией.

Папаша говорил правду, но я не слишком верил, что безуспешное баловство со смертизворотом не призвало в этот мир какое-нибудь чудовище.

– Занятная у вас комната, – сказал я, проходя поглубже к бесформенной куче угля.

– Кабинет, – пробормотал старик.

Итак, кабинет и спальня в одном флаконе. Грязная комната, неухоженная и давно не видевшая солнца.

Двенадцать окон, расположенных на двух стенах кабинета, едва пропускали свет. С улицы их прикрывали тяжелые ставни. Внутри же господин Шамур еще и задвинул широкие алые занавеси. Комната пугала непроницаемой тьмой, изредка освещаемой парой настенных светильников.

В отличие от холла здесь висели картины. Всего две – на южной и западной стене. Одна картина изображала высокую женщину в свадебном платье. Очень привлекательную брюнетку с несколькими рыжими локонами у висков. По замечательной форме груди, а также носику, бровям и линии рта мне удалось определить, что перед нами – госпожа Донна бель-ал Сепио, мать Джувила, Олиель, Натולי и покойной Марии. И чего такая красавица нашла в облезлой кунице, называвшейся Шамуром?

Второй рисунок назвать картиной язык не поворачивался. Целое батальное полотно, шириной примерно в пятнадцать метров и высотой не менее шести. На нем изображалась Тридцать Первая Война, случившаяся двести пятьдесят лет назад.

Увиденное столь поразило меня, что заслужило на отдельное описание.

Несмотря на то, что на картине все застыло, я чувствовал невероятную силу и мощь, стремящуюся со стены.

Сорок легионов демонов из Дальних Кругов, полтора миллиона мифологических

существ из Княжества Хаоса! Без числа когтей, клыков и щупалец. Магические катапульты и летающие машины-чертеметы выплевывают пламя. Хлещут высокие волны кипящей кислоты. Земля и небо прожжены до дыр. Горизонт до небосвода покрыт исковерканными, обглоданными телами. Из образовавшихся трещин в земле вырываются километровые струи колдовского огня. Плавают булыжники и сверхпрочный колдетон. Растопленный магасфальт течет бурлящей рекой. Над полем брани выются крылатые бестии и разгоряченные инкубы.

Рушатся стены, взрываются дома. Слезы текут, перемешиваясь с кровью. Нагие женщины, изрубленные тела молодых пареньков...

И четыреста тысяч оборотней, вооруженных «Карателями» и магарбалетами. Суровые лица под силовыми забралами колдовских доспехов. Рты приоткрыты в безумном крике. Так и слышится: «Враг не пройдет!». Солдаты закрывают телами горстку плачущих детей. Башни магической защиты раскалены добела. Небо затянуто черными тучами ге-шершней. Магия сталкивается с горячей плотью демонов... Отсеченные щупальца, расколотые черепа, отрубленные конечности. Стон и мольба, хохот и крики о помощи.

Следящий Колокол медленно рушится вниз – на объятую пламенем Ратушу Мэра. Его поддерживает сила тысячи магов, но чувствуется, – он упадет. И тот, кто смотрит на картину, понимает – едва золотистое брюхо Колокола брызнет осколками – придет конец Валибуру. Ведь Колокол – исполинский генератор магии и единственный защитник города и его обитателей.

– То была страшная битва.

Я очнулся и выбрался из-под колдовского влияния картины.

– Что?..

– Вы воевали? – спросил владелец дома.

– Да, в Тридцать Второй. Но нам было проще. Солдат побольше, припасов... К тому же на Тринадцати Кругах вырастили нескольких демонов специально для защиты. А еще бастарки. Мы удерживали город в течение пятидесяти двух суток и еще одной ночи. Враги захлебнулись в нашей магии и потеряли большую часть своего войска. Мы воспользовались их потерями и произвели контратаку. А там и оттеснили супостатов к границе.

– Слышал об этом, – господин Шамур уважительно склонил голову. – Все, кто выжил на Тридцать Второй – герои.

– Да что вы.

Мне стало неловко.

– Говорю с уверенностью, хотя не воевал. Зато много изучал историю всех известных битв. – Господин бель-ал Сепио постоянно забывал местоимение «я» и потому казался слегка неуверенной в себе личностью. – Вы знаете, что история говорит об окончании Тридцать Второй Войны?

– И что же?

– Из похода вернулась только дюжина демонов! Представляете? Наши славные парни, наши оборотни и смертные почти до основания перебили орду захватчиков, превышающую их численностью примерно в восемь раз!

– Мне казалось, что демонов больше раз в восемьсот... – неуверенно пробормотал я.

– Вы – герой! – повторил он. – Потому буду с вами откровенен. Совершенно откровенен! Расскажу все. Даже факты, что утаил от бедного Рекула.

– Весьма благодарен.

– Что вы... – тут Шамур запнулся и посмотрел на меня с подозрительностью. – Лумиль сказал, что вы здесь по просьбе Марии. Кажется, он плакал. Его слезы как-нибудь относятся к моей старшей дочери?

– К сожалению.

Я рассказал господину бель-ал Сепио обо всех своих приключениях. Узнав о смерти Марии, Шамур из растерянного вдовца превратился в убитого горем отца.

– Проклятье! – взревел он. Кто бы подумал, что передо мной обычный коллекционер

марок. Хозяин усадьбы выглядел смертельно раненным генералом боевого соединения оборотней. Пылкая, всепоглощающая ярость и гнев. Слезы и душевная мука. – Только не она! Моя бедная доченька...

Пришлось оставить рыдающего старика в одиночестве. Я усадил его в ближайшее кресло, коих здесь насчитывалось около двух десятков, и вернулся к картине. Мне казалось, что скоро и я заплачу в этом царстве скорби и слез. Прочь тяжелые думы!

Батальное полотно нарисовал великий мастер. Настолько великий, что страшно представить: какие деньжищи отвалила семейка бель-ал Сепио за этот шедевр. Каждая мельчайшая деталь была прописана с необычайной точностью. Не приходилось сомневаться, художник и сам побывал на той войне.

Несмотря на магическое переплетение нитей полотна и невероятную свежесть красок, в нем все же ощущался какой-то изъян.

Я призвал свою внимательность и стал осматривать картину небольшими участками. Ошибка обнаружилась на изображении падающего Колокола. В самом центре защитника Валибура белело чистое пятно, без капли краски или туши. Размером с половину ладони, продолговатое и очень мерзкое, учитывая красоту изображения.

Когда господин Шамур привел себя в порядок и смог нормально дышать, я поинтересовался у него на предмет странного пятна посреди картины.

– Такая трагедия, – папаша бель-ал Сепио схватился за голову и слегка ее потряс. Я было подумал, что он говорит о Марии. Но филателист объяснил.

– На этом позорном месте некогда висел мой самый драгоценный раритет.

Он умолк и долгое время пялился в полутемную пустоту. Уж не умер ли старичок?

Когда я придвинулся, чтобы проверить пульс старика, тот очнулся и мутными глазами посмотрел на меня.

– Вам Мария и так все рассказала?..

– Не все. Ее... в общем, она умерла во время диалога.

– Моя девочка скончалась у вас на глазах, а вы пришли сюда задавать вопросы! Откуда мне знать, что вы не шпион или полицейский дознаватель?

Я молча ткнул ему под нос свое удостоверение. Потом приподнял его руку и прикоснулся к мозгомпьютеру Шамура своим наручным механизмом.

– Так... – пробормотал старик. – Имеется регистрационная запись в ЭЛФе и ОРКЕ «О частном соглашении между госпожой Марией бель-ал Сепио и Ходжой Наследи, детективом с фиксированным налогом на услуги». Придется вам поверить.

– Вы обещали не утаивать информацию. Расскажите же мне обо всем, что знаете.

– С чего начать?

– Давайте с белого пятна на нашем героическом полотне. Остальные вопросы пускай пока отлежатся. Или... нет. Давайте все же начнем со смерти вашей жены. Она умерла от сердечного приступа? Когда?

Я обратился в слух.

– Донна умерла от сердечной недостаточности, примерно год назад, за два дня до праздника Убийства Первого Светила. Это несчастье случилось, когда вся родня была в сборе. Мы сидели за столом в обеденном зале: Олиель, Натоли, несчастный Джувил...

Пришлось фильтровать информацию, отбрасывая всякие нежности и ненужные детали. Мозгомпьютер работал исправно, показывая, что господин бель-ал Сепио пока ни разу не соврал.

Прелестная госпожа Донна скончалась осенью, перед Первым Новым Годом, как называют этот праздник в некоторых отражениях. Смерть хозяйки поместья стала первой горестью в семье. Но произошла она совершенно случайно, не имела последствий и, совершенно точно, не принадлежала к моему списку мнимых самоубийств.

Далее уже интереснее.

– Да, был вне себя. Все думал, что смогу вернуть ее, вырвать из лап ангелов Страшного Судилица! Но не смог...

Сквозь голос господина Шамура прорывались сдавленные рыдания и стоны.

– Сел за магические книги, выучил древний язык народов Валибура. Даже научился писать по-эльфийски. Представляете?..

Я подбадривающе кивнул.

– ... Рисовал мистические многоугольники, выбросил половину состояния на фолианты, реторты и специальный мел. Прикупил алхимических свитков и несколько бесполезных машинок. Но ничего не вышло, ничегошеньки. Не смог материализовать даже самого плохонького духа! Тем временем очень высох, потемнел и сам превратился в какое-то подобие привидения. Чтобы родственники и соседи не заподозрили, чем занимаюсь, – пустил слух, что ударился в алкоголизм.

– Весьма разумное решение.

– Что? Ах, да... Понимаете, даже капельки протоплазмы не пролилось на октаграмму. Бестолковый колдун! Чтоб провалиться мне на Тринадцатый Круг! Чтоб сгорел!..

– Давайте прекратим самобичевание и сосредоточимся на более важных деталях. Когда вы перестали заниматься запрещенной магией?

– Хотите услышать? Про это даже Рекул ничего не знает... не знал.

– О! Польщен. Но, для начала, кто такой Рекул?

– Частный детектив, которого пришлось нанять, чтобы...

– Очень внимательно слушаю!

– Давайте все же сначала.

Я пожал плечами.

– Давайте – вы хозяин в доме. Вам и решать, каким образом выкладывать информацию.

– Мне приснился сон.

Шамур сказал это таким тоном, словно бы признался в страшнейшем злодеянии.

– Вот как? Возможно, это покажется вам фантастическим, но сны имеют такую характерность – они сняты всем. И довольно часто...

Мне вдруг вспомнились эротические грёзы после ночи с Олиель и Натולי. Тело пожелало продолжения. И я с трудом его заставил стоять спокойно.

– Увидел черного человека. Нет... черное пятно с очертаниями человека. – Он по-прежнему пропускал все «я», отчего местами мне не удавалось удержать извилистую нить разговора.

– Занятно.

Я еще не понимал, чего тут такого странного и страшного. Почему это господин бель-ал Пиллио вдруг побледнел и выкатил глаза. У меня за спиной никто не стоял. Даже воздух не заколебался. Старик испугался полузабытых сновидений?

– Пятно предложило мне продать мою МАРКУ!

Итог. Частный детектив пришел в гости к сумасшедшему филателисту. И этот самый любитель полапать уголки конвертов рассказывает ему о своих кошмарах. Мамочки, держите меня семеро и восьмого с собой притащите! Со смеху умру – у него решили купить марку. При том во сне!

– И что же с вашей маркой?

– С моей? – ужаснулся господин Шамур, едва не пуская пену изо рта. – Нет! Она не моя. Это национальное достояние всего Валибура!

Вот это уже интереснее.

– Не могли бы вы объяснить? Что за достояние?

– У меня есть копия знаменитой марки валибурского Мэра!..

Мозгомبيوتر вдруг просигнализировал: «врет!».

– Да вы что? – решил я подыграть. – Марка самого бессмертного Мэра? С изображением самого настоящего чайника Мэра? Или с оттиском его большого пальца?

Старик воззрился на меня так, будто бы в этой комнате не он, а я – умопомешанный.

– Вы хоть понимаете, что это за МАРКА?

Угу, и не собираюсь понимать...

– К сожалению, не имею понятия.

– На ней изображено Сердце Следящего Колокола!

Так-так. Если верить преданиям, как я когда-то рассказывал, Следящий Колокол был подарен Валибуру одним безымянным богом. Он служит для защиты города, путем обнаружения противников на дальнем расстоянии. Но это еще не все. Информация по Колоколу засекречена и доступ к ней имеют только высшие чины валибурской армии и Мэрии. Но слухи просачиваются и к простому народу. Так вот, если верить слухам, именно в Колоколе, а не в секретных подземных бункерах, располагается магический генератор – магенератор – от которого питаются все башни магической защиты. Представить себе, конечно, трудно. Но можно вообразить. Несколько тысяч управляемых магами башен, составляющих шестьдесят процентов боевой мощи мегаполиса, получают магелектричество из маленького генератора внутри Следящего Купола. Этот агрегат и называется Сердцем.

– Поправьте меня, если ошибаюсь, – попросил я Шамура. – Вы говорите, что обладаете некой маркой, на которой изображено мифическое устройство. Или, может быть, чертеж магического агрегата, благодаря которому наш вечный город стоит на берегу Черного озера многие и многие столетия.

– Не ошибаетесь. Но кроме изображения на марке нарисован технический план и заклинание «включения-выключения» Сердца. Действительно, точная копия марки Мэра находится в этом кабинете.

«Ложь! Объект бессовестно врет!» – сообщил мозгомпьютер после некоторой паузы.

– Верится с трудом, – поддержал я умную машинку. – Если бы подобный документ существовал, его хранили бы в самом недоступном и неприступном месте Валибура. У вас не может быть такой марки или ее копии.

– Верно, – вздохнул господин бель-ал Сепио. – Больше ее у меня нет.

«Чистая правда. Сожаление...» – просигнализировало запястье.

У меня похолодело в груди.

– Хотите сказать, что у вас действительно...

– Да, – кивнул Шамур. – У меня была единственная копия сверхсекретного чертежа Сердца Следящего Купола.

«Правда».

Я с трудом сглотнул колющий комок первобытного ужаса.

– Понимаете, мне всегда хотелось заполучить в свою коллекцию что-то необычное. Что-то настолько невероятное и важное, чего никогда и ни у кого не будет. До меня донесли некоторые сведения о том, что в Мэрии, на самом нижнем этаже-хранилище находится марка невероятной красоты. Обычная марка – никто не знал, что на ней изображено. И, надеюсь, не узнает...

– Я тоже на это очень надеюсь, – слова едва протиснулись сквозь горло и вывалились из моего рта тяжелым грузом.

– Мною овладел великий интерес. Мне очень хотелось узнать, что же это за марка такая, пылящаяся в самом защищенном хранилище мегаполиса. Меня знают как величайшего филателиста во всем Большом Море. И как же мне носить этот титул, если у меня в коллекции не будет такой марки? Мы с Донной, а она постоянно меня поддерживала, истратили все деньги наших семей. Мы распродали все земли и лесные угодья, все плантации и шахты. Даже небольшая вилла на берегу Черного озера в Валибуре ушла в чужой карман. Но мы раздобыли ровно столько денег, чтобы заплатить...

– Кому же? – не сдержался я. Мне очень – очень! – хотелось узнать имя предателя, похитившего величайший секрет Валибура.

– Нет, – старик отодвинулся от меня и скрестил руки на груди. – Вы никогда не узнаете ее имени!

Что ж, получили маленькую подсказку. В рядах бессмертного Мэра кроется изменщица женского пола. Задача упростилась.

– Она не имеет к этому делу никакого отношения.

Мозгомпьютер показал мне «правда», но я не обратил на него внимание.

– В общем, мы подкупили одного работника Мэрии, – господин бель-ал Сепио исправил свою ошибку. – И он... он скопировал нам чертеж Сердца, исполненный для конспирации в виде большой почтовой марки, стоимостью всего в один бронзо-слиток. А затем ушло еще немало денег на вот эту картину.

Хозяин поместья указал на батальное полотно.

– Мы не хотели, чтобы настолько важная марка хранилась в альбоме среди тысяч подобных. Художник, великий Алехандро буль-ар Маликас специально оставил небольшое пятно, как раз по требуемому размеру в центре колокола. Когда все было готово, мы повесили картину и наклеили нашу марочку.

Последнее слово уважаемый (глубокоуважаемым я больше не хотел его звать) господин бель-ал Сепио произнес с настоящим благоговением. Без сомнений, он очень любил свой раритетный клочок бумажки. Но что было изображено на том клочке! Страшнейший секрет и гибель многомиллионного города-государства! А этот дряхлый идиот...

– Вы понимаете, что натворили? – набросился я на старика. – Сделать копию важнейшего в мире документа! Да еще и приволочь ее к самой границе Княжества Хаоса! Если бы демоны захватили ваш дом и нашли бы марку, Валибур составляли бы дымящиеся обломки и горы трупов, высотой с дозорную башню!

– О, нет, – беспечно махнул рукой Шамур. От радостного возбуждения он даже привстал с кресла и мелкими шажками понесся по темному кабинету, перепрыгивая через стулья и скатанные ковры. – Если бы враги прорвались сквозь периметр стен или заслали шпиона, марка мгновенно бы сгорела! Ее покрыли специальной магией. Это мы с Донной предусмотрели.

Идиоты! Вот о чем я думал в этот момент. Намазать судьбу целой державы какой-то вонючей жидкостью, сделать парочку магических пассов – и будь свободен? Ну не идиоты ли?

– Хорошо, – с трудом воздержавшись от крика, я сел в ближайшее кресло и крепко стиснул кулаки. – Давайте же вернемся к вашему сну. Итак, кто-то предложил вам деньги за вашу реликвию.

– Да, – папаша бель-ал Сепио мелко-мелко затрясся и мгновенно вспотел. Видимо, тот сон не являлся самым приятным из его коллекции кошмаров. – Мне приснилось черное пятно. Оно убеждало меня продать мою марку. Но я не согласился!

Наконец-то старик перестал ассоциировать себя с растением и показал внутреннюю силу. Даже воспользовался междометием «я».

– Очень патриотично с вашей стороны. Не продать любимую бумажку во имя спасения немаленького города.

– Вы все понимаете, – Шамур тяжело дышал и издали буравил меня тяжелым взглядом. Он чувствовал насмешку, но был настолько безумен, что не мог отличить ее похвалы.

– Даже когда пятно предложило мне вернуть жену, я отказался!

– Теперь – клянусь! – я вас уважаю!

Мое мнение о папаше бель-ал Сепио действительно поднялось до высот. Подумать только, этот бедный оборотень больше всего любил свою супругу и не остановился ни перед чем в попытках спасти ее. Но даже во сне, понимая опасность происходящего, он не продал важную марку в обмен на жизнь любимой. Он действительно заслуживал уважения.

– Да-да... – мутный взгляд Шамура рассеянно блуждал по комнате. – Не согласился... И тогда пятно сказала, что если отдам свою драгоценность – получу обратно Джувилу. Моего сыночка!

Старик разрыдался. Он упал на колени и рывком разодрал свою майку на груди. Показалась впалая грудь, покрытая курчавой растительностью.

– Но я отказался...

У меня тоже на глаза едва не навернулись слезы. Но частный детектив Ходжа Наследи – не маменькин сынок и никогда не ревет. Потому я смог разобрать в бессмысленных рыданиях Шамура вот что:

Джувил бель-ал Сепио служил хват-лейтенантом в пограничных войсках. Красивый видный парень, высокого роста и с крепким телосложением. Короче, совершенно не походил на отца. Джувил был единственным мужчиной в семье, кто пошел на военную службу. Это не учитывая Олиель и Натולי, которые планировали поступать в Военную Академию после Университета.

Когда умерла мать, безмерно обожавший ее сын крепко присел на амброзиум и пиво. Он частенько набирался даже на рабочем месте и в карауле. Учитывая, что служил он на погранзаставе и присматривал за целостностью валибурских рубежей, новое пристрастие не принесло ему ничего приятного.

Примерно через два месяца после смерти матери, Джувил пошел в обход территорий. Обычно пьяный и совершенно невменяемый, он все же командовал отрядом из двадцати оборотней. Неизвестно, привел ли к трагедии алкоголь, или еще что-либо другое, но отряд во главе с бель-ал Сепио попал в засаду демонов. «Положили» всех рядовых, а единственного офицера забрали в плен.

Джувилу повезло, что некоторых военнопленных Валибур выкупал. Это если Княжество Хаоса не считало подобных пленников особо ценными или же опасными. Правда, твари Хаоса хотели за каждого оборотня баснословную сумму, которой, как ни крути, город-государство не мог заплатить.

Часть расходов за выкуп сына из позорного плена обязался понести Шамур бель-ал Сепио. Но он настолько истратился на магические шмотки для воскрешения жены, что обнаружил: денег практически нет.

Папаша даже подумывал-таки продать проклятую марку загадочному пятну из сна. Он рассказал об этом Марии, чтобы получить совет. При этом ему не хватило духу поведать всю правду. Потому Мария узнала от отца о том, что он якобы собирается продавать поместье.

Прошел месяц или около того. Бедный сын сумасшедшего отца изнывал в темнице Княжества. Но господин филателист не сломался. Когда ему в очередной раз приснилось пятно-покупатель, от твердо отказался от сделки.

– Пускай умрет мое дитя, но этим я сохраню жизни миллионам чужих детей, – со слезами на глазах рассказал мне безутешный хозяин поместья. – Больше пятно мне не снилось. В ночь последней встречи с черным незнакомцем я поклялся, что больше не буду заниматься идиотской магией. Что же еще могло стать причиной появления в моих снах этого кошмарного существа?

Я выжидал, пока папаша высморкается или же всхлипнет. И мысленно создавал картину происшедшего.

Не прошло и недели после диалога во сне. Гильдия Ветеранов сумела наскрести нужную сумму и вытащить исхудавшего Джувилу из плена. Парня допрашивали несколько дней, возили по всяким институтам и лабораториям. Случалось, что некоторые военнопленные, оказавшись на территории родной страны, превращались в демонов-разрушителей и под покровом ночи убивали мирных жителей. Но в теле бель-ал Сепио не обнаружили чужеродных веществ или ауры. К большому облегчению отца.

На радостях, что снова увидит сына, Шамур отгрохал часть последних сбережений в благотворительный фонд Гильдии Ветеранов. Этим он заработал себе благодарственную медаль и серьезную прореху в семейном бюджете.

– Хорошо хоть осталась угольная шахта, – прокомментировал он, описывая время после вручения медали. – Я продал ее и обеспечил детям хорошее образование на ближайшую сотню лет. Да еще слуги получили жалование на много кварталов вперед. И осталось даже еще...

В итоге все закончилось радостно. Счастливый отец. Потрепанный жизнью, но живой сынок. Но где же марка? Почему на картине насмешливо скалится пустое пятно?

– Давайте поближе к делу, – сурово попросил я. – Что там с маркой?

– Такая трагедия...

Меня уже достало слушать подобные слова. Я чувствовал, что еще немного и, невзирая на преклонный возраст собеседника, заеду ему под дых.

– После плена Джувил стал очень замкнутым. Бедняжка ни с кем не общался, сидел в своей комнате и никуда не выходил. Даже страшно представить, чего он натерпелся в подвале...

– Ближе к делу! Вам поступали новые предложения насчет продажи марки?

– Ах, да... Нет, черное пятно больше не тревожило меня. Но...

– Марка исчезла, – без труда догадался я. Тут бы и последний тугодум догадался. – Как это случилось? Есть предположения, кто мог ее стащить?

Мозгомبيوتر подтверждал, что папаша говорит чистейшую правду. При иных обстоятельствах я бы смело хватал его за задницу и тащил в Полицию или даже прямиком в ГУПНИКИС. Но марку такими поспешными действиями нельзя вернуть.

– Понимаете, – медленно начал старик. – Когда у нас с женой имелись деньги, мы пригласили Великого Скарра, и он заколдовал наш дом. Оружейная, музей филателии и мой кабинет окружены очень могущественной магией. Без моего разрешения внутри этих комнат не выживет никто. Больше десяти секунд...

Мне поплохело. Шамур не врал, и это означало, что в любой момент моя голова может взорваться мелкими брызгами. Или еще чего похуже.

– Даже родственники не могут входить?

– Даже родственники, – кивнул он.

– Тогда продолжайте вашу историю.

Я съежился и постарался не делать резких движений. Еще воспримет как попытку атаковать. А еще страшнее подумать, что же случится, если старика вдруг хватит сердечный удар.

– В ту ночь я очень крепко спал, хотя в последние годы просыпаюсь от малейшего шума. А утром обнаружилась пропажа.

– Больше никаких странностей? Полиция была? Какие-нибудь улики?

– Вы с ума сошли? Какая полиция?

Вполне логично. Шамур не стал бы вызывать полицейских и рассказывать им о том, что именно пропало из поместья. Если он, конечно, не самоубийца.

– В общем, никаких улик? Вы хоть сами проводили расследование? Или не захотели?

– Нет! – господин бель-ал Сепио вдруг зашатался и едва не упал.

Я перепугался, что мои размышления насчет сердечного удара вдруг материализовались. Подскочил к старику и придержал его за плечи.

– Что с вами? Вам плохо?

– Как же, как же... Очень плохо... Ведь той проклятой ночью умер мой любимый сын!

Итак, Джувил погиб во время ограбления чрезвычайно защищенного кабинета. Первая смерть в цепочке множества странных убийств. И исчезновение важнейшего документа, за который Княжество Хаоса отдаст половину своих владений. К тому же из-за паршивой похищенной марки Валибур может пасть под ударами врагов. Замечательные перспективы у моего расследования!

15

Самоубийства

– У вас есть какие-нибудь версии случившегося, господин бель-ал Сепио?

В глазах Шамура бель-ал Сепио плескалась пустота. Блуждающие зрачки превратились в булавоочные иголки, на висках и скулах набухли темно-синие вены. Старик мелко подрагивал и пускал слюну. Явный признак сумасшествия. Или отравления токсическими

веществами...

Сквозь плотно закрытые окна в дом не доносились завывания ветра. И все же на дворе бушевала гроза – где-то далеко захлопали ставни. С грохотом разлетелось стекло за соседней стеной. Коридорами пронесся тонкий визг – так бывает, когда в закрытое помещение врывается холодный ветер. Загромыхали пустые доспехи, что-то упало и с тяжелым звоном покатилося по лестнице. Я даже подумал, что поместье переживает сумасшествие вместе со своим хозяином.

Лучше бы дворецкому позакрывать все окна, не то семейка бель-ал Сепио разорится на хорошенькую сумму, чтобы восстановить интерьер после вторжения бурана.

– Что с вами? У вас приступ? Есть какое-нибудь лекарство?

Старик опустил на пол, перевернув свое кресло. Язык вывалился изо рта, на губах появились клочки пены. Глаза до упора закатились, в полумраке кабинета засверкали налитые кровью роговицы.

Я намеревался всадить в шею Шамура один из анализаторов. Возможно, господина бель-ал Сепио отравили перед моим приходом? Чтобы не сболтнул чего лишнего. Или это хроническое?

Нет, папаша Сепио не выглядел умирающим от психической травмы. Я больше склонялся к мысли, что он находится под действием психотропного вещества, разрушающего мозг.

Щуп мозгомпьютера почти прикоснулся к приоткрытому рту старика, но конвульсии вдруг прекратились. Шамур еще несколько раз постучал кулаками в пол и непонимающе посмотрел на меня. Оторви мне хост, но я не успел проверить папашу!

Пришлось убрать магический агрегат подальше.

– Вам лучше?

– О боги... – простонал отец Марии. – Опять оно.

– Что такое?

– Я ведь катался по полу, раздирал халат на груди, вопил что-то неразборчивое? – вместо ответа поинтересовался он.

– Почти. Катались и раздирали – было. Но все происходило совершенно бесшумно.

Господин Шамур с трудом поднялся, придерживаясь за ножку упавшего кресла. Подошел к стене и нажал большим пальцем куда-то чуть ниже батального полотна. С мелодичным звоном отошла широкая панель. За ней оказался маленький, но доверху набитый бутылками бар. Старик достал оттуда большой бокал, размерами почти не отличающийся от ведерка, и плеснул себе чего-то приторно пахнущего.

По комнате разлился дурманивший аромат дорогого амброзиума. Я поморщился, но решил не вдаваться в нравоучения о вреде алкоголя. Папаша бель-ал Сепио заслуживал глоточка пьянящего напитка. Бедняга.

– Это началось после исчезновения пятна. Я начал вдруг терять сознание в любых условиях и в любое время дня. Чаще всего беспамятство проявлялось поближе к ночи, но и днем я не мог спокойно вздохнуть. Самое паршивое – после таких припадков у меня напрочь отсутствовали воспоминания. Я даже не соображал, где нахожусь.

Так-так. Моя версия об отравлении становилась все более вероятной. Учитывая провалы сознания, господин Шамур имел все шансы считаться подозреваемым номер один. Отрубился – пошел убивать. Затем пришел в себя и ничего не вспомнил с чистой совестью. Очень удобно. К тому же только старичок имел возможность хапнуть свою марку и вынести ее за пределы хорошо защищенного поместья.

– Хвала богам, после смерти Донны я никогда не выхожу из комнаты.

– Это могут подтвердить?

Старик дернулся, будто его ударили. Он догадался, что я подозреваю его во всех тяжких.

– Да. Дверь заперта со стороны коридора. Ума мне хватило, чтобы позаботиться об этом, едва пришло осознание, что в состоянии припадка мое безмозглое тело может

чего-нибудь натворить.

– А секретные ходы?

Некоторое время он оценивающе разглядывал меня. Словно впервые увидел.

– Вы не дурак, – наконец сообщил он.

– Всеми силами стараюсь выглядеть максимально умным. И все же, есть такие вещи?

– Да, в этом доме есть потайные коридоры. Посмотрите на толщину стен. Но этот кабинет, оружейная и музей филателии не оснащены секретками.

– Почему же?

– Мы с Донной очень боялись воров. Даже будучи уверенными, что система охраны поместья безотказна и невероятно могущественна, мы оставили три комнаты абсолютно автономными и не соединенными с тайным коридором. Войти сюда, повторюсь, можно только с моего позволения! Даже Донна не имела права входить, ее постигла бы такая же участь, как и проникшего в дом злоумышленника.

– Вижу, вы тоже не дурак.

Он промолчал, потягивая амброзиум из своего монструозного бокала.

– Не возражаете, если я осмотрю поместье?

– Прошу, – без колебаний пригласил меня старик. – Можете хоть по кирпичику разобрать это поместье, если вам удастся найти убийцу моих родных и близких. Больше того!..

Папаша вдруг бросился к противоположной стене. Я поежился от неожиданности, когда он вдруг пролетел мимо меня и приблизился к картине с изображением милашки Донны. Что-то зашуршало, мозгомпытер сообщил об активации могущественного заклятья.

Картина слегка подалась вперед и плавно отъехала вбок, обнажая серебряные петли и крепкую дверцу стенного сейфа. Поколдовав над замками и прошептав несколько паролей, старик с трудом открыл свое хранилище и по пояс погрузился в него. Затем последовала та же операция, но только в обратном направлении.

Шамур вылез из сейфа, закрыл дверцу и задвинул картину на место. Он вернулся ко мне, подтаскивая тяжелый с виду мешок.

– Здесь десять тысяч валлов. Почти все, что осталось мне от распределения наследства дочерям и выплаты жалования прислуге на ближайшие десятилетия. Деньги мне не нужны: мертвых не вернешь, а у меня совершенно нет потребностей в дополнительном богатстве.

Я молчал, еще не понимая до конца, куда клонит господин бель-ал Сепио.

– Вот, – он протянул мне мешок и позвенел содержимым. – Деньги будут ждать вас в привратницкой Насса.

– Насс – кровавая орхидея?

– Да. Он отдаст вам все это богатство, если вы предъявите мне убийцу. Насс получит инструкции. А вы получите деньги, даже когда я умру. При условии, конечно, если вам все же удастся найти преступника!

– Очень заманчивое предложение, – согласился я.

На столь значительную сумму мне свезло бы прикупить настоящий дом в окрестностях богатых кварталов. Или несколько лет не знать финансовых затруднений.

– Согласен!

Мозгомпытер мигнул. Это означало, что Отдел Регистрации Клятв и Электронный Фиксатор Епитимий зарегистрировали наше с бель-ал Сепио соглашение и признали его законным. На какой-то миг мне показалось, что я богат и начисто лишен жизненных несурязиц.

– У вас есть еще какие-то вопросы? – спросил старик. – Я плохо себя чувствую.

– Несколько, – вздохнул я. – Простите за долгий разговор. Но надо надеяться, он того стоит.

Мои глаза пожирали драгоценный мешок. В мозгах же лихорадочно вертелись шестеренки. Клянусь своей поизношенной репутацией, что в кратчайшие сроки найду убийцу и потащу его в Крематорий. Мелко нашинкованными частями!

– Слушаю вас, – Шамур со стоном присел, прижимаясь бокалом-переростком к виску.

– Во-первых, что вам известно о смерти сына? – я старался максимально допросить папашу бель-ал Сепио. Что-то подсказывало: больше мы не встретимся. По крайней мере, в этой жизни. – Как он умер и при каких обстоятельствах?

– Как вам известно, Джувила не стало в ту проклятую ночь, когда исчезла марка. В котором часу его убили – неизвестно. Предположительно между вторым закатом и первым восходом. Плюс-минус несколько часов. Тело моего сына... – сквозь рыдания, – нашла прислуга. Кажется, Парто – служанка. Он лежал возле лестницы, за несколько шагов от входной двери. Керамическая ваза с цветами, из тех, что так лелеяла Донна, размозжила ему голову.

– Ваш сын – оборотень?

– Конечно! Чистейших кровей перевертыш.

– Почему же тело не регенерировалось?

– Мозг превратился в кашу. Семейный врач засвидетельствовал, что к тому же Джувилу пробило спинной мозг осколком керамики...

М-да, после таких повреждений никакой оборотень не поднимется.

– Хорошо...

– Что?! – господин бель-ал Сепио посмотрел на меня с открытой ненавистью. – Что тут хорошего?!

– Прошу прощения. Все очень плохо. У меня просто вырвалось – я анализировал факты.

– А... Прошу вас, больше не указывайте признаков оптимизма. Мне от них очень худо. А мне становится дурно от твоей прискорбной физиономии.

– Договорились, – я сконфуженно подобрался.

– Еще вопросы?

– Да. Как умер повар? И когда?

– Через два дня. Он готовил мне мой любимый суп из болотных устриц. Кажется, приступы беспамятства немного отходят, когда организм насыщается ядом болотниц.

– Понятно. А скажите, у вас был припадок в то время, когда скончался кулинар? – фактов пока не хватало, чтобы выбросить Шамура бель-ал Сепио из списка подозреваемых.

– Нет. Я плохо чувствовал себя только накануне этого дня.

– И как же умер повар?

– На кухне стоит большой чан для варки первых блюд. Бедный Оракль неудачно поскользнулся и мгновенно захлебнулся кипятком, парализованный кислотами устриц.

Болотницы или болотные устрицы невероятно ядовиты. Впрочем, на оборотней этот яд не действует, как на обычных смертных. Перевертыш получает кратковременный паралич и не может двигаться каких-то несколько минут. Этого как раз хватает, чтобы задушить его. Или сварить заживо.

– Повар Оракль был оборотнем?

– Да, Сущность Синицы.

– Время, когда это произошло?

– После второутрия, где-то через час после него.

– Ваш сын общался с Ораклем? У него были какие-нибудь контакты с другими работниками поместья?

– Вы в чем-то подозреваете моего сына? – папаша бель-ал Сепио даже подскочил на кресле.

– Пока что нет, – солгал я. – Но мне необходима информация.

Старик немного успокоился и вновь обратился к своему амброзиуму.

– Джувил, как и я, практически не покидал своей комнаты. К нему заходила только горничная Парто. Она и разносила еду от Оракля в мой кабинет и спальню Джувила.

В заметках появилась новая подозреваемая. Парто контактировала с убитыми, могла владеть какими-нибудь их секретами. Я поставил ее в очередь на беседу. И тут же нашел

новые вопросы. Раз в деле появилась женщина, значит могло заблагоухать изменой и предательством. К сожалению, такой мир.

– У вашего сына была любовная связь с кем-нибудь из обитателей поместья или вне его?

– Шутите?! – удивился Шамур. – Какие связи, если сидишь в четырех стенах и не выходишь на белый свет?

Да уж, старик знал, о чем говорит.

Горничная стремительно вознеслась поближе к вершине списка потенциальных убийц. Надо быть либо полным кретином, либо не знать о существовании сексуального влечения, чтобы торчать в своей спальне и не оприходовать симпатичную служанку.

– Скажите, как выглядит Парто? – на всякий случай поинтересовался я, даже зная, что скоро с ней побеседую.

– Обычная молодая девушка, лет восьмидесяти – восьмидесяти пяти.

– Спасибо. Еще несколько вопросов.

По виду старика я понял, что ему, как и мне, ужасно надоел этот затянувшийся диалог. Но расследование требовало жертв.

– Слушаю вас.

В моем животе заурчало. Организм навязчиво потребовал первым посетить место убийства повара Оракля.

– Что случилось с пажом?

– Пиваскас чистил доспехи. Лопнуло крепление и он погиб под тяжестью магиталла.

– Он человек?

– Да, единственный не-оборотень в моем доме. Эх, надо было брать на работу только перевертышей! Кстати, Пиваскас был совершенно нем и глух, даже читать не умел. Это устранил ваш вопрос насчет его возможных контактов с убитыми?

– Соглашусь. У вас были припадки во время смерти пажа?

– Я уже слышал этот вопрос.

– И все же?

– За день или за два до этого. А может, за несколько часов... Но точно не в то время.

Следовательно, старик отпадал. Моя версия насчет параллелей между припадками Шамура и «самоубийствами» уже несколько раз не оправдалась.

– Как погибла Сельвия?

– Выбросилась из окна. И, заявляю, со мной не случались припадки в этот день.

Еще один выстрел по разрушенной версии.

– Мария сообщила, что Сельвия некоторое время держалась за оконную створку. Это никак не вяжется с информацией о самоубийце.

– Поди пойми этих сумасшедших, – пожал плечами сумасшедший господин бель-ал Сепио.

Я улыбнулся ему, словно ребенку.

– Сельвия общалась с кем-то из убитых?

– Нет. Она за день до этого приехала из Валибура. Мы не виделись сорок лет, и некоторые слуги даже ее не узнали. Даже мне не удалось пообщаться с ней – узнал о ее приезде уже после самоубийства.

Очень странно! Девица приезжает к родственникам только для того, чтобы сигануть из окна их гостеприимного поместья. В этом деле загадок больше, чем желудочных бактерий в утробе бастарка.

– Кто еще погиб из домочадцев?

– Конюх... Нет, второй помощник конюха – Орлен. Его зарезали в пьяной драке где-то в окрестностях Валибура. Больше об этом ничего не знаю – расспросите прислугу.

– И, конечно же, вы не в курсе, с кем общался этот Орлен из ваших родственников?

– Не имею понятия. Я узнал о его существовании лишь тогда, когда Лумиль принес мне просительную на организацию похорон.

– Кто следующий?

Чувство аппетита стремительно превращалось в мясорубку. Живот содрогался, требуя немедленного вливания. Не то переварит сам себя...

– Неделю назад в Дубльвилль по делам вернулся Торли. Он родом из Окраиновки, где в Университете учатся мои дочурки. По просьбе Олиель я приютил паренька. Он, кстати, оказался славным парнем, даром что торговец канцелярщиной. Из него мог бы получиться отличный жених для Олиель...

Купец, по заключению врача, захлебнулся в ванной. Предположительно поскользнулся на кусочке мыла, упал, ударился головой и потерял сознание. А дальше – проще. В легких нашлась мыльная вода. И никаких следов насильственной смерти. Папаша Сепио во время кончины гостя спокойно спал и чувствовал себя отлично.

Погибший с кем-либо из семьи бель-ал Сепио не успел.

– Последним умер частный детектив Рекул...

При упоминании сыщика мне стало дурно. Я почему-то ощутил шершавую петлю на шее. А что, если в этом доме так приветствуют всех частных детективов?

Детектива нанял сам Шамур, которому надоели «самоубийства». Старик во что бы то ни стало хотел поймать стоящего за всем подлеца, отомстить и найти свою марку. Впрочем, о реликвии они с наемником-ищейкой не говорили.

– Мы пообщались с Рекулом минут пятнадцать, и тут случился мой припадок, – продолжил старик. – Я попросил, чтобы он пришел с визитом на следующее утро. Но бедняга так и не вернулся. Его нашли повешенным над кроватью собственной комнаты, куда поселила его прислуга. Мне это все очень не понравилось, и я приказал, чтобы больше никого не пускали в дом. Даже моих дочерей! Надо будет залепить Нассу штраф – за то, что открыл калитку перед еще одним частным детективом.

Да «еще один частный детектив» и сам бы не прочь держаться подальше от этой психушки. Но последнее желание погибшей Марии...

– Что ж, большое вам благодарствие, – я поднялся. – Вы очень помогли мне и приблизили день расплаты с преступниками.

– Надеюсь, – Шамур изрядно набрался амброзиума и смотрел сквозь меня.

– Последний вопрос. На прощание, если можно.

– Валяй!

– Как вы думаете, почему умер Джувил?

Старик помолчал, поигрывая бокалом в руках.

– Думаю, он увидел вора, укравшего мою марку. За это и поплатился жизнью. Бедный мальчик...

Ну да, ну да. Бедный...

Что ж, посмотрим. Почему-то мне казалось, что сынок Шамура бель-ал Сепио – ключевая фигура в этой игре.

16

Домочадицы

Дворецкий привел меня на первый этаж, в большую светлую комнату, обставленную всевозможными печами, кухонными причиндалами, плитами, камерами магического холода и прочими милыми для глаза безделушками. Одним словом, мы оказались в кухне.

Сульма – тощая, как мышьяная шея кухарка, – являлась, наверное, самым жизнерадостным существом в этом царстве слез и проклятий. Миловидная женщина-лич, умершая лет двести назад, постоянно улыбалась и все норовила ущипнуть меня костлявыми пальцами.

Я шутливо уворачивался и сыпал комплиментами. Ах, какое у вас личико – точно у живой. Ах, как здесь восхитительно пахнет – вашей кухне любой ресторан позавидует.

Готовите шестнадцать блюд одновременно? Ах, вы самая лучшая стряпуха на весь Большой Мир! Никогда не думали поучаствовать в боях кулинаров на аренах Свин-ринга? Очень рекомендую. Даже замолвлю за вас словечко перед кем следует. Не сомневаюсь – вы имеете все шансы выиграть – да хоть сто! – чемпионатов подряд.

Язык кухарки омертвел, потому она не выговаривала буквы «ж» и «щ». Однако, ее дружелюбная аура от этого совершенно не страдала.

– По-моему, – смеялась Сульма, повторяясь уже в который раз, – вы бабник, дорогой Ходша! А я ненавишу бабников!

– Совсем нет, – я горячо отказывался принимать реальность. – Однолюб и поэт. Никакой не бабник!

– Ничего, мне давненько не попадались такие неотразимые господа. Вы не тот детектив, что был до вас. Тот мужлан сидел здесь, вот на этом самом месте, насупившись и изображая из себя большую шишку. Хоть и не бабник, но ушасно противный тип. А вы – другой. Приятный собеседник, лстец и хитрый искустель шенских сердец.

Я старательно краснел и пожимал плечами. Повезло же так – познакомиться с кулинаром-психологом.

– Пока найдем для вас самую большую тарелку, глубокоуважаемый Ходша, не хотите ли продекламировать какой-нибудь из ваших стихов? Вы ведь «ценитель и созидатель поэзии», по вашим словам. Шду стихи, иначе не покормлю!

Наблюдая за сноровкой, с какой Сульма передвигалась между плит и чанов, я старательно рылся в памяти. Последнее время поэтический дар не слишком меня баловал. Но если я не хотел остаться голодным – приходилось изворачиваться.

– Ну, предположим...

Душа легонько подсказала
Мне путь средь коридоров тьмы,
Я взял дворецкого, и мы
На кухню бодро прискакали.
И засияли небеса –
Мы здесь узрели чудеса:
Такую милую девицу,
Хозяйку, скромницу, сестрицу
Для всех нуждающихся в ней.
И сердце, будто воробей,
в груди затрепетало.
Так дайте же нам сала!
Немного первого в тарелке,
Четыре блюдечка салата,
Сырка, колбаски, сервелата,
Жаркое подойдет из белки.
Еще хочу вон то салями
И маленький кусок хлебца –
Ну, накормите молодца! –
Навек готов остаться с вами
За благодатную еду.
Кормите, а не то уйду.

– Аха-ха-ха! – личоборотень, даром, что сотни лет назад умершая, всплеснула руками, схватила за передник и зашлась заразительным хохотом. – Вы действительно бабник.

– С чего вы взяли? – я жрал обеими руками, не поленившись, впрочем, воспользоваться столовыми приборами. Меня окружила теплая атмосфера кастрюлек, дымящихся блюд, противней, супниц и доверху наполненных тарелок. Восхитительно!

– А кто еще способен за пару минут слошить такой чарующий стих для шеншины? Это ведь не заготовка?

– Нет, конечно. Уж очень хотелось набить желудок поплотнее.

– Еще и честный! – кухарка опустила рядом со мной на стул. Она уперла сжатый кулачок в острый подбородок и весело посмотрела на меня. – Далеко пойдете.

– Иду, пока ноги несут.

– И за словом в карман не полезете.

– Скажите, вы случайно не работаете на полставки свахой?

– Аха-ха-ха! – высохшее лицо, покрытое морщинами и парочкой выеденных могильными червями отверстий, приблизилось к моему. – Работаю!

– И не сомневался. Чей заказ выполняете сейчас?

– Опять стихи? Аха-ха! Присматриваю за госпожами Натоли и Олиель. Слышала, вы уже познакомились с ними?

Следовательно, несмотря на заверения, что не интересуется слухами, дворецкий все же трепал языком.

Я притворился каменным изваянием и постарался своим отношением не испортить сестричкам репутацию.

– Очень милые девушки, целомудренные и сдержанные в суждениях.

– Они-то? – деланно ужаснулась Сульма. – Да эти девочки мушиков на завтрак шрут.

Да уж. Припомнить только страстную ночь. Мне тогда казалось, что меня действительно пережевали и выплюнули. Сестры бель-ал Сепио – ненасытные дрянные девицы.

– Очень благодетельные и очень милые, – повторил я, абсолютно себе не веря.

– И кто вам больше понравился? – вкрадчиво поинтересовалась кухарка, пристально посматривая пустыми глазницами.

Вид ее затылка изнутри, проглядывающего через «глаза» черепа, не очень сопутствовал размышлениям.

– Они одинаково добры... – пробормотал я. Сознание хихикнуло и скрестило руки на груди.

– Так-так, – задумчиво произнесла стряпуха. – Все мушики западали на моих девочек, за одним исключением... – Она вздохнула, словно ей была неприятна мысль о загадочном неприступном мужчине. – Что ш, не вы первый, и уш точно не вы – последний. Вторым исключением не стали. Значит, вы тоше попали под воздействие их девичьих чар.

Она не спрашивала, она констатировала факт.

Я промолчал. Эта женщина читала меня как развернутый свиток. Пришел черед отвоевывать инициативу, пока меня окончательно не заболтали и не женили на одной или, что предпочтительно, на обеих девицах.

– Не возражаете, если я задам несколько вопросов?

– Спрашивайте, а я пока помешаю бульон.

– Не откажусь от дополнительной кружечки, о великая и несравненная повариха.

– Ладно, льстец. Вы свое получите.

– Для начала поведайте: кто тот невероятный мужчина, не поддавшийся чарующей красоте сестриц бель-ал Сепио? Горю желанием с ним познакомиться.

– Не выйдет, – личоборотень неопределенно махнула рукой. – Торли уше в могиле.

– Торли? Возлюбленный Олиель?

Кухарка невозмутимо погрузила длинную ложку в ближайший чан и стала ею хорошенько загребать. Со стороны это выглядело, будто Сульма плывет по бурному течению на хлипкой лодке и яростно отбивается от высоких волн.

– Он самый. Даше не знаю, чего моя Оли нашла в этом типе? Когда я расспрашивала его об их отношениях, он бросил всего пару слов. Точно считал ее не возлюбленной, а предметом мебели! Этот уродец явно не любил мою Олиель!

– Уродец?.. Неужели такой несимпатичный?

Я даже подался вперед. Мне очень не терпелось узнать, каковы же достоинства подлеца, который смог очаровать мою недавнюю любовницу.

– Нет. Симпатичный милашка. На таких постоянно бабы клюют. Личико, как у подростка, длинные волосы, весьма мускулистый. Вот только угрюмый и неразговорчивый. Что твой демон из Дальних Кругов. Кашется, таких называют молчунами.

– Есть такой подвид демонов-шпионов, – я насторожился.

Среди вкуснящих запахов кухонного ремесла, сопряженного с благоуханием вездесущих цветов, пробился аромат загадки. Интуиция подсказывала, что эта информация непосредственно относится к убийствам.

Итак, в деле появилась тень демона. Хотя, чего я прицепился к глупой аналогии? Женщина-лич брякнула первое подвернувшееся слово, а глупый детектив сразу же ударился в анализ. Прямо как во второсортном романчике. Нет, Ходжа Наследи – лучший из лучших, мое место на белоснежных страницах бестселлеров. Так что демона пока отложим в длинный ящик.

– Торли малоразговорчив? Неужели такой мог понравиться Олиель?

– Откуда я знаю? Мои девчонки частенько влюблялись не в тех, в кого следовало.

Кхм, удар ниже пояса.

– Таковы все девушки.

– Ну да, ну да... Козлам везет на хорошеньких принцесс, принцессам же никогда не фартило.

Философская фраза. Надо бы запомнить.

Кухарка оставила ложку-весло и переместилась к следующему чану. Оттуда доносился кисловатый запах лимона и кипящей крови. Вероятно, там находилась пища для цепных вампиров, конуру которых я заметил у подвала поместья.

– Что вы можете рассказать о погибшем Джувиле?

– Совершенно ничего. Когда-то он встречался с молодой Парто, но это было года два назад. В последнее время Парто амурничала с Орленом.

Опа! Невнятная и маленькая, но зацепочка. Мне все больше не терпелось познакомиться с горничной, которая, возможно, имела любовные связи сразу с двумя убитыми.

– Благодарю, моя милая властительница кастрюль и попирательница блюд! Не просветите меня насчет местных слухов? Почему в этом доме умирают люди и оборотни? Кто за этим стоит?

– Я мало чего знаю. Многие шильцы, да же из семейки бель-ал Сепио, обходят меня стороной. Старые расовые предрассудки...

Когда-то Валибур воевал с Мертвым Баронством, государством мертвяков. Война забрала многие миллионы жизней, но оборотням удалось на корню уничтожить армию ходячих трупов. С тех времен, даже не помня причин войны, многие валибурцы ненавидят зомби, личей и прочих представителей мертвой жизни.

– ... Молодой Дшувил погиб совершенно нелепо. Говаривают, кто-то сбросил на него вазу с цветами. Сама я этого не видела – у меня была неделя в гробу.

«Неделей в гробу» мертвяки называют свой сон. Они не могут спать подобно нормальным оборотням, людям и другим живым существам. И все же должны отдыхать, если не хотят рассыпаться кусками холодной плоти. Во время мертвого сна ходячие трупы регенерируются и возвращаются к «жизни». Спят, естественно, в хорошо вентилируемых гробах и саркофагах.

– А что случилось с поваром?

– Неприятная история. Его толкнул доспех...

– Что?! – едва не заорал я. Опять доспехи, уже в который раз.

Действительно, в высокой нише на кухне возвышались блестящие бока штурмовой брони боевого оборотня. В рукавицах находилась поварешка, но от этого доспех не переставал выглядеть очень злобно.

Активационная камень-кнопка на груди казалась мертвой. Мозгомпьютер не почувствовал магии. Как и в тот раз, когда на меня свалилась алебарда.

– Вы уверены? Как там его... Оракля толкнули?

Сульма остановилась и уперла руки в боки. Ну настоящая кухарка! Вот только мертвая.

– Конечно, уверена. Видела это собственными дырками глаз. Когда бедняшка проходил мимо этого чудовища, оно подставило ему подножку. И кулинарный гений, которому я и в подметки не годилась, сверзился в чан.

Кухарка указала на самое большое приспособление для варки еды. Широкое, как бассейн и примерно в полтора моих роста высотой. Даже не будучи парализованным, попавший туда легко смог бы утопиться.

Я хотел спросить, умел ли Оракль плавать; если нет, то без сомнения, он имел все шансы не выбраться оттуда живым. Но память подсказала, что в чане находилось варево из ядовитых устриц. Следовательно, паралич и медленная смерть.

– Вы не пытались его вытащить?

– Конечно, пыталась! – вознегодовала повариха. – Но я не высока... Пока сбегала за стулом, пока поднялась. В общем, он уже плавал распухшим брюхом вниз.

– Сочувствую.

– Да ладно, – улыбнулись высохшие губы. – После его смерти мне подняли шалование.

Я поразмышлял, а не вписать ли и Сульму в свой список. Под шапкой «подозреваемая в убийстве кулинара». Но не стал.

Ну не могут хладнокровные убийцы готовить столь вкусный паштет и разносолы!

– А что случилось с пажом?

– Говорят, его тоше прихлопнул доспех. Но другой, на третьем этаже.

Хорошо. Еще один потенциальный киллер из закаленного магиталла.

Я поднялся и прошел по кухне до стоящей на низеньком постаменте брони. Как и ожидалось, никаких следов магии или чужеродного влияния. Без них доспех не смог бы подвинуть ногой, как заявила кухарка. Может, ей показалось?

– Про Сельвию ничего не знаете?

– Почти ничего. Я не видела ее до похорон. Кстати, хоронили несчастную в закрытом гробу. Могу только представить, как она покалечилась об острые скалы. Но говорят, что после приезда молодая госпожа не произнесла ни слова.

– Такая хмурая?

– Хуже! Привратник шипел, что девушка казалась чернее смерти. Она, без сомнений, единственное в доме существо, которое действительно покончило с собой.

Запомним этот факт. Но верится с трудом.

– Как я понял, с другой стороны от дома обрыв? – дурацкий вопрос. Мог бы и сам догадаться, если кухарка говорила о скалах.

– Таки есть обрывчик. Километра два глубины – далеко падать, пока не хлопнешься в горную речку. Сливаю туда помои – никто не шалуется.

– Позвольте? – я подошел к указанному окну-мусоропроводу.

На подоконнике темнела засохшая каша разнообразных блюд. Воняло от него похуже, чем от вспотевшего бастарка. Также насыщено и противно.

За окном открывался замечательный вид. Но меня на какое-то мгновение обуздал животный ужас.

Дом бель-ал Сепио стоял на высоком плато, выступающем далеко на север. Фундамент поместья доходил почти до каменистого обрыва, по которому тянулась тоненькая дорожка, отгороженная от провала невысоким бортиком. А дальше начинался настоящий ад.

Мой взгляд не меньше трех секунд летел над острыми пиками скал, расщелинами и плоскими головками круч. Гористая местность начиналась где-то внизу под моими ногами и плавно текла до самого небосклона. Лишь на северо-востоке виднелась большая проплешина. Там заканчивалась змеистая речка, и открывался малюсенький клочок океана.

Я прочистил горло и отошел от окна. Мельком отметил, что правее, на перилах

бортика, отделяющего бездну от тропинки, зияет хорошая вмятина. Наверное, именно туда, собравшись полетать, угодила Сельвия.

– Говорите, Парто имела одновременную связь со вторым помощником конюха и господином Джувилем?

– Нет, я этого не говорила. Не заставляйте меня окончательно разочароваться в сыщиках! Не притягивайте за уши мои...

– Простите великодушно, – поспешно вскричал я. – Просто в мыслях представил желаемое за действительное. Готов на коленях молить вас о пощаде, звезда моей кухни!

– Ну каков же бабник! – опять расхохоталась кухарка. – Но, нет. Парто хоть и не хрустальная девица, но она не вернулась к молодому хозяину. Только приносила еду в его комнату. И, отмечаю, не оставалась там более нескольких минут!

Да, за парочку минут ничего не успеешь. Ни вернуться к старому любовнику, ни крепко с ним «подружиться» в память о былых временах.

– Не подскажите, где можно увидеть честнейшую из горничных?

– Здесь же – на первом этаже. Ее комната находится рядом с поворотом на кухню.

– Благодарствую. Но меня еще кое-что интересует.

– Ладно уш, симпатичный, спрашивайте.

– Кто зарезал Орлена?

– Мошет Раух или Пэйр? – задумалась кухарка. – Конюх и его первый помощник. Они постоянно пили вдвоем. Вполне мошет быть, что Орлен получил ношик в брюхо от кого-нибудь из этой парочки.

– Следовательно, вы не в курсе драки в порту Валибура?

– Нет, я порядочная барышня и не гуляю по злочным местам, – улыбнулась Сульма. Она мне все больше и больше нравилась.

Если когда-нибудь накоплю достаточно денег и обзаведусь собственным имением – сманю кухарку к себе. Какая приятная мечта для моего желудка!

– Про детектива Рекула вам тоже ничего неизвестно?

– Ничего не знаю. Такой же молчаливый угрюмый шпрот, как и Торли. К тому же кончили они одинаково. Не люблю молчаливых.

Такой же шпрот, понятно.

Я тепло поблагодарил мертвую женщину за обед, отказался от «пирожков на дорогу» и позвал дворецкого.

Тот появился незамедлительно, точно все это время торчал под дверь. Ну-ну. Его не интересуют слухи. Вот кадр! Даже мозгомبيوتر обманул своей невозмутимостью.

Лумиль постучал в дверь Парто. Некоторое время ничего не происходило.

– Кто там? – спросили из комнаты.

– Открывайте, милая, – отозвался дворецкий. – Со мной тут частный детектив с заданием от хозяина. У него есть к вам несколько вопросов.

– Подождите, – тот же милый голосок. – Я в душе. Выйду через минутку.

Догадываясь, что женская «минутка» может занять и полтора часа, я занялся исследованием первого этажа.

– Хозяин предупредил меня, – ответил Лумиль на мой вопрос. – Вам позволено лезть хоть в задницу фамильному демону, даже ползать по секретным тоннелям, но вы должны найти убийцу.

Без сомнений, старик в точности воспроизвел слова своего господина.

Я попросил показать мне место, где погиб Джувил. Меня провели по холлу и оставили рядом с лестницей.

– Тут, – дворецкий манерно ткнул пальцем в пол. И убрался к своему столику.

Ни следа от крови или мозгов. На мраморе также не осталось и царапины после падения осколков вазы. Мозгомبيوتر не обнаружил и признаков магии. Только слабый отголосок ауры мертвого оборотня.

Я поднял голову вверх и посмотрел на балкон третьего этажа, откуда столкнули

«снаряд». В отличие от второго яруса поместья, там не наблюдались балюстрады в виде рядов обнаженных девиц. Вместо них стояли высокие вазоны с пальмами и кактусами. Одно из мест пустовало.

Не составило труда взобраться на третий этаж и осмотреть место покушения. Ни грамма колдовства. Да что же это такое?! Не оставили частному детективу даже зацепочки. Следы от чужеродной ауры тоже отсутствовали, несмотря на то, что недостающий вазон находился в самом запыленном, а следовательно, – самом пустующем уголке поместья. Зато у стены возвышался доспех!

Мысленно я издал победоносный клич и понесся к броне. Такая же образина, как и другие экспонаты Шамура. Мощные ноговицы с усилительными поршнями, кованые сапоги, кираса, два миниатюрных магарбалета на плечах и рукавица, а в ней – двуручный топор. Второй латной перчатки не хватало.

И почему это Джувила не прихлопнули оружием дровосека-извращенца? Тогда я мог бы быть уверен, что убийца – общество преступно сговорившихся комплектов доспех.

Как и раньше, никаких следов вмешательства. Ни магии, ни ауры, ни банальных отпечатков пальцев.

Я насчитал четыре комплекта железяк на этом этаже, шесть на втором и пару на первом. Негусто.

– Глубокоуважаемый Лумиль, не подскажите, сколько таких вот броников у вас имеется на хозяйстве? – крикнул я дворецкому со второго этажа, тем временем ощупывая и обнюхивая окровавленную рукавицу доспеха у лестницы. Без сомнений, это он свалился на глухонемого пажа.

– Двадцать комплектов, господин, – прокричали в ответ. Тринадцать на этажах, один в кухне. Остальные – в комнатах для гостей.

Очень удобная вещь для замышляющего недоброе темного мага, если бы он был хозяином дома. С помощью колдовства управляешь доспехами, следишь за передвижениями слуг. А когда в поместье появляются нежеланные гости, давишь их металлом в собственных кроватях.

Впрочем, в доме бель-ал Сепио не обнаружилось и следа темной магии. Нередко посещающая меня мысль о колдуне отпала. Но чувствовалось: именно в броне находится разгадка этой тайны.

На всякий случай я отколупнул от комплекта-преступника, убившего Пиваскаса, маленький окровавленный кусок. С четким намерением отнести в лабораторию ГУпНИКИСа и проверить, не является ли доспех разумным существом. Такое тоже допускалось.

– А вот и я! – радушно сообщила худенькая девушка с невероятным для такой комплекции бюстом.

Парто отворила дверь своей комнаты и пригласила меня войти. Изнывая от нетерпения познакомиться с горничной поближе, я незамедлительно принял приглашение.

Комнатка, как образчик спальни молодой хорошенькой девицы, оказалась довольно светлой и чистой. Большая двуспальная кровать явно не предполагалась для прислуги. Впрочем, я не мог корить господина бель-ал Сепио за такую чудовищную расточительность. Наверное, кроватка появилась у горничной в те времена, когда она встречалась с молодым Джувилом.

Благоухало дешевыми, но изысканными духами. Из приоткрытой форточки веяло свежим горным воздухом.

Окна обрамляли розовые занавески. К двери теснился небольшой шкаф и комод для белья. Левее – стул, зеркало с разными женскими макияжами-косметичками, мозгомпьютерная линия и... еще одно зеркало. По-видимому, Парто очень себя уважала и все искала повода лишний раз поглазеть на собственные прелести.

– Вы гораздо симпатичнее Рекула.

– Благодарю за столь изысканное замечание, прелестница, – я поклонился. – Надеюсь, вы будете со мной откровенней, чем с предыдущим детективом.

– Мы не разговаривали, – пожала плечами горничная. – Ужасно молчаливый и неприятный тип. К тому же эти невероятные прыщи на лбу. Такие мерзкие...

– Давайте поговорим о более приятных вещах.

– Давайте.

– Вы знаете, как умер второй помощник конюха?

Девушка побледнела. Тонкие пальчики сжались, перебирая складки длинного желтого платья.

– Нашли тоже приятную вещь...

– Ну, это работа такая. Итак, что вы знаете о его убийстве?

– Пьяная драка. Поножовщина... Орлен умер мгновенно.

– Он был оборотнем?

Я тщательно следил за реакциями девушки, пока не задавая убийственных вопросов. К тому же Парто сидела на противоположном от меня краешке кровати, и это не позволяло дотронуться до нее «правдивым» шупом. Словно бы специально так села, негодница!

Она не казалась мне красавицей. Скорее слабым отголоском страстной женщины, каким-то отражением, что ли. Очень бледная от рождения, с маленькими носиком и ртом. А еще очень тонкие губки и едва заметные усики над ними. Передо мной мышоборотень. И как на такую мог запасть богатый господин Джувил?

Впрочем, вскоре мой взгляд переместился на отличную грудь Парто, и я проникся к Джувилу некоторым уважением.

– Кенгуроборотень, господин. Был им... Даже не могу поверить, что его не стало.

Итак, если конюх умер моментально, значит его подрезали серебряным оружием. Такое стоит немало, и это значит, что к убийству специально готовились. Но почему же Орлена не пришиб очередной доспех?

Парто разрыдалась, и это напомнило мне, где я нахожусь. В темном логове вечно плачущих и ноющих существ, среди которых только один нормальный индивид – дружелюбная кухарка. Да и та давно померла.

В комнате рядом со мной находилась убитая горем женщина. Следовало ее приободрить.

– Не печальтесь. Вы так молоды. Со временем все забудется, начнется новая жизнь, – пусть корявенько, зато правдиво и от души.

Я с трудом воздержался, чтобы не погладить Парто по светловолосой головке.

Блеклые черты личика горничной помаленьку расслаблялись. Щеки слегка порозовели.

– Спасибо, мне очень приятна ваша поддержка.

Вдруг она стремительно бросилась вперед и заключила меня в объятия. Потом, кажется, испугалась своей смелости и рывком отскочила на тот же угол кровати.

Теперь понятно, что в ней находили мужчины. Да это же просто воплощение девственности и женской покорности. Рядом с Парто любой, даже самый конченный слабак мужского пола вдруг становится героем и раздувает щеки.

– Кхм, – откашлялся я, подавляя инстинкты. – Вы находились в интимной связи с Орленом?

Яркий огонь пробился сквозь бледные щеки, даже уши загорелись. Глаза заблестели, верхняя губа немного дернулась.

Вот это застенчивость!

– Да, мы были помолвлены.

– Любимый когда-нибудь брал вас с собой в город, знакомил с друзьями?

Вернулась бледность и озабоченность.

– Нет. Из его друзей я знаю только Рауха, главного конюха, и первого помощника – Пэйра. Насчет города... Однажды мы с Орленом ездили в Валибур, когда он продавал лошадей. Но в городе у него нет знакомых, только купцы. Мы даже не зашли в ни одну таверну или к кому-нибудь в гости – не было времени.

Судя по реакции, девушка не прочь пройтись по значным местам и хорошенько

гульнуть. Но она отлично скрывала свои преступные помыслы. К тому же я отметил, что без дополнительного вопроса Парто почему-то вспомнила о таверне. Значит, точно заходили!

– Следовательно, вы не знаете, кто мог убить вашего избранника?

Наступило молчание. Изредка оно прерывалось шуршанием плечиков желтого платья и девичьими всхлипами.

Наконец Парто украдкой вытерла слезы и подняла заплаканные глаза.

– Нет. Ничего об этом не знаю.

Удивительная вещь. В этом доме никто и ничего почти не знал. Просто таки лабиринт загадок.

– Вы уверены? Может, какие-то случайно брошенные слова, разговоры по мозгомпытеру?

– Нет.

И все же мне показалось, что девица врет. Жалко, не мог проверить.

– Ну ладно, не будем о грустном. Скажите, вы встречались когда-то с господином Джувилем?

Снова краска, еще более насыщенных тонов, чем ранее. Горничная горела как свеча на Бульваре Зеленых Бабочек.

– Нет, не встречалась.

– Да ладно вам, – тепло улыбнулся я. – Весь дом знает о вашей интрижке. Зачем отрицать?

– Это было давно, – возмутилась девушка.

– Вопрос был не «когда», а встречались ли вообще.

– Хорошо, – обреченно кивнула Парто. – Мы действительно встречались с ним некоторое время.

– До его возвращения из плена?

– Да.

– А что было после?

– Он не сказал мне ни слова! – девица приглушенно всхлипнула, и этот незатейливый финт посеял во мне подозрения. Уж слишком спокойной она казалась, эта Парто.

– Ничего о пытках, страданиях и подземных тюрьмах?

Горничная пылко отрицала. Я еще больше уверился в своей правоте: либо девушка лжет, либо недоговаривает.

– Джувил на себя не был похож! Приехал, будто голем. Ни привета, ни ответа. Даже не поворачивал голову, когда ему приносили еду. Из Княжества вернулся не Джувил!

Интересное допущение, но неверное на корню. Если бы подослали двойника, пусть даже снабженного достоверной копией ауры, специалисты ГУпНИКИСа мигом догадались бы о подмене. Девица об этом, конечно, не знала.

– Вы уверены, что вернувшийся оборотень не являлся Джувилем?

– Уверена! – вскричала девица, приближаясь ко мне. – Понимаете, у... молодого господина была родинка под правым ухом. А у вернувшегося парня родинка росла под левым. Слышите? Под левым ухом! А еще у нас было секретное приветствие. Мы в детстве так развлекались. «Привет, жираф! – Привет, ворона!» Так вот, он не ответил мне. Хотя не имел права не ответить.

Щуп мозгомпытера прикоснулся к шее Парто за секунду до гневного изречения. Табло мигнуло: «вранье!». Кроме того я не сомневался: даже если произвести эксгумацию убитого господина бель-ал Сепио, характерную родинку не найти – голова разможена до самой шеи.

Очень странно. Зачем выдумывать какие-то несуществующие приветствия и заставлять детектива поверить в то, что Джувил на самом деле – не Джувил. Хотя, она просто могла привирать. Или же надумать несуществующее. Но все-таки зачем?

Парто никак не вязалась с образом убийцы. К тому же у нее не хватило бы сил столкнуть тяжелую вазу на бывшего любовника. Да и признаков ауры горничной я не

обнаружил ни на одном из мест преступления.

– Полагаю, надо бы заняться расследованием и в этом направлении, – успокоил я девицу. – Обязательно потребую повторного вскрытия трупа Джувил. Пускай специалисты проверят, не был ли парень демоном или кем-то еще.

– Обязательно проверьте! – настаивала Парто.

И чего она так вцепилась в покойника? Надо поразмышлять на досуге.

– Какое у вас красивое зеркало, – мне действительно понравился трельяж у окна, и я подошел к нему. – Позвольте посмотреть?

– Пожалуйста, – ровным голосом ответила девица. Но в отражении на одной из створок зеркала я заметил, как она побледнела.

Итак, с кривобоким куском амальгамы что-то неладно. С виду обычная рухлядь, со стертой позолотой на раме и потемневшей поверхностью. Но зеркало слишком громоздкое. На месте его хозяина или хозяйки я сделал бы в нем тайник.

Это говорила мне интуиция. Но я не очень прислушался к ней, не желая вспугнуть потенциальную жертву. Жертву чего? Вполне возможно, горничная знает больше, чем говорит. Если на нее нажать сейчас – ничего не скажет. Или предупредит убийцу, если состоит с ним в сговоре.

Я решил подождать. Подошел к зеркалу, посмотрел в него и поправил волосы. Свободной же рукой бросил под ножки трельяжа невидимый датчик движения. Он сможет уловить любую вибрацию, если в комнате начнут двигать мебель или вскроют тайник. А спустя минуту после этого здесь появится грозный детектив с обнаженным «Карателем». Очень, очень надеюсь, что появится, а не падет жертвой очередного молчаливого доспеха.

– Благодарю вас за информацию, – я поклонился девице.

Парто не успела ответить.

– Господин Наследи! – в комнату ворвался взмыленный дворецкий. – Господин... о боги!

– Что случилось, глубокоуважаемый Лумиль?

– Пэйр... первый помощник конюха только что скончался.

– Новое падение доспехов? – я попытался пошутить, чтобы охладить обстановку.

Несмотря на мои старания, обстановка все же накалилась до предела. Даже в воздухе потеплело.

Парто взвизгнула и поднесла руки к груди. Ее лицо превратилось в настоящую маску ледяного ужаса. Дворецкий устало прислонился к дверному косяку. Я бросил какие-то успокаивающие слова для горничной и, подхватив леприкона под локоть, выбежал в холл.

17

Новые жертвы

– Что с ним случилось?

– Такое несчастье! Такое...

Я бережно взял дворецкого за лацканы ливреи и несколько раз хорошенько встряхнул.

– Говорите фактами, а не мычанием.

– Пэйра убило оторвавшейся ставней.

У-ум, новые изощренные способы «самоубийства»! Надо непременно посмотреть.

– Вы что-нибудь трогали?

– Нет, господин. Только услышал шум и страшный крик. Выбежал на улицу посмотреть, а там...

Что-то мне подсказало: оборотень низшей касты Пэйр умер примерно такой же смертью, как и молодой Джувил. То бишь мозги всмятку и проблемы с позвоночником.

Так я лишился еще одного подозреваемого в убийстве. А он у меня, надо отметить, почти приблизился к верхушке списка еще во время путешествия живовозом.

– Если события и дальше будут развиваться столь поспешно, – поведал я проводнику, – мне останется только прикурить сигарету и усесться рядом с вашим бюро. В конечном итоге загнутся все непричастные, и кристаллизуется последний жилец – самый главный злодей. Вот его то мы и экспроприруем в тюрьму.

Старик, задыхаясь, прошептал на бегу что-то нелестное. Я не мог его осуждать.

Мы обогнули парадную сторону поместья бель-ал Сепио и повернули направо – перпендикулярно от садовой дорожки к воротам. Парк внезапно кончился, и открылись возделанные поля бобовой пшеницы. Рядом с домом протекал неширокий ручеек. Вода была где-то из густо поросшей кустарником возвышенности и разделялась на два рукава. Один стекал куда-то в чашу сада, другой огибал многочисленные камушки и с тихим звоном падал с обрыва.

Со стороны города, где высилась стена поместья, находилась одноэтажная кузница. Рядом – целая россыпь сельскохозяйственных строений: конюшня, сарай, молотильня и несколько амбаров. К ним пристраивался высокий силос для пшеницы. На противоположном конце поля, в самой высокой точке плато, вертела гигантскими крыльями ветряная мельница. Из-под ее основания вытекал еще один ручей.

Пэйр лежал в неестественной позе посреди остриженного кустарника, окружавшего дом. Голова у дядьки отсутствовала как понятие, в груди торчал тяжеленный ставень. Все вокруг окровавлено, ошметки плоти виднелись даже на ветках карликовых берез, произраставших довольно далеко от места «несчастливого случая». Мозгомпьютер услужливо сообщил, что судя по состоянию трупа, смерть наступила не больше четырех минут назад.

– Чисто сработано, – пробормотал я. – Череп вдребезги, серая жидкость ушла с разбросом в несколько метров. Бросали прицельно.

– Бросали? – спросил дворецкий с таким видом, словно бы не понимал глупости своего вопроса.

Я доходчиво объяснил:

– Если бы ставень слетел под дуновением ветра, удар прошел бы вскользь. Имелось бы хоть самое мелкое, но отклонение. А здесь мы видим четко спланированный удар – идеально вертикальный. Словно кто-то покурировал на крыше, ожидая, когда Пэйр подойдет к отмеченному месту.

Мозгомпьютер просканировал пространство и саму створку. Ничего, никакого следа! Впрочем, кто бы сомневался.

– Что делал конюх рядом с поместьем?

Лумиль молча указал на большие садовые ножницы в руке убитого. Отошел на несколько шагов, чтобы не запачкать домашние туфли, и сообщил:

– Когда работники конюшни не ухаживают за лошадьми, в целях экономии мы на полставки заставляем их приглядывать за садом. Подстригают газоны, кустики, н-да. Пересаживают деревья.

Я опустился рядом с трупом на колени и тщательно его обследовал. Никаких улик и зацепок, но кто сдастся после первой попытки – тот не Ходжа Наследи?

Наконец, когда я в третий раз пошарил по карманам покойника, мое терпение было вознаграждено. За отворотом толстой садовой рукавицы обнаружился маленький клочок бумаги для письма. Дорогая фактура – явно из запасов владельца поместья.

На прямоугольнике виднелись едва различимые линии. Кажется, его надлежащим образом сгибали и придавали вид миниатюрного самолетика. Ну, как в школьные годы.

Значит, кто-то бросил Пэйру послание через окно. Кто-то не желающий выходить из поместья.

Судя по длинной шеренге подстриженного кустарника, конюх находился рядом с поместьем еще с утра – записку могли запустить из любого окна. Или покойный нынче парень заполучил ее раньше?

На бумажке присутствовал невнятный след от ауры. К сожалению, мозгомпьютер не смог ее идентифицировать – свежая кровь начисто стерла эту информацию.

Зато, кроме линий и легкого намека на адресата, записка поделилась маленькой тайной. Я нашел несколько предложений, выведенных корявыми буквами. У написавшего имелись некоторые проблемы с грамматикой:

«...заберешь сегодня ночью и отнесешь в и...» – остальные слова на записке безнадежно растворились в теплой крови. Нет, еще нашлось: «... в память о друге...»

Мозгомبيوتر сообщил, что надпись очень свежая – прошло не более десяти часов с момента составления письма. Уже кое-что. Преступник рядом и готовится нанести решающий удар.

– Почерк вам знаком?

Леприкон брезгливо покосился на бумагу и даже не взял ее в руки.

– Точно не уверен, но кажется, писала Парто.

Вот она – первая настоящая улика этого запутанного дела!

Я внес повторное посещение горничной к своим планам на вечер. И затем припомнил еще один вопрос.

– У меня к вам просьба, дорогой Лумиль.

– Если это не выходит за рамки приличия, глубокоуважаемый Ходжа.

Эй, да у старика таки есть чувство юмора! Пришлось перенести его из списка плакс в таблицу «неопределенного характера лица, не теряющиеся в трудной ситуации рядом с погибшими конюхами».

– Абсолютно не выходит, – рассмеялся я. – Сейчас вы останетесь на этом самом месте, а я вернусь в холл. Подождите минуты две-три, а потом завопите несколько раз, что есть мочи.

Леприкон сделал круглые глаза и уставился на меня, как на безрогого демона. Я сохранил интригу и потопал к поместью. Походя отметил, конечно же, окно, от которого «оторвался» убийственный ставень.

В холле я уселся за рабочий стол дворецкого и, наконец-то закурил. Несмотря на множество смертей и дрянную обстановку, дом все больше мне нравился. Мне даже казалось, что строение живет какой-то своей, непонятной окружающему миру жизнью. И словно вещает молчаливыми стенами...

– А-а-а-а-а! – донеслось до меня.

Я прошел несколько шагов и нырнул в полутемную комнату, откуда доносился звук. Кроме стандартной для богатых поместий мебели, здесь находилось зашторенное окно. Ставни плотно перехвачены щеколдой, но одна из застекленных створок приоткрыта.

– А-а-а-а-а! – тонкий голосок отчетливо пробивался сквозь оконный проем.

Я притронулся к щеколде, намереваясь ее приоткрыть, как вдруг она зашелестела. Это что за дела?! Твердое дерево издает совершенно иные звуки. При внимательном досмотре оказалось, что щеколда выполнена из свернутого параллелепипедом рулона бумаги. К тому же выкрашенного коричневой краской – под цвет натурального дуба. Настоящий запор обнаружился под шкафом. Он уже долгое время находился здесь и успел покрыться тонким слоем пыли. Несколько недель или больше.

– А-а-а-а-а! – уже с хрипотцой. – Кхэ-кхэ-кхэ...

– Благодарю вас, драгоценный Лумиль, – сказал я дворецкому, высунувшись из открытого окна. – Можете возвращаться в дом. Мы узнали, что хотели.

– И что же мы узнали, позвольте спросить?

– Самое главное, – я позволил себе мимолетную улыбку. – Мы теперь уверены, что некий дворецкий по имени Лумиль не является преступником. Во всяком случае, не в этот раз.

Леприкон застыл в обиженном изумлении.

– Я служу в этом доме триста два года, глубокоуважаемый, – наконец сумел выдавить он. – И вы подозревали меня в этих несчастьях?

На глазах старика стояли уже привычные слезы. Кажется, в доме бель-ал Сепио такая рутина – хныкать и брызгать соленой жидкостью из глаз. И ничего не делать, пока не убьют

следующего домочадца.

– У детектива такая работа – подозревать всех, пока не обнаружится настоящий убийца, – успокоил я его. – Крик действительно слышен из холла. Могу с уверенностью заявить, что вы не сбросили на несчастного Пэйра этот ставень и не вернулись ко мне, якобы для освидетельствования своей невиновности. Так что вы чисты: у вас не хватило бы времени на такие манипуляции. Входите же, наконец, внутрь. Еще простудитесь, не приведи демон.

Я не стал дожидаться Лумиля и отправился на третий этаж. Именно там находилась лестница, ведущая на чердак. Мимо проплыли многочисленные двери комнат, доспехи, вазоны и статуи обнаженных дриад. С каждым шагом все больше усиливался цветочный аромат.

За поворотом, куда мне еще не приводилось заходить, обнаружилась стеклянная перегородка, а в ней – небольшая дверка из того же материала. Переступив порог, я задохнулся от нахлынувшего на меня буйства ароматов и благовоний.

– Невероятно! Оранжерея! – слов больше не нашлось, потому что рот вдруг захлопнулся и вместе с ноздрями попросился в отставку.

Кто бы мог подумать, что в засаженном кустарниками и заставленном кадками доме может быть еще и отдельная оранжерея? Около семидесяти квадратных метров, густо покрытых зеленым покровом. Какие-то травы, цветы, миниатюрные пальмочки и кустики. Мягко-сочное воплощение мечты лесовиков и древесных клещей. Покойная госпожа Донна, без сомнений, была конченным природолюбом.

Сверху на меня глядела пыльная стеклянная крыша. Ее изо всех сил согревали оба валибурских солнца. Разноцветные лучики играли беззвучный вальс, глаза слепило от невыносимой ряби, легкие отказывались работать в таких тяжелых удушливых условиях. Мое мнение об оборонительных возможностях поместья покачнулось и упало на несколько пунктов. Со стороны фасада крыша дома выглядела хорошо спланированной и непробиваемой. Внутри же оказался купол над холлом и вонючая оранжерея из хрупкого материала.

Я ненароком раздавил неизвестный мне цветок и пробился сквозь густые заросли призрачной розы. Листва щекотала нос, высокие стебли декоративной травы шумели и пытались отомстить за убийство сестрицы – вечно путались под ногами.

Чтоб вас градом побило, милые растения...

Луп!..

А вот не надо отвлекаться – смотри под ноги, тупой детектив!

Я вынырнул в коридоре по другую сторону от благоухающего склепа и глубоко вдохнул. Потер свежайшую шишку на лбу и преисполнился блаженством.

Пыльная дверь в конце винтовой лестницы привела меня на темный чердак.

Тучи заплесневелых рундуков, разбитые кадки, ржавые доспехи; полуистлевшие папки, рулоны, свитки и потрепанные книги; поломанные столы и стулья, покосившийся комод, треснутое зеркало, гора вонючих поношенных шмоток; десяток грязных окошек и вид на полусферу стеклянного купола над холлом и стеклянного же безобразия оранжереи. Короче, десять отверстий в гробу, доверху набитом разнообразным мусором и хламом.

– И почему нельзя хранить все это в подвале?

Окно, которому я задал этот вопрос, не ответило. Лишь похлопало створкой и дунуло мне в рот холодным ветерком.

Ставень сорвался именно с этого места. Как и ожидалось, никаких следов магии или чужеродной ауры. Даже если бы действовал могучий колдун из Великих, ему потребовалось бы не менее часа, чтобы замести следы. А я появился здесь всего спустя какие-то минуты. Следовательно, работа не колдуна. Но кого же?

Обе петли, на которых крепилась створка-убийца, не были перепилены или отогнуты; но очень слабы, и выглядели так, словно поизносились от времени и потеряли крепость. Висели себе ставенки бесхозно в течение сотен лет, а потом вдруг захотели и – бамс! – свалились прямехонько на голову бедному адепту коней и лошадок.

Я собрался на обратный путь, и вдруг увидел в глубине чердака еще одну дверцу. На пыльном полу – ни следа. Тут многие годы никто не пробирался, пересчитывая макушкой, подобно частному детективу Ходже, крепкие кровельные балки.

Урожденная любопытность толкнула меня к приключениям.

Застонала тонюсенькая, почти прозрачная створка. Если бы не пыль, я без труда бы разглядел сквозь нее интерьер маленькой комнаты.

У стены под мансардным окном находилась детская кроватка под балдахином. Невероятно грязная, но с откинутым одеялом – будто бы здесь недавно спали. У изголовья кровати пылилась кособокая тумбочка с огарком свечи на поверхности. Рядышком валялись неперенные атрибуты детских комнат – гнилая деревянная лошадка и древнейший ночной горшок со сломанным музыкальным механизмом. В углу – бесхитростная, но очень точная картинка поместья бель-ал Сепио, вид на фасад и парадную дверь. Над пожелтевшей от времени бумажкой – корявая надпись мелком на деревянной балке перекрытия: «Мой». Рисовал не ребенок, скорее умственно отсталый. И никакой подписи. Это художника так звали – Мой? Или он (она?) имел в виду этот домище?

Обычная комнатка, к тому же без мусора. Только собачья миска, доверху заполненная окаменевшей едой. Вещи здесь бесхозно бросили не одну сотню лет назад. Кто бы здесь мог жить когда-то? Какой-то раб? Слуга?

Мозгомبيوتر не обнаружил ничего интересного. Жилищем явно не пользовались целыми десятилетиями. Если не больше.

Но меня поразила странная статуя в центре. Рядом с изваянием и находилась мисочка с «ужином», словно жертвоприношение перед алтарем неизвестного бога.

Мраморная плита конической формы, высотой в два метра, почти упиралась в крышу. Цельный кусок каменюки, тщательно отшлифованный и без единой трещинки. На уровне моих колен колонну украшал прямоугольный рисунок: черный шар, по диагонали перечеркнутый молнией красного цвета. И тоже без признаков магии.

Я поразмышлял, не может ли этот загадочный памятник служить Подавителем магии? Читал о подобных еще в те времена, когда работал в Управлении Полиции. Но, нет. «Каратель» послушно чихнул и прикрыл меня защитным магическим коконом. Рядом с Подавителем он бы не смог этого сделать.

Дивный домище у семейства бель-ал Сепио. На каждом шагу то плачущие оборотни, то какие-то тайны. А не спросить ли дворецкого про это место? Старичок говорил, что служит в поместье чуть больше трехсот лет – может и знать о странной стеле.

Я покрутился на чердаке еще какое-то время, ничего не нашел и с унылым видом двинулся обратно в холл.

– ... не буду этого делать!

– Ты должна убирать конкретно там, где скажут! За что тебе платит жалование добрый господин Шамур? Отвечай!

Испуганный женский контральто и взволнованный крик Лумиля застали меня, когда я приближался к оранжерее со стороны чердака. Внутри заваленной растениями комнаты находились дворецкий и какая-то дама в коричневом фартуке поверх золотистого платья горничной.

– Быстро выпалывай, тебе говорят! – бесновался старик.

Девушка стояла перед ним, опустив глаза, но всю мотала головой.

– Не буду!

– Что у вас здесь происходит? – поинтересовался я.

– Это наше дело, глубокоуважаемый детектив, – агрессивно ответил Лумиль.

– Спасите меня, господин! Спасите несчастную от изувера!

С этими словами девушка зарыдала и бросилась мне на шею. Ну как противостоять такой замечательной талии и белоснежной шейке, от которой восхитительно пахло лавандовыми духами?

Я приобнял горничную и поверх ее каштановых волос хмуро посмотрел на дворецкого.

– Отстаньте от этого прелестного создания. Видите – ей плохо.

– Мне тоже плохо! – вскричал старик. – Но я же, н-да, не уклоняюсь от выполнения своих обязанностей!..

Оказалось, что горничная, а звали ее Делья, злобно отказывается выпалывать сорняки в оранжерее.

– Хотя это – ее главная задача в этом доме!

Девчонка дрожала в моих руках, как фитильмобиль перед стартом. Она была напугана и очень мила. Обожаю таких!

Загорелая, высокая и с крепкими бедрами. Слегка полновата, но зато какие карие глаза! А густые ресницы и росчерки бровей. А грудь! Ах...

– Милая, – обратился я к девице. – Что вас пугает в этой мерзкой комнате? Чертополох? Скажите только – и я срублю гадские поросли единым взмахом «Карателя». А затем преподнесу вам кашину из поверженных врагов на хрустальном подносе. Клянусь своим рыжим хвостом – не позволю проклятым растениям измываться над такой красотой!

Делья улыбнулась сквозь слезы. Незаметно от дворецкого, меня пожали сзади пониже пояса. Мне дали понять, что если сегодня я останусь в доме бель-ал Сепио на ночлег – пустовать моя кровать не будет.

– Пусть пошлет меня лучше в сад, – прошептала мне на ухо девушка. Ее рука по-прежнему елозила у меня пониже копчика. Я млел.

– Чем же вам не нравится здесь, услада моя?

– Эти цветы – живые!

– Что ты несешь, дуреха?! – не сдержался Лумиль. – Все цветы – живые. Н-да. Это – при-ро-да! Понятно тебе?

– Да? – девица повернулась к дворецкому, не убирая, впрочем, тонкой ладошки с моего... кхм... тела. – А все цветы умеют писать? Неужели все эти демонские розы-призраки составляют слова и предложения?

– Ну-ка поподробнее!

Я развернул Делью лицом к себе и, восторгаясь чистой деревенской красотой, послушал короткую историю.

Оказалось, что несколько недель назад, когда девушка пришла в очередной раз приглядывать за оранжереей, здесь обнаружилась странная надпись из цветов и переплетений лиан. К сожалению, девица не умела читать (на пограничных землях довольно частное явление). Но как только увидела, что цветы образуют какие-то символы, – мигом сбежала и не появлялась в оранжерее до этого самого времени.

– Темное демонское колдовство, – бормотала она.

– Ты сошла с ума, – хмыкнул старик. – Нашла, тоже, повод для безделья.

– А вы сами посмотрите! – девушка ткнула пальцем в густые заросли каких-то крапивовидных листков, за которыми угадывались бутоны призрачных роз.

– Ничего не вижу, – восторжествовал дворецкий.

Место, понятное дело, за долгое время успели зарастить.

– Может, нам слегка расчистить?...

Я не договорил предложения. Девица вскрикнула и заявила, что «ни за какие медовые коврижки» не полезет к «этим демонским отродьям».

На старика рассчитывать не приходилось. Пришлось мне облачиться в доспехи садовника, прихватить рукавицы и вооружиться грозным набором сапа-совочек-секатор.

Мысленно ругаясь, я задохнулся от волны разноцветной пылицы и полез в доморощенные джунгли.

Делья и Лумиль больше получаса наблюдали за моими мытарствами посреди лиан и колючек. Девица глазела с испугом, леприкон был очень рад, что смог-таки кого-то припахать на грязную работу.

Я получил десяток боевых ранений – глубокие царапины на лбу. Превратил рукав плаща в лохмотья, ободрал правую руку. Обжегся каким-то листком и озверел. Но все же

смог перелопатить весь указанный участок!

– Что за?.. – дворецкий выглядел не просто удивленным леприконом, а пораженным наповал.

На очищенном грунте произрастали несколько сотен разноцветных призраков-роз. Они образовывали надпись:

«Спасите меня!!!!!!!»

– Ровно восемь восклицательных знаков, – заметил я. – Кому-то очень не терпелось, чтобы его спасли... А скажите, кто имел доступ в оранжерею?

– Все, – ответил Лумиль, продолжая пялиться на осмысленно рассаженные заросли призрачных цветов. – Но чтобы высадить такую надпись, н-да, ему пришлось бы просидеть в оранжерее целый день или даже больше. Кто-то обязательно заметил бы такое свинство, но до меня подобную информацию не доносили.

Леприкон хищным взглядом уставился на девицу, призывая ее к ответу. Словно спрашивал: «Почему мне, великому и ужасному повелителю комнат и распорядителю толчков, не сказали, что здесь творится неладное?!»

Горничная взвизгнула и спряталась за моей спиной.

– Я живу на третьем этаже, – шепнула Делья. – Левый коридор, правая от dospехов дверь.

Мои губы расплылись в улыбке дебила. Надеюсь, этого не заметил дворецкий.

– Идите, милая, – позволил я девице. – На сегодня хватит трудиться – частный детектив Ходжа Наследи выполнил вашу работу.

Горничная присела в книксен и юркнула вон из оранжереи.

– Не смейте распоряжаться так моими подчиненными! – взвился Лумиль. – Вы вредите моей репутации, н-да! Кто вам позволил работать вместо Дельи?

– Вольно, господин дворецкий! – рявкнул я по-армейски. – Разве хозяин Шамур не предупредил вас, что на время расследования в этом доме главный – я?

– Нет, – опешил старик.

– Так зарубите себе на синем носу.

Я стремительными шагами двинулся к двери, пока леприкон не пришел в себя и не начал читать нравоучения о вреде фамильярности с персоналом. А то еще догадается, что я блефовал.

Как и всегда, в оранжерее мозгомпьютер превратился всего лишь в мертвые мозги на запястье. Никаких следов магии, только легкий намек на ауру горничной. Магическая машинка также показала, что в земле не валяются бесхозные трупы. Обычная цветочная клумба, задуманная неизвестным шутником. Ну, ничего, скоро мы узнаем, кто этот веселый тип.

– Давайте займемся досмотром поместья.

Старик послушно засеменил следом.

В течение трех часов мы блуждали этажами и обыскивали комнаты. Меня познакомили с двумя десятками слуг. Большинство из них работало первые дни – бывшие обитатели поместья бель-ал Сепио испугались слухов о родовом проклятии и рассчитались еще неделю назад.

Блондинки и брюнеты, брюнеты и блондинки. Две шатенки, учитывая понравившуюся мне Делью. Оборотни выдры, зайцы, волк, три бурундука, выхухоль и даже слон. Последняя служанка, воистину слоноподобных размеров и таких же манер, ухаживала за мельницей. Если я правильно догадался, в безветренную погоду сия дама хваталась за короба и самолично ворочала жерновками.

Здесь же нашелся последний конюх – бледный, как лик второй валибурской луны. По секрету он сообщил мне, что хозяин Шамур устроил заговор с целью убийства всех работников конюшни.

«Отчего же еще погибли Пэйр и Орлен?».

Поглядев на одутловатое лицо, могущее принадлежать как главному конюху, так и

кому-нибудь из его парнокопытных подопечных, я внес его в список «Лица с белой горячкой, совершенно неадекватные и страдающие паранойей». От Рауха на десять метров несло тяжелым перегаром дешевой свекольной сивухи.

Кроме конюха в поместье подобным образом благоухал еще один персонаж. Егерь Амок едва умел сдвигать глаза поближе к переносице и смотреть осмысленно. По слухам, последнюю дичь этому рысоторотню удалось поймать еще лет десять назад. И то по чистой случайности. Народ судачил, что безнадежно конченого алкоголика хозяин держит в поместье исключительно из жалости. Если он – убийца, то мне стоило задуматься над карьерой балаганного шута. Я не смог бы выдержать такого позора: столь конченный преступник в моем расследовании.

Эконом Горм жил вне пределов поместья и появлялся здесь только раз в квартал, к тому же только по вызову хозяина. Он передвигался в инвалидной коляске, почти не мог говорить и явно не выглядел убийцей. Для осуществления зловещих планов злоумышленник должен был постоянно находиться в доме. Так что бухгалтера-инвалида пришлось вычеркнуть из списков.

А еще в доме бель-ал Сепио обитали двое охранников: Ограм и Торк, близнецы – мускулистые гоблины двухметрового роста. Они круглосуточно несли вахту в окрестностях поместья и вполне могли совершить большинство случившихся преступлений. В силу коварного шовинизма, я включил зеленокожих куда-то в середину списка. Там же находились имена двух дюжин здешних работников.

Никто из прислуги не рассказал ничего нового. Все те же старые факты. Скукота...

Лумиль отпустил прислугу, и мы отправились осматривать места преступлений. Первым нашли жилище убиенного сына бель-ал Сепио.

– Скажите, покойник всегда носил с собой это украшение? – спросил я дворецкого, когда мы вдоволь перевернули грязное белье в комнате Джувила.

Передо мной висела картина, изображавшая широкоплечего молодого человека в мундире хват-лейтенанта пограничных войск. Хмурый, с глубокой ямочкой на тяжелом подбородке, кривым носом и серыми глазами. Этот оборотень не слишком мне понравился. Оставалось надеяться, что художник слегка сгустил краски. Иначе не завидую бедняжкам Олиель и Натоли. Иметь в родстве такого зловещего братца – нехорошо для генотипа.

На шее нарисованного парня блестела большая иконка с инкрустацией в виде богини справедливости Калибдры. Формой медальон весьма напоминал злополучную марку бель-ал Сепио.

– Н-да, ему принадлежала эта вещь еще с рождения, – подтвердил леприкон.

– Она была на нем во время похорон?

– Трудно сказать, – растерянно пробормотал Лумиль. – Его, как и госпожу кузину бель-ал Сепио, хоронили в закрытом гробу. А в суматохе, поднявшейся во время убийства, я как-то не обратил на сей факт внимания.

– Мне почему-то кажется, что будь медальон на мертвеце, – я не стал вдаваться в подробности своих умозаключений, – поместье бель-ал Сепио ограничилось бы только одним покойником – Джувилем.

Дворецкий принялся меня расспрашивать, но я остался непреклонен. Общая картина убийства, его мотивов и подоплек начинала складываться в единое целое. Но мне все равно пока не попалась хоть самая мизерная подсказка о личности преступника.

Дальнейший осмотр комнаты Джувила ни к чему не привел. Но!

Здесь стоял такой же трельяж, как и в спальне Парто.

– Позвольте? – Не дожидаясь, пока старик пробормочет разрешение, я разворошил маленькие ящики, ничего в них не нашел, и влез под зеркало.

Под тяжелым сундуком на ножках, которые поддерживали зеркальные секции, нашелся тайник. Признаюсь, мне пришлось вдоволь намучиться, чтобы его обнаружить, настукивая костяшками пальцев по доскам.

Едва заметная щепочка повернулась с легким щелчком, и обнажилась узкая ниша. Тю,

а я-то думал, что в столь громадном зеркале можно спрятать дорожную сумку!

Пустое пространство, горсточка пыли и...

– Нашел!

Я вытащил на бело-зелено-апельсиновый свет валибурских солнц небольшой сверток бумаг. Несколько счетов за услуги борделя, записка в сумме сорока валлов, курительная трубка с пылью усладиума, короткое письмо и деревянная коробочка.

Коробка пустовала. Внутри находилась замшевая подкладка со странным тиснением в виде изогнутого ключа.

– Не знаете, что здесь могло храниться?

Дворецкий охнул и рефлексивно хлопнул себя по карману. Следующую секунду до него дошел весь ужас произошедшего, и он со стоном схватился за пах.

– Неужели покойный Джувал был хранителем ваших причиндалов? – я аж поморщился от грубой самодельной шутки.

– Нет, – старик отдышался и вытащил из штанов увесистую связку ключей. Пытался понравиться дамам или так старательно сберегал вверенные ему ключи вблизи от самого интимного места? – Вот что...

Я даже не притронулся к протянутой мне железке. Фи, как негигиенично!

Ключ представлял собой изогнутую половинку туго закрученной спирали. Во все стороны от стержня торчали зубья разных размеров. Ох и странному же замочку предназначалась эта штукавина.

– Вы полагаете, при виде куска магиталла я приду в восторг и без объяснений узнаю, что это такое?

Лумиль понял, что некоторые частные детективы могут и не догадываться о предназначении спрятанных у него в штанах предметов.

– С помощью такого ключа открываются потайные ходы, н-да, – пояснил старик. – Магический вороток есть только у меня и у господина Шамура.

– Тогда попрошу вас сходить и проверить, на месте ли копия хозяйского ключа. Отправляйтесь немедленно.

Леприкон ушел, оставив меня в одиночестве. Я отослал его специально, хотя и знал, что Джувил обворовал собственного отца. И также догадывался, почему.

Бумаги покойника оказались дневником, скрепленным сапожной нитью. Наверное, он списывал эти листы, находясь в подземелье Князя Хаоса.

«Невероятная боль, она повсюду!» – шесть таких записей на первой странице.

«Больше не могу! Помогите!» – восемьдесят две на шестнадцати листах.

«Не в силах держаться... Я должен ее спасти!..» – четыреста тридцать одна запись. Она и занимала примерно половину дневника. Остальные страницы пестрели унылыми рисунками, предположительно сделанными углем или кусочком разжиженной глины и пороха.

Везде был нарисован треугольник с неравными углами и выпуклыми сторонами. Внутри фигуры – хищный глаз с шестью зеницами.

– Символ Княжества, – отметил я.

Обнаружился первый преступник среди неизвестных. Он украл у папаши сначала ключ, а затем и марку. Не сомневаюсь, Джувилу устроили серьезную психоломку в Княжестве Хаоса и заставили спереть семейную реликвию. Других объяснений пока нет.

Но в комнату Шамура без разрешения не мог войти никто. Каким же образом Джувил пробрался к отцу и не откинул преступные копытца? Неужели нашел какой-то обход могущественной магии Великого Скарра, известнейшего среди создателей защитных магосистем.

Ответ пришел мгновенно, как только я извлек из-за шкафа длинную удочку с загадочной лопаткой и крючком на конце. Орудие выдвигалось как телескоп и в длину имело не менее шести метров. В рукоятке уды нашлась еще одна улика: флакончик с бесцветной жидкостью. Без запаха.

Я не рискнул попробовать на вкус и бросил бутылочку во внутренний карман плаща. Еще один повод заглянуть в ГУПНИКИС, а именно – в лабораторию. Уже имелись соображения насчет содержимого флакона.

– Ключ пропал! – дворецкий шумно вломился в комнату. Он выглядел живым воплощением Истинной Смерти: сквозь темно-синюю кожу проступала нездоровая белизна.

– Не сомневаюсь.

– Что же делать? – старик заломил руки и прислонился к двери.

– А ничего. Преступление уже свершилось. Товар покинул насиженное место и находится где-то на полпути в Княжество Хаоса.

В последнем утверждении я еще не был уверен на сто процентов. Интуиция подсказывала, что марка все еще находится где-нибудь в доме. Или рядом, в траве, хотя и маловероятно.

– Перейдем к следующей комнате.

Спальня Пиваскаса, удивительно неухоженная и провонявшая потом, не обнаружила чего-нибудь стоящего. Комнаты Марии, Олиель и Натолы не порадовали ничем кроме женской одежды, пьянящего аромата духов и волос, и множества дамских украшений. Амок, Ограм и Торк проживал в небольшом домике на краю пшеничного поля, но я не пожелал туда идти. Интуиция просто вопила, что путешествие к егерю не принесет плодов. К Лумилю мы тоже не заскочили – мои плечи оказались слишком широкими, чтобы протиснуться в дверной проем. Обошлось поверхностным осмотром и похвалой.

– Вы живете, словно в армии. Завидная чистота и педантичность.

По-моему, леприкон только и занимался тем, что ровными рядами строил стулья и заправлял кровать.

– Спасибо, господин, – поклонился дворецкий.

Если комната Лумиля выглядела как светлая казарма для офицеров валибургской армии, то жилище конюхов напоминало свинарник.

– Они жили здесь вдвоем? – спросил я, зажимая пальцами нос.

Три кровати, расположенные буквой «п», кипа прелых носков, грязные кальсоны на дверной ручке... Среди россыпей мусора и впитавшей пот одежды едва проглядывались очертания мебели. Надо ли говорить, что здесь невыносимо пахло потом и конскими испражнениями. Видимо, обитатели комнаты приносили работу на дом.

Стараясь пореже дышать, я перебирал двумя пальцами «сокровища» конюхов. У Пэйра и Рауха не нашлось ничего, кроме нескольких пикантных журналов, зачитанных до дыр. Зато кровать и тумбочка Орлена весьма меня порадовали.

Во-первых я нашел золотую цепочку, зашитую в матрас.

– Случайно, не часть медальона покойного Джувилла?

Дворецкий подтвердил и посмотрел на меня так, словно бы я – не частный детектив, а приход Страшного Судилица. Так и подмывало ему ответить:

– Нет-нет, дорогой мой Лумиль, я не всеведущий колдун, читающий мысли. Просто умею сопоставлять малейшие факты.

Наименее загадочная часть калейдоскопа превратилась в цельную картину. И она мне не нравилась. Хотя бы тем, что совершенно не намекала на события, произошедшие после убийства Джувилла.

В тумбочке обнаружилась мягкое письмо. Кажется, этой бумажкой вытирали нос.

«Милая, ты не представляешь себе, как я соскучился. Пожалуйста, вернись! Ради нашей любви я даже готов открыть тебе страшную тайну. Верись, скоро я стану самым богатым и могущественным оборотнем по эту сторону гор Хаоса. Осталось только передать один предмет знакомому в таверне «Мыс». Еду сегодня ночью, как только получу то, что надлежит мне по праву. Вернусь послезавтра и заберу тебя в Кня...»

Остальной текст был бесстыже замазан не то соплями, не то засохшей грязью.

– Вот и недостающее звено. Хвостом клянусь – писал молодой Джувилл.

Мои умозаключения подтвердились целиком!

Я спрятал письмо в целлофановый пакетик, прибереженный специально для таких случаев. Туда же отправилась цепочка Джувилы, флакон и компактно сложенная удочка с лопаткой.

Дворецкий требовал объяснений, но я лишь загадочно улыбнулся.

– Скажите, дорогой Лумиль, где можно найти вход в секретный коридор?

Леприкон насупился, обиженный моей скрытностью, но все же повел меня на первый этаж. За большой кадкой, где произрастала кошмарно растрепанная герань-исполин, старик указал мне на малозаметную панель. Он прикоснулся к ней своим затейливым ключом и пробормотал что-то вроде «отворись». Открылся темный провал, откуда незамедлительно дохнуло плесенью и холодом.

Я вытащил «Каратель» и активировал осветительное заклинание. Мысленно пожелал себе успеха и шагнул внутрь, не замечая злорадной ухмылки дворецкого.

Едва я оказался в коридоре, вокруг поднялся такой кошмарный звон, что мои уши не выдержали и перестали функционировать. Звуковая волна ударила меня в грудь, ощутимо затрещали ребра. Мое тело, точно арбалетную стрелу, выбросило из секретного хода. Я перелетел через весь холл и приземлился о кухонную дверь. Если бы она оказалась открытой, меня вполне могло перенести через всю кухню, и вышвырнуть в ущелье.

– Вы целы, глубокоуважаемый? – будто сквозь десятиметровый слой колдетона донесся слабый голос Лумиля.

– Скотина, – пробормотал я, с трудом фокусируясь на лице старика.

Отомстил, леприконья морда! За то, что ему не открыли разгадку убийства Джувилы. Был бы умный – и сам бы смог догадаться. Теперь точно ничего не расскажу.

– Скотина? Где? – лукаво спросил дворецкий.

– У вашей мамы в башмаке, – злобно ответил я и с трудом поднялся. Переломов или трещин, кажется, не заработал. Зато ушибов – хоть отбавляй. – Не могли сказать, что проход защищен какой-то магией?

– Не магией, господин, – эта сволочь с трудом сдерживалась от улыбки. Но морщины углубились. Леприкон стал похож на маленькую синюю обезьянку, весьма премерзкого вида. – Пустоты заполнены поющими мыльными пузырями. Никакой магии, н-да.

Понятно. Никто не сможет пробраться тоннелями, не подняв оглушительного шума.

Уши немного возвращались к жизни. Хорошо, хоть барабанные перепонки выдержали.

Я плюхнулся на ближайший диванчик и задумался. Теперь в расследовании появилась трещина. Очень маленькая, но довольно досадная. Я знал, каким образом Джувил стянул отцовскую марку и примерно догадывался, как. Но происшествие с тоннелем принесло дополнительный вопрос. Как этот парень ухитрился бесшумно добраться до кабинета папаши бель-ал Сепио? Ведь кроме мыльных пузырей, если вспомнить слова господина Шамура, есть еще одна загвоздка. Рядом с кабинетом владельца поместья, оружейной и музеем филателии нет секретных ходов! Единственным ответом мог бы стать обнаруженный флакон.

– Желаете еще что-нибудь посмотреть? – сдавленно, задыхаясь от смеха, полюбопытствовал дворецкий.

– Да, возвращаемся в комнату покойного Джувилы. Только мне очень худо – помогите подняться.

Я злорадно взгромоздился на подставленное плечо Лумиля. Он стонал и обреченно пыхтел, но все же дотащил меня до спальни покойника.

Что, съел, противный маленький старикашка? Будешь знать теперь, как издеваться над частными детективами. Стенай, малыш, стенай!

В комнате хозяйского сына мы вскрыли еще одну потайную панель. С некоторыми сомнениями, но все же с уверенным видом, я вошел в темноту.

Лумиль ахнул и приготовился заржать. Но звука не последовало, как и ударной волны от лопающихся пузырей.

Я торжествующе вытащил из тоннеля небольшой магический пылесос.

– Вот и ответ, дорогой вы наш дворецкий. С помощью данного агрегата помаленьку высасывали пузыри с безопасного расстояния и выбрасывали их в провал. Даже не подходя к подоконнику, могу с уверенностью сказать, что окна выходят на обрыв. Ведь так?

Дворецкий подавленно кивнул. Он, без сомнений, хотел насладиться еще одним полетом Ходжи Наследие. Но не свезло.

– Идем!

Лумиль вздрогнул, но все же последовал за мной.

Через сотню метров я ударился голенью о железную лестницу, которая вела на второй и третий этажи. Мы поднялись, не опасаясь пузырей, и прошагали еще немного.

– Где находится кабинет господина Шамура?

– Сюда. Но там тупик.

– Сомневаюсь...

Я оказался прав.

Сперва мы наткнулись на оброненную кем-то кирку. Рядышком покоилась грязная лопата с надломленным черенком – ею сгребали известковое крошево. Дальше, как и ожидалось, вместо тупика нас встретила узкая нора, выдолбленная в монолитной кирпичной кладке.

– Джувил был змейоборотнем?

– Да.

– Полагаю, только змея, пусть величиной с человека, смогла бы протиснуться в этот лаз. Не поможете мне?

Лумиль почувствовал мое злорачество, но все же полез в нору.

– Погодите.

Дворецкий, уже успевший сбросить ливрею, повернулся и злобно уставился на меня.

– Есть веские причины полагать, что вы сейчас, так сказать, с черного входа войдете в кабинет господина Шамура. Не хотите ли услышать достоверную версию о том, как и за что убили его сына?

Леприкон ахнул и сел на груды битых кирпичей.

– Я слушаю вас.

– Итак, – я принял вид всезнающего профессионала и заложил руки за спину. – Начнем с того, что Джувил некоторое время пробыл в плену у Князя Хаоса. Есть предположение, что молодого человека длительное время пытали. Этот факт подтверждает залитый холодным потом дневник убитого. В общем, паренек не выдержал. Послужил ли причиной ослабленный алкоголем мозг, насильственные методы дознания или сладкие обещания, но Джувил сдался.

Хват-лейтенант бель-ал Сепио открыл демонам страшнейший секрет своего отца. А именно – рассказал о существовании некой марки. Полагаю, даже вы не знаете, что это такое?..

– Нет, не догадываюсь даже.

– Так вот, – продолжил я. – Вполне вероятно, что Княжество Хаоса имеет какое-то влияние на Гильдию Ветеранов Валибура. Если же не имеет, и правительству не удалось бы освободить паренька, нашелся бы другой выход. Например, Джувил «бежал» бы из темницы.

– Вы говорите неправду! – взвился леприкон. – Молодой господни не мог...

– И все-таки он смог предать, – перебил я дворецкого. – Парень вернулся домой только с одной целью – похитить секретную марку и преподнести ее Великому Князю. У Джувила в ГУПНИКИСе не обнаружили никаких веществ или чужеродных организмов. Если бы демоны снабдили шпиона всем необходимым еще перед Границей, у него могли появиться проблемы. Вместо этого служители Хаоса прислали в Валибур какого-то помощника, чье имя пока мне неизвестно. Загадочный гражданин Княжества и передал Джувилу некое вещество, сейчас находящееся в моем кармане. С помощью демонской химии, полагаю, сынок отравил отца и смог психически повлиять на господина Шамура. Он добился того, что папаша позволил ему без разрешения входить в комнату. Хотя... нет.

Я не принял во внимание вот эту уду. С ее помощью Шамур отодрал с картины заветную марку без потребности входить в кабинет. Высунул телескопический щуп, не вылезая из норы, и соскреб искомое со стены. Это значит, что глава семьи бель-ал Сепио окончательно не попал под влияние княжеского яда. К тому же, я не знаю, яд ли это вообще. Надо проверить.

Впрочем, оставим эти белые пятна и вернемся к сути.

Джувил прорыл тоннель, отколупнул марку и припрятал ее. Затем послал какую-нибудь весточку своему сообщнику. Мол, товар у меня – готовьте обещанное.

Но парень бессовестно плюхнулся в лужу. И не спрашивайте почему. Решение этой загадки еще предстоит обдумать.

– Кто убил Джувила? – спросили глухим голосом. В тот момент я не понял, что говорит не дворецкий.

– Есть сорок процентов уверенности, что это сделал доспех с третьего этажа. На шестьдесят же процентов я верю, что вазу столкнул... Но давайте же сохраним интригу!

– Хорошо, продолжайте, – тот же голос. Я опять не врубился, что говорит не Лумиль, а кто-то по другую сторону стены.

– На самом деле все очень просто, раз вы спросили, – ответил я бледному леприкону, который безмолвно внимал моим словам и косился на стену. – Полной гарантии пока нет, придется ограничиться допущениями. Но, так уж и быть – расскажу.

До плена Джувил имел амурные отношения с молоденькой горничной, Парто. Когда он без вести пропал, убитая горем девушка бросилась за утешением к известному нам работнику конюшен. Полагаю, они полюбили друг друга и забыли о существовании Джувила бель-ал Сепио.

Но тут внезапно вернулся бывший любовник. Очень грустный и молчаливый – есть все шансы полагать, что ему не слишком нравилась идея воровать драгоценную марку с секретными планами.

Мальчик нуждался в добром слове, хоть какой-нибудь поддержке. Стараясь не раскрыть свой секрет, он попросил Парто вернуться к нему. Девушка заметалась меж двух огней. С одной стороны богатый Джувил, с другой – страстный Орлен.

Не знаю, рассказал ли преступный хват-лейтенант о своих планах, или ограничился найденной мною запиской, но он дал понять своей любовнице, что скоро получит некий предмет и станет невероятно богат.

– Великие боги! – воскликнули за стеной.

– Вы уже догадались? – поинтересовался я у леприкона. Тот еще больше побледнел, сделался лазурным и прикусил нижнюю губу. Либо размышлял, либо уже дошел-таки собственными мозгами.

– Продолжайте же!

– Хорошо. Так вот, нетрудно догадаться, что неосторожная записка позволила будущему убийце Джувила узнать о намерениях жертвы. Когда молодой бель-ал Сепио уже обзавелся маркой, преступник сбросил на него тяжелую кадку и обыскал еще теплый труп. Да, еще отмечу маленький нюанс. Чтобы не оставить следов ауры, цветочную вазу толкнули какой-нибудь длинной палкой или же частью доспеха. Комплект брони на третьем этаже не досчитывается одной рукавицы. Без сомнений, с ее помощью и осуществили задуманное. Полагаю, сейчас железяка надежно прикопана в лесу и нам ее никогда не найти.

– Но кто же убийца?

Я подумал, что спрашивающий – либо тупой, либо не умеет слушать, и укоризненно пощелкал языком.

Лумиль ответил хмурым взглядом. Неужели он так и не догадался?

– До конца истории осталось немного. Имейте терпение!

К большому удивлению злоумышленника, у Джувила не обнаружилось никакого загадочного раритета. Убийца растерялся, ведь все, что удалось найти – фамильный медальон хват-лейтенанта. Ума, чтобы расправиться с жертвой, преступнику хватило, а вот

заглянуть украшению под заднюю стенку...

В общем, убийца очень огорчился. Но, несмотря на сложность ситуации, все же решился заглянуть в таверну «Мыс» и отыскать там сообщника своей жертвы. Раритетную марку он с собой не прихватил, не понимая, что она у него под носом. Дальше – финал. Убийцу Джувила прирезали в портовой таверне, чтобы он не смог рассекретить личность шпиона из Княжества Хаоса. Так что первый преступник у нас – второй помощник конюха Орлен.

– Вы молодец, Ходжа Наследи, – сказали из-за стены. Теперь-то я догадался, что Шамур бель-ал Сепио слышал мои слова. – Найдите мою марку и получите деньги.

– Хорошо, господин Шамур.

Стена ответила рыданиями. Затем послышался хрип и частые удары.

– Что это?!

– У хозяина опять припадок, глубокоуважаемый, – пробормотал Лумиль.

– Надо ему помочь!

– Как? – вздохнул леприкон. – Я не раз пытался, н-да, но как мне войти в комнату, которая незамедлительно меня убьет? Хозяин же без сознания.

– Действительно...

Я активировал «Каратель» и, прихватив с собой дворецкого, пошел по коридору обратно. Но не успели мы сделать нескольких шагов, как мозгомпыютер на моем запястье окрасился алым и завибрировал. Это открыли тайник в комнате Парто!

– Бежим!

Я понесся вперед, размахивая сверкающим клинком. Позади, спотыкаясь и периодически грохаясь обо что-то во тьме, бежал дворецкий.

Мы не успели. Дверь горничной хлопывала на сквозняке, на окнах развивались занавески.

– Убежала?! – завопил я, в бессильной злобе ударяя кулаком о створку двери.

– Недалеко, н-да, – развел руками леприкон. Он взгромоздился на подоконник и указывал на что-то внизу.

Я выглянул на улицу и обомлел.

К подоконнику, со стороны фасада, крепилась веревочная лестница, сооруженная из одеял и женских подвязок. Дальний конец болтался у самой земли. Рядом, безвольно раскинув руки, лежала Парто.

В черепе горничной торчало проржавелое копьё громоотвода.

18

По следам шпиона

Первое валибурское солнце уже иссякло и заваливалось на гребенчатый отрог горизонта. Небосвод блистал бирюзой и тонкими росчерками темно-синего. Над морем собирались тучи. Где-то мелькнула молния, и к дому примчался едва слышимый отголосок далекого грома.

– Видел такой же на крыше.

– Это он и есть, – ответил Лумиль. – Видите? Обломался почти у самого основания и упал вниз. Не могу поверить, что это случайность.

– Полагаете, боги не могут заниматься местью? – улыбнулся я. – Вдруг Парто настигло небесное возмездие?

– Такое бывает только в сказках, – не поверил дворецкий. – Не божественное дело – ковыряться в земных проблемах.

– Вы правы.

Я проверил содержимое трельяжа Парто. Пустая коробочка – ни валла, ни драгоценного слитка. Мышка-служанка выгребла все подчистую, намереваясь бежать из

поместья.

– Тут у нас все. Идемте же, пороемся в складках платья коварной преступницы. Мы отправились вниз.

Обыск бездыханного тела горничной принес немало результатов. Из окровавленной плоти хищно, будто щупальце мифического животного, торчал магиталлический прут. Картина выглядела настолько неприятной, что я едва подавлял периодические рвотные рефлексы, пока осматривал убитую.

В маленькой сумочке, прятанной на тонком ремешке под грудью, нашелся искомый предмет.

– Медальон господина Джувила! – выдохнул дворецкий. – Вы были правы, н-да!

– И представить себе не можете, какой бальзам для моей души – ваши слова. – Я ликовал, потому что оказываюсь прав не так уж и часто.

Позади инкрустированного драгоценными камнями прямоугольника виднелся тонкий, уже волоска, ювелирный шов. Такие делают для укрепления двух золотых пластинок между собой. И для обустройства тайничка, конечно же.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы превратить острие «Карателя» в иголку и раскрыть медальон.

– Пусто?! – мои надежды рухнули, как валибурские стены во время Великой Тридцатой Войны с Хаосом. – Но где же она?

Леприкон молчал, ожидая от меня озарений.

У меня же закончились светлые мысли. Я мог только бессловесно хлопать варежкой и почесывать подбородок.

В натальной сумочке Парто, кроме горстки валлов, четырех слитков золота и серебряной мелочи больше ничего не нашлось. Да чтоб мне хвост оторвали! Ни одной зацепки!

– Может, осмотрим другие места преступления? – несмело предложил дворецкий. – Вы еще не видели комнаты госпожи Сельвии.

– Кстати! – я хлопнул себя по лбу и поразился внезапной звонкостью звука. – Идем на чердак.

– Чердак, господин?

– Ну да, такое грязное помещение под крышей, заваленное рухлядью и мышиными трупами, если вы не знали.

– В доме бель-ал Сепио не бывает грязи, н-да! – грозно заявил Лумиль. Он надулся, выпятил грудь и, кажется, стал немного выше. Великое дело – негодование.

– Ну так сами посмотрите, если не против.

– Грязи в доме НЕТ!

Я легонько подхватил старика под локоть и повел его к дому. Леприкона надлежало беречь – ему до поздней ночи придется вызывать в поместье дубльвилльскую полицию и вывозить трупы прислуги. Папаше Шамуру я тоже не завидовал.

Мы шли, не вступая в беседу. Дворецкий был слишком подавлен сообщением о преступной деятельности молодого Джувила, а меня коробил внезапный поворот расследования.

Почему паршивая марка не нашлась в медальоне? Когда ее успели извлечь? И как ее смогли передать?

Все факты указывали на то, что после убийства хват-лейтенанта бель-ал Сепио, конюх Орлен не нашел-таки марку. Если бы Парто и ее любовнику посчастливилось сразу обнаружить реликвию, они бы мигом сбежали из поместья.

Скорее всего, после убийства конюх признался горничной, что не преуспел. Он отдал девице медальон, а себе оставил золотую цепочку. Наверняка собирался продать золотишко по звеньям и истратить выручку на пиво. Что же было дальше?

Предположим, Парто и Орлен пришли к выводу, что надо бы побольше узнать о секрете Джувила. Они надеялись, что княжеский шпион сообщит, чего конкретно ему

требуется в доме бель-ал Сепио. Потому конюх поехал в Валибур и посетил таверну «Мыс».

А вот тут у нас появляется загвоздка! Каким образом глупый работник конюшни узнал шпиона? Ведь если бы не узнал – остался бы в живых. К тому же, передай он марку, убийства в доме несомненно бы прекратились.

Итак, необходимо вычислить личность шпиона. Кто он или она?

Ответ невероятно прост. Апологет Хаоса – кто-то из живущих в поместье. Кто-то, кого Орлен мог знать в лицо. Но большинство обитателей дома бель-ал Сепио годами не выходили за пределы стен. К тому же, если бы шпионом оказался кто-то из слуг или родных, Джувил не собирался бы в далекую поездку. Следовательно, представитель Княжества – житель Дубльвилля. К тому же необычный.

Шпион хоть однажды должен был гостить в поместье. Иначе конюх не смог бы его узнать. Также под подозрением соседи бель-ал Сепио и работники городских конюшен. Если верить показаниям свидетелей, Орлен считался едва ли не отшельником. Он никогда не шлялся по кабакам Дубльвилля, предпочитая тихое пьянство с двумя братьями и страстными поцелуйчиками с Парто. Значит, надо искать только среди ближайшего окружения обитателей поместья.

Второй вопрос: когда и как передали марку?

Тут меня осенило. Убитый Пэйр!

Парто могла смекнуть, что искомое находится в медальоне. Скорее всего, догадалась-таки. Стараясь не привлекать внимания, она состряпала безграмотную записку и бросила ее собутыльнику своего погибшего любовника. Но и тот отбросил копытца...

Стоп! А почему это я решил, что Пэйр загнулся ДО передачи марки?

Записка была очень свежей. Мозгомпытер подтвердил: степень высыхания чернил указывает на то, что возраст писульки «... в память о друге...» – несколько часов.

Первый помощник конюха работал целое утро, ковыряясь в кустарнике. Кто сказал, что у него не нашлось бы времени, чтобы заполучить марку и передать ее шпиону Хаоса? Пэйр мог согласиться на просьбу Парто, хапнуть реликвию и быстренько смотаться в город. О записке он просто забыл, сунув ее за отворот садовой рукавицы.

Так что передача состоялась!

Но в сумочке Парто обнаружилась только мелочь. Никаких громадных деньжищ или банковских векселей. Значит, княжеский шпион получил заветную марку бесплатно. Вероятно, он пообещал Пэйру, что рассчитается непосредственно с Парто. К тому же, конюх мог и не знать о каких-либо деньгах. Скорей всего, служанка-мышка не сообщила ему об этом.

Итак, передача осуществилась без денег. Но горничная пыталась убежать из поместья, прихватив с собой самое ценное. Это означает, что возвращаться она не собиралась. Итог: девица направлялась к шпиону Княжества, чтобы неслыханно разбогатеть и свалить куда подальше.

И последнее. Почему Пэйр вернулся обратно живым? Шпион, несомненно, не хочет, чтобы раскрылась его личность – потому и прирезал глупого Орлена. А Пэйр вернулся... Не потому ли, что его, в компании со шпионом, видело слишком много народу?..

– Подождите меня, дорогой Лумиль, – вскричал я, осененный ярчайшей вспышкой озарения. – Скоро вернусь!

Стремительная перебежка к воротам поместья принесла результаты. Рядом с привратницей стояли две тощие клячи, привязанные к специальной стойке для лошадей.

– Зачем врываться с-столь неожиданно? – хмуро прошипел Насс, приподнимая голову-цветок над кадкой, когда я вбежал в его логово.

– Первый помощник конюха выезжал куда-то сегодня?! – едва не закричал я.

– Закройте с-сперва калитку, – потребовала кровавая орхидея. – Не люблю с-солнечного с-света, будь он неладен.

Пришлось повиноваться.

– Это лошадь Пэйра стоит у ворот?

– Да, – цветок утвердительно качнулся вверх-вниз. – Он уезжал с-сегодня утром за овс-сом.

– Привез? – спросил я довольным голосом.

– Нет, вернулся с-с пус-стыми руками. С-сказал, что лавка Труцля еще закрыта. Он с-собирался с-съездить еще раз. Пос-сле обеда.

– А кому принадлежит вторая лошадка? – мое сердце замирало в предчувствии разгадки.

– Милашка Парто, – ответил Насс. – Пэйр с-сказал, она хочет прикупить с-специй на кухню.

– Благодарствую тебя, прекраснейший из цветков!

– Приятно с-слышать лес-стные с-слова, – бутон слегка приоткрылся, что означало улыбку. – Еще что-нибудь? А то вы ос-ставили калитку приоткрытой – внутрь проникают лучи проклятого с-солнца.

– Прошу меня извинить, – я вознамерился уходить. – Кстати, Насс, очень вас прошу: никого не впускайте и не выпускайте из поместья без моего разрешения.

– Лумиль предупредил меня, что с-сегодня вы здес-сь вс-сем управляете, – согласилась кроворхидея. – Хорошо. Будьте уверены: мимо никто не прос-скочит.

Удовлетворенный, что не ошибся, я вернулся в дом. Сейчас надлежало подтвердить свои подозрения и собираться в город. Возможно, осмотр трех комнат даст какой-нибудь намек на личность шпиона из Княжества. А пока на очереди числился чердак.

Но как же хочется спать, клянусь всеми богами!

Дворецкий нервно прогуливался возле чердачной лестницы.

– Узнали что-то новое, м-да. – Он даже не спросил, а утвердился в своем мнении, заведя мою довольную физию.

– Немало. Сейчас быстренько осмотрим интересующие меня места, и я отправлюсь в город.

– С чего начнем? – старик благоразумно не приступил к расспросам.

– Сперва поглядим на маленькую странную комнатку на черда... э-э-э... Э-эй?! Куда она подевалась?!

Мы очутились на чердаке и остановились под сенью второго валибурского солнца. Косые лучи изумрудного света выбивались из ближайшего окошка и плясали на лысине леприкона.

– Что за дрянь?!

Под крышей оказалось очень мило и уютно. Никаких завалов старых книг, ни одного поломанного шкафа или стула. Ни малейшего признака разодранного матраса и полуистлевших дамских подвязок. Здесь даже пыли не обнаружилось. Ровно, как и загадочной комнаты со стелой внутри.

– Ну и где вы увидели дрянь, господин? – Лумиль окинул меня лукавым взглядом и торжествующе ткнул указательным пальцем куда-то вглубь чердака. – Вы не найдете здесь никакой дряни, н-да. Можете быть уверены.

– А где же рухлядь? – у меня подрагивало левое веко от удивления. – Еще какой-то час назад здесь было множество дырявых носков, гнилых мокасин и запыленных книг.

– Напомню, н-да, – насмешливо покачал головой дворецкий. – Я работаю здесь целых триста два года. И не найдется ни одного дня, когда бы на чердаке вверенного мне поместья обнаружилась хоть горстка пыли!

– Но ведь было же, было!

Мозгомبيوتر сканировал помещение, тщетно пытаясь обнаружить малейший признак магического воздействия. В последнюю сотню лет здесь совершенно точно никто не колдовал. На чердаке обнаружился только горячий след от моей ауры. И больше никакого.

– Что было? – хмыкнул леприкон.

– Потемневшие от времени пододеяльники, тумбочки, разбитые бутылки...

– Вы издеваетесь, господин детектив?

– Нет! А еще, вон там – в левом углу – находилась полупрозрачная дверь, покрытая пылью. За ней – маленькая детская комнатка. В центре я нашел высокую колонну из мрамора, с рисунком...

Дворецкий хмуро косился на меня. Кажется, он колебался между идеей вызвать мне врача из психиатрической лечебницы и мыслью пнуть меня под зад.

– Вы хотите разыграть старика?

– Но ведь было...

– Глубокоуважаемый Ходжа. Когда я приступил к выполнению обязанностей в этом доме, чердак действительно производил неизгладимое впечатление городской свалки. А уж пахло тут... н-да. Целый месяц потребовался, чтобы расчистить и проветрить каждый кубический метр от накопившегося хлама. Но повторю: триста два года здесь царят порядок и пустота. В точности, как сейчас!

Я еще раз запустил сканирующую программу. И опять ничего не обнаружил.

Может, проклятый леприкон собрался пошутить надо мной? Пока я бегал к воротам, дедок по-быстрому здесь убрался и спрятал загадочную комнату в какое-то подпространство? Нет? Мозгомпытер не врал: в помещении после моего ухода ничего не трогали. Что же я тогда увидел?

– Вы утверждаете, что не знаете о существовании лишней детской комнаты на чердаке?

– Почему лишней? – удивился Лумиль. – Тут и нелишней-то нету, н-да.

– Но...

– Господин детектив, – внезапно подобревшим голосом обратился ко мне леприкон. – Может, вы плохо спали этой ночью, а?

Плохо? Да я практически глаз не сомкнул, разрываясь между любвеобильными сестричками бель-ал Сепио!

– Неужели привиделось?

– Полагаю, вы немало утомились, глубокоуважаемый, – дворецкий схватил меня за руку. – Рекомендую отправиться в постель. Вам и так уже удалось раскрыть убийство молодого Джувила, н-да. Может, отдохнете?

– Не надо, – я все же позволил дворецкому проводить меня до лестницы. – Еще три комнаты, а потом – в город.

– Как хотите.

Когда мы вышли за порог, я повернулся и вновь посмотрел на чердак.

Пусто. Но мне почему-то казалось, что в зеленоватом сиянии окошек, сквозь призрачную метель микроскопических порошинок, виднеется мраморная стена.

Меня одолела зевота, а мозг потребовал экстренного отключения. Слишком много всего свалилось за один насыщенный приключениями день. Перед полуприкрытыми глазами танцевали стены, голову наполнял непроницаемый туман.

Я надеялся, что не усну на лестнице. Не слишком приятно просыпаться в больнице с магипсовой повязкой на шее.

Спальня, из окна которой сиганула госпожа Сельвия, очень напоминала комнатку покойной Парто. Разве что места больше, да зеркало шире.

Взлетная полоса кровати под балдахином, несколько тумбочек, комод из красной сосны. На стенах и потолке – светло-розовые обои с ненавязчивым рисунком. Окна украшены тончайшими занавесками, ставни настежь открыты. Рядом со шкафом для одежды поблескивал доспех. Но я даже не стал его проверять. Какой прок? Все равно ничего не обнаружу.

Мы прошлись по мягкому ковру, и едва не утонули в глубоких креслах. Организм напомнил, что надо бы поспать, мои глаза непроизвольно закрылись. Сквозь дрему я расслышал, что Лумиль рассказывает мне о подробностях «самоубийства» Сельвии бель-ал Сепио.

– Мы услышали крик и сразу же примчались сюда... Она висела на вот этой самой створке, н-да, и пронзительно верещала. Кстати, голос у нее оказался невероятно противным

и грубым...

Я бессовестно дрых, изредка похрапывая, когда в монологе леприкона образовывались паузы. Вероятно, дворецкий воспринимал их как утвердительные восклицания.

— ... едва открыли дверь, в комнату ворвался ветер. Створка широко распахнулась, ударилась о стену с наружной стороны... госпожа полетела вниз, издавая ужасающие вопли. Н-да, у меня до сих пор волосы на затылке дыбом... Страшный же голосок был у молодой госпожи, какой-то пугающий... бла-марла-гла-бар-гла-мар-ма-гла...

Казалось, прошло всего несколько секунд.

— Не хотите ли хук-кофе?

— Нет, спасибо, любимая. Лучше снимай это мерзкое неглиже и иди ко мне, моя сладенькая...

— Вы спите, глубокоуважаемый? — донеслось из глубокого колодца.

— Что?.. Нет!.. Внимательно слушаю. Продолжайте, дорогой Лумиль, — сознание подсказало необходимый ответ.

— А нечего продолжать. Я почти полчаса храню молчание. Вот только предложил вам бодрящего напитка, когда вы пустили носом пузырь и попытались похлопать меня за грудь.

Мои глаза приоткрылись, и сквозь светло-зеленый ореол приоткрытых створок окна прорисовалось оскаленное лицо дворецкого.

— Прошу прощения — уснул.

— Полагаю, женщины от вас в восторге, н-да. Вы даже в глубоком сне стараетесь кого-то соблазнить и не теряете шарма даже с пузырями в носу.

Я покраснел и вытер лицо платком.

— Еще раз извините.

— Да ладно, — небрежно отмахнулся Лумиль. — Мы, старики, понимаем, что здоровому оборотню иногда необходим здоровый сон. К тому же вы очень забавно себя ведете, когда выпускаете храп и вдруг вопите «Демоны! Демоны атакуют!».

— Когда такое было? — удивился я. После кратковременного сна в памяти не осталось никаких следов от демонов или их атак.

Дворецкий улыбнулся.

— Вот как только уснули — сразу и завопили. Причем побледнели так, будто бы вас заживо похоронили, н-да.

— Странно...

Я никак не мог припомнить никаких сновидений, связанных с демонами. Случается, мне снится осада Валибура и кровавый день, когда мое отделение боевых оборотней гибло на Погребальном поле. Никак не забуду те страшные картины покрытых копотью клинков, искрящейся магии и мускусного запаха демонов. Запаха?..

Я принюхался и тут же уловил ненавязчивый аромат. Очень знакомый и донельзя неприятный.

— Чувствуете? — вопрос адресовался Лумиллю. — Вы тоже чувствуете это?

— «Это» что? — не понял дворецкий.

— Характерную секрецию.

— Чего?

— Запах демона!

— Знаете, глубокоуважаемый, — строгим тоном сообщил леприкон. — Я сейчас же отправлю вас в комнату для гостей, н-да Вы очень нехорошо выглядите. Сначала вам мерещатся комнаты-призраки на чердаке. Потом демоны...

— Тихо! — взревел я, прикасаясь пальцами к хрустальному циферблату мозгомпьютера.

Оборотни обладают весьма тонким нюхом. По ветру мы способны уловить малейший запах крови или какой-нибудь экзотический аромат. Никакой гоблин, гремлин или эльф не в состоянии тягаться по части обоняния с натасканным оборотнем-ищейкой. А уж тем более с таким, кто прошел сквозь ужасы войны. Каждый перевертыш-оперативник на своем веку навидался стольких демонов из Княжества Хаоса и Дальних Кругов, сколько никто в

Большом Мире.

Моих ноздрей касался несмелый привкус недружелюбного субъекта. Довольно старый, но все же осязаемый запах. Мозгомبيوتر подтвердил – в комнате обнаружены следы от ауры демона-молчуна.

Меня посетило озарение.

– Скажите, дорогой Лумиль, вы воевали?

Дворецкий смутился.

– Нет, господин. У меня плоскостопие.

Я неумышленно улыбнулся.

– А вы когда-нибудь встречали демона?

– Видел. И много раз – в новостях «Скандалнета».

– Имеется в виду другое. Вы встречались с каким-либо демоном?

– Нет, – пожал он плечами. – Боги миловали, н-да.

– Хорошо. Тогда другой вопрос. Кто-нибудь из слуг или семьи бель-ал Сепио принимал участие в боевых действиях?

– Кроме господина хват-лейтенанта Джувилы – нет.

Вот и ответ. Почти все обитатели поместья – оборотни, а значит, обладают отличным нюхом. Но никто, кроме покойного сына Шамура никогда не видел демонов вблизи. И, конечно же, не мог его обнюхать. Откуда доморощенным перевертышам знать, как пахнет кровный враг? Это значит, что к ним можно без особого труда внедрить шпиона из Княжества. Причем даже без магического прикрытия.

Демоны-молчуны невероятно тупы. Но умеют, как и морфоборотни, менять черты лица и структуру тела. Любой молчун – идеальный разведчик, способный превратиться в любое существо, примерно равное ему по весу. Впрочем, демонов-зеркальщиков, как их называют по-другому, почти не используют против Валибура. Какой толк от маскировки, если любой оборотень, хотя бы единожды унюхавший демона, незамедлительно разоблачит шпиона «в макияже»?

А вот поместье бель-ал Сепио, несмотря на мощную магическую защиту, оказалось безопасным полигоном, куда этих самых молчунов можно забрасывать пачками. И никто их не раскроет.

Бедная Сельвия. Я мог только представить, что сделали с настоящей кухней бель-ал Сепио.

– Если не изменяет мне память, кухня Сельвия прибыла через несколько дней после смерти господина Джувилы?

– У вас хорошая память, глубокоуважаемый. Вы не ошиблись.

Теперь, мой дорогой Лумиль, мы наведаемся в комнату господина Торли.

– Вы ничего не будете здесь осматривать? – удивился дворецкий.

– Зачем? Я все узнал.

– Даже в чемоданы не заглянете?

– Если вы не открывали их перед похоронами, то будете очень удивлены. Полагаю, там нет ничего интересного. Вообще ничего. Хотя, можете сами посмотреть, если уж нейметя.

Леприкон немного подумал, колеблясь. Затем природное любопытство взяло верх, и он вытащил из-под кровати большой цветастый баул.

– Вы правы... – ошарашено пробормотал Лумиль, вываливая содержимое сундучка на ковер.

Раздался тихий шелест. Из баула посыпались газеты и какие-то справочники.

– Уверен, в других сумках вы обнаружите то же самое, – разулыбался я.

Так и оказалось.

– Но что же это, н-да?

Леприкон выглядел очень забавно. У него на лице одновременно блуждали выражение глубокого удивления и животного ужаса. Старичок понимал, что вокруг творятся немыслимые вещи. Но вот какие – пока не догадался.

– Идем? – я подтолкнул дворецкого к двери.

При жизни Торли обитал на первом этаже. Как и кузина Сельвия, торговец канцелярскими товарами внезапно вернулся в Дубльвилль точнехонько после кончины Джувилла.

Комната негоцианта являлась абсолютной копией жилища Парто. Имелись только два отличия. Во-первых, отсутствовал старинный трельяж, а во-вторых, присутствовал начищенный до блеска доспех боевого оборотня.

За небольшой портьерой обнаружилась богато обставленная ванная. Внутри драгоценная плитка с напылением из позолоченного драконьего зуба, никелированные (невероятно дорогое удовольствие!) краны, зеркало во всю стену и мраморная ванная. На длинной каменной полке лениво возлежали белоснежные полотенца, теснились баночки с одеколоном и разнообразными шампунями.

– Это вещи Торли? – спросил я слегка удивленно, указывая на флаконы.

Дворецкий подтвердил:

– Да, рушники его. И половина туалетных вод.

– Странно...

Я улавливал более четкий запах демона, чем в комнате Сельвии. Противник гостил здесь совсем недавно.

Но как он додумался притащить с собой личные вещи? Обычно зеркальщики не в силах придумать сколь-нибудь хитрое прикрытие. Вероятно, узнав, что первый молчун потерпел поражение, в Княжестве Хаоса вырядили более умного шпиона.

И ванна, и комната, казалось, впитали дурной запах. Мертвые демоны воняют куда похуже живых.

– Здесь тоже закончили, – я похлопал Лумиля по предплечью. – Можем идти в комнату детектива.

– Разрешите посмотреть чемоданы?

О, старичку понравилось рыться в чужих вещах! Когда-нибудь из него получится замечательный детектив. Или таможенник...

– Смотрите на здоровье.

Зашелестели бумаги. В сумках Торли обнаружился запасной комплект белья и уже знакомые газеты.

– Преступник явно не рассчитывал остаться в поместье надолго, – заключил я.

– Но что же он здесь делал, этот демон, н-да?

– Искал заветную марку, конечно.

– А кто его убил?

– Если бы я знал ответ на этот вопрос – давно бы катил по направлению к Валибуру с десятью тысячами валлов в карманах.

– А я догадываюсь, – для усиления произведенного эффекта леприкон приподнял указательный палец и ткнул им в потолок.

– Могу предложить половину гонорара, – развел я руками. – Ведь мне удалось найти убийц Джувилла. Кроме того...

– Мне деньги не нужны! – возмутился леприкон. – Я – за идею, н-да.

– Все бы так... Но поведайте, кто же этот демонский негодяй, лишаящий жизни и оборотней, и соучастников-демонов.

– Уверен – это господин Шамур. Вспомните: перед каждым убийством хозяину становилось плохо. Перед каждым! А что, если из него вылезает злой дух, и давит обидчиков? Потом фантом возвращается в тело дорогого господина и стирает ему воспоминания.

– Но... – я осекся и призадумался.

Слова дворецкого имели смысл. Ведь и меня, чуть раньше, посещали подобные мысли. Что, если подброшенная Джувилом жидкость пробудила в папаше бель-ал Сепию какие-то демонские штучки?

«Самоубийства» начались после гибели хозяйского сына, к смерти которого Шамур не имел отношения. Приступы неведомой психической болезни, после чего непременно умирал один из обитателей дома.

Но от Шамура бель-ал Сепио никак не пахло демоном. К тому же я присутствовал при одном из его помешательств. Нет, здесь что-то другое. Хотя, вполне возможно, хозяин поместья каким-то образом имеет к «самоубийствам» отношение.

– Надо обязательно проверить эту версию, – сказал я без особой уверенности. – А сейчас давайте пошуршим в предсмертной конуре предыдущего частного детектива, и буду собираться в город. Может, Рукул намекнет, где искать убийцу или четко укажет, что злой гений – Шамур бель-ал Сепио.

Воздух настолько провонял секрецией демона, что меня едва не стошнило. Ноздри чувствовали близость вражеского существа, и через мозг передавали тревожные сигналы. Рука сама по себе опустилась на рукоять «Карателя».

– Даже я почувствовал, – признался Лумиль. – А ведь мы только открыли дверь.

Комната погибшего «детектива», который на самом деле был Рукулом не больше, чем я, встретила нас весьма экстравагантно.

Прямо над кроватью у открытого окна болталась пара ног в запятнанных кальсонах. Ноги приветственно покачивались под дуновением вечернего ветра.

– Ой, слуги еще не успели его убрать...

– А натекло-то сколько, – уважительно присвистнул я. – Знаете, дорогой Лумиль, вы были правы там, на чердаке. Вы управляете необычайно чистым домом. Нигде не найдешь и грамма пыли и грязи. Вот только крови предостаточно.

Леприкон густо посинел, что видимо означало крайнюю степень стыда.

– Ну...

На горле трупа белел окровавленный удав туго свернутой простыни. Во время конвульсий Рукур откусил себе язык, и бессовестно испачкал всю свою одежду. Под висящим «оборотнем» темнела маслянистая лужа, растекшаяся пятнами испражнений и свернувшейся крови.

– Необычайно похож на оборотня, – дворецкий, содрогаясь от смелости, потрогал погибшего за длинный кошачий хвост.

– Но перед нами – демон.

Я тщательно осмотрел место происшествия и порылся в багаже детектива. Как и ожидалось, кроме пары запасного белья и нескольких флаконов с духами (нетрудно догадаться, что одеколоны Рукур использовал для сокрытия характерного запаха) ничего не нашлось.

Зато изрядно затвердевшее с ночи тело рассказало о многом.

На бледных щиколотках виднелись темные синяки. Кто-то поддерживал Рукура за ноги и тащил его вниз, не позволяя освободиться из петли. К тому же надо обладать недюжинной силой, чтобы впихнуть смертельно опасного демона в бельевую удавку и дожидаться его медленной смерти.

– Не сомневаюсь, что липовый детективчик отбивался, – размышлял я вслух. – Но среди всех обитателей дома мы не увидели никого, украшенного синяками или ссадинами.

– Действительно, н-да.

Я подошел к стоящему (а как же без него?) у двери доспеху. Броня насмешливо таранилась на меня темными прорезями шлема, словно спрашивая: думаешь, это я его убил?

Как и прежде, ни внутри, ни снаружи доспеха не обнаружилось и грамма магии. Зато нашлись следы на рукавицах. В едва заметных соединениях магиталла остались белые ниточки ткани. Мозгомبيوتر подтвердил – нити принадлежат к подвешенной за люстру простыне. Кроме того на шлеме боевой брони наличествовали глубокие царапины и парочка вмятин, окруженные капельками крови.

– Видите? – я указал дворецкому на следы борьбы. – Рукур хорошенько надавал убийце по голове. Проверьте – у него ободраны костяшки пальцев.

– Точно, н-да... И что же, мы нашли убийцу? – обрадовался леприкон.
– Нет, к сожалению. Трибунал Девятнадцати Демонов никогда не признает убийцей бездушную вещь, не обладающую хотя бы примитивным сознанием. Перед нами орудие преступления.

– А я так надеялся, н-да...

Я поднял со спинки кресла штаны убитого демона. В карманах что-то зазвенело.

– Не печальтесь, кажется, мы с вами ближе от решения этой загадки, чем думаем.

На моей ладони лежали несколько серебряных слитков и фишка из казино. Это подтвердило мои подозрения.

На пути к воротам я заскочил к добросердечной кухарке, перекусил и перекинулся с нею несколькими словами.

Когда внутренняя калитка уже приотворилась перед моим носом, меня догнали. Ко мне подбежал запыхавшийся дворецкий, за ним – один из гоблинов-близнецов. Не то Торк, не то Ограм.

– Что случилось? Очередное убийство? – я приготовился к возвращению обратно.

– Погодите, милейший Ходжа, – потребовал Лумиль. – За стенами может быть опасно.

– Уж не опаснее, чем внутри этих стен. Так что, кого убили на сей раз?

– Никого, – успокоил меня леприкон. – Мы здесь ради вашей безопасности. Я настоятельно рекомендую взять с собой Ограма – он сможет помочь вам, если внезапно атакуют демоны.

– Не возьму.

– Возьмете!

– А почему Ограм не скажет: хочет он со мной, или не хочет?

– Угу, – сказал охранник поместья.

– Что «угу»?

– Да хочет он.

– Угу.

– Он вообще умеет разговаривать?

– Угу.

– Мне не нужны немые помощники!

– Он не немой.

– Угу.

– Я всегда работаю один.

– И все же возьмите его с собой! Иначе скажу хозяину, чтобы аннулировал гонорар.

Старик вполне был на такое способен. Потому я вздохнул и подчинился после нескольких минут столь же бессмысленного диалога.

Когда предупрежденный Насс открыл ворота, рядом со мной, на лошади Пэйра покачивался угрюмый гоблин. За время путешествия мы не сказали друг другу ни слова.

19

Логово Хаоса

– А ты веселый парень, погляжу, – обратился я к Ограму, когда мне осточертело молчание.

– Угу.

Дубльвилль уже показался из-за поворота и надвигался на нас со скоростью лениво бредущей клячи. Правее к скалам прижималась бесконечная стена из колдетонных глыб – Граница. Слева от селения бежали золотистые поля бобовой и луковой пшеницы. На сочных луноподобных колосках, достигавших четырех с половиной метров высоты, играли темно-синие искорки первого заката. Второе валибурское солнце еще катилось по небосклону, нестерпимо раздражало глаз фантастическими тонами апельсинового и

светло-изумрудного.

Над головой жужжали назойливые пси-мухи. Проклятые твари так и норовили шлепнуться на затылок и похитить парочку мыслей. Я активировал защитный кокон «Карателя» и не перестал опасаться насекомых. Ограму же похищение мыслей не грозило – видимо, не хватало извилин. Пси-мухи старались к нему не приближаться. Наверное, боялись отупеть.

– Знаешь кратчайшую дорогу к центру города? – спросил я гоблина, когда городские ворота остались за спиной.

– Угу.

Мы еще какое-то время проехали по главной улице, ведущей вниз вдоль приземистых домишек. Всюду шелестело влажное белье, оно закрывало видимость, путалось в кронах деревьев и даже набивалось в окошки домов. Стольких подштанников, трусов и маек я еще не видел. У меня сложилось впечатление, что жители Дубльвилля только и делают, что стирают. Или же пограничный городок населяют только матерчатые призраки одежды давно погибших обитателей.

Как и прежде, на улицах почти не топтались горожане. Большинство суровых защитников границы либо вкалывали во вторую смену в темных шахтах, либо набирались пивом и амброзиумом.

Словно в лучших традициях фильмов о пограничье, из маленьких салунов то и дело выскакивали избитые оборотни. Они витиевато матерились, выказывая несомненное знание нескольких десятков языков, и бросались обратно. Некоторые вылетали из кабаков вперед макушками и бездыханно валились на брусчатку. Убитых не нашлось, но над безжизненными трупами то и дело вздымался повитый перегаром храп.

– И где же ближайшая дорога? – спросил я у молчаливого спутника.

Тот надолго задумался, поковыривая когтистым пальцем в носу.

– Первый вопрос «знаешь ли ты кратчайший путь» подразумевал «покажи дорогу», – пояснил я гоблину.

Ограм нахмурился и положил тяжелый двуручный топор на луку седла, освобождая правую руку. Левая по-прежнему занималась извлечением ценных ископаемых из зеленого носа охранника.

– Не утомился от столь сложной операции?

Ограм все так же молчаливо указал вперед.

Я удивленно поглядел на обрисовавшийся в сумерках театр и громаду Колизея. Скамейка, где обычно отдыхал местный Мэр, пустовала. Рядом высилась впечатляющая кучка птичьего помета. Кое-где зажигались магические вывески. Открылся муниципальный бордель, из окошек то и дело высывались напомаженные мордочки проституток.

Гоблину как-то удалось провести нас к центру без лишних диалогов. Мое мнение о хмуром Ограме взлетело до небес.

– Благодарю тебя, о молчаливый воин, указавший необходимую дорогу. Честь тебе и слава! Но лучше вынь палец из ноздри – не то, грешным делом, покалечишься.

– Угу, – гоблин вытащил палец и что-то промычал. Это, вероятно, говорило о том, что грязный ноготь пока не задел мозга. Да и откуда они у сверх интеллектуального гоблина?

Мы свернули к вокзалу, откуда доносилось приглушенное всхрапывание бастарка. Живовоз не то недавно прибыл, не то готовился к отбытию.

– Слезай с лошадки и внимательно слушай! Поясняю порядок действий.

Ограм спешил одновременно со мной и привязал наших кляч к ближайшему столбу уличного освещения.

– Значит так, – назидательно сказал я, тыкая пальцем в сторону интересующего меня заведения. – Сейчас я зайду вон туда. Молодец, правильно смотришь, – вот в этот милый дом. Когда войду, ты отсчитаешь тридцать минут. Знаешь такую цифру? У тебя есть часы?

Гоблин приподнял левую руку и показал мне ремешок мозгомпьютера.

– Отлично. Так вот, если я не выйду спустя полчаса, берешь свою замечательную

секиру, и выбиваешь дверь. Позволяю лупить каждого, кто попадет под горячую лапу, потому как наиболее вероятно, к тому времени на полу будет валяться мой бездыханный труп. Понял? Или повторить еще раз?

– Угу.

Пришлось объяснить повторно, причем Ограм смотрел на меня, как на умалишенного.

– Теперь понял?

– Угу.

Какой замечательный чуткий собеседник!

Я пожал плечами и пошел вперед, нервно теребя рукоять «Карателя».

– Желаю удачи, глубокоуважаемый, – донеслось мне вслед, и я едва не подпрыгнул от удивления.

Ограм лениво прислонился к стене ближайшего дома и извлек из-под кольчужной рубашки толстую тетрадь. На обложке виднелась надпись: «Субатомная магофизика».

У меня глаза едва не вывалились из черепа. Читающий гоблин, да еще и...

– Ты почему молчал?

– Умному созданию, погруженному в глубины мысли, нет нужды вступать в пустые разговоры, глубокоуважаемый.

– Да уж...

Меня будто из бочки окатили. Я пошел вперед, чувствуя, что крепко облажался перед зеленокожим парнем.

Нетрудно догадаться, по какому направлению шагали мои усталые ноги. Над головой покачивалась вывеска «Игорный дом для умников». Да-да, первым и единственным кандидатом на роль шпиона из Княжества у меня числился бывший любовничек Марии бель-ал Сепио.

– Казино закрыто! – грозно предупредили меня из задымленного полумрака, когда я переступил порог.

Я оказался на маленьком пятачке искусственного света, льющегося из настенных светильников. Помещение, как и надлежит игорным домам, оказалось просторным залом, обитым красными обоями и уставленным пятеркой овальных столов. За каждым таким столиком торчала девица-крупье в полупрозрачном бикини. На стульях важно расселись десятки мужиков. Вероятно, местных жителей.

К моему удивлению, здесь не чувствовался запах демонов. А должно вонять, как во дворце Хаоса! Лишь позже удалось заметить четыре бочки с антиоборотневым репеллентом, расставленных по углам заведения.

– Ты оглох? – грозно спросил меня воинственного вида пантероборотень с алебардой в руках. – Сказано: казино закрыто.

– Неужели нельзя потратить немного денег? – взмолился я, оценивая потенциал возможного противника. Выпуклым надбровным дугам этого типа смогла бы позавидовать даже тупейшая обезьяна. Идеальный мордоворот.

– Казино закрыто!

– А если покажу вот это?

Под носом оборотня показался кругляш игровой фишки, найденной в карманах покойного «детектива». Предположительно, она служила пропуском.

– Вали отсюда! – охранник даже не посмотрел на мою находку.

Итак, вероятностная ошибка. Фишка могла принадлежать какому-нибудь другому заведению. Но логика упрямо подсказывала: единственный горожанин, имевший доступ в поместье и которого мог узнать убиенный Орлен – виконт дел-ар Мелло.

– Мне надо видеть виконта дел...

– Проваливай! – острие алебарды свистнуло в пугающей близости от моего лба.

– Ладно, – я отскочил к двери. В зале кто-то хмыкнул, с интересом наблюдая за событиями. Несомненно, здешним завсегдатаям казалось, что некоего частного детектива сейчас вышвырнут на улицу. – Но через полчаса мы вернемся сюда с отделением

таможенной полиции. И перетряхнем здесь каждую половицу, пока не найдем свои деньги!

– Какие деньги? – слева приоткрылась небольшая дверь, и оттуда выглянул бородатый мужик в изысканном костюме.

– Казино закрыто! – в последний раз сообщил охранник и двинулся на меня.

– Стоять, Гаврул! Место! Или на цепь захотел?! – рывкнул оборотень (или демон?) из полумрака. – Итак, какие деньги вы имели в виду?

Последний вопрос адресовался мне.

– Вы виконт дел-ар Мелло?

Я хорошенько рассмотрел высокого владельца бороды и, предположительно, этого игорного дома. Мужчина имел не менее двух с половиной метров от пяток до маковки, обладал воистину широкими плечами и весьма красивыми чертами лица. Массивные скулы, смуглая кожа и пронзительные глаза темно-синего цвета. Из-под шикарного фрака, небрежно накинутого поверх накрахмаленной манишки, показывался пятнистый рысий хвост.

Теперь я понимал, чего особенного нашла Олиель в этом напыщенном красавце. Законченные подонки всегда нравятся женщинам. Особенно, если указанные подонки обладают деньгами, накачанными мускулами и умеют затейливо врать о любви. Было очевидно, что виконт дел-ар Мелло владеет как минимум двумя из указанных пунктов. Насчет вранья надлежало проверить.

– Да. А вы кто такой?

– Друг семьи бель-ал Сепио, – отрекомендовался я. – Ходжа Наследи. Вот зашел познакомиться с замечательной личностью, выразить свое почтение и забрать всю сумму.

– Не понимаю, – виконт недоверчиво окинул меня взглядом прищуренных глаз. – О каких деньгах вы тут толкуете? Я не занял у господина Шамура ни копейки.

– О, нет, – отмахнулся я. – Дело не в возвращении кредита. Дело в марке.

На какой-то миг у владельца казино дернулась верхняя губа. Это подсказало мне: пришел по адресу.

– Как я мог забыть?! – воскликнул виконт, красноречиво пялясь то на меня, то на посетителей игорного дома. – Действительно, недавно я приобрел у господина бель-ал Сепио одну раритетную марку и запамятовал заплатить. Входите же!

– Его что, не бить, хозяин? – напомнил о себе пантероборотень у двери.

Виконт посмотрел на охранника, будто тот внезапно превратился в цветочный горшок.

– Молчать! Твое дело двери охранять, а не вопросы задавать!

Весьма поэтично.

Красавец дел-ар Мелло величественным жестом пригласил меня внутрь кабинета. Ну прямо как король. Или Мэр, которым его, без сомнений, обещало поставить Княжество Хаоса. Почему-то мне казалось, что виконт – не оборотень. Не чувствовался характерный запах.

– Знаете, дражайший, – еще в двери заметил я, перехватывая инициативу. – Во всем Валибуре не сыщется столь сумасшедшего перевертыша, готового продаться демонам. Все знают, что едва Князь взойдет на стены мегаполиса, – случится геноцид. Мы не нужны Хаосу ровно настолько, сколько он не нужен нам.

– Вы о чем? – непонимающе спросил виконт. Но его глаза смеялись.

– Из вас мог бы получиться отличный актер. Или клоун.

Я умышленно пытался вывести дел-ар Мелло из равновесия.

– Пытаетесь обидеть своего контрагента?

– Ничуть. Просто интересно познакомиться с оборотнем, который не погнушался предать свою расу и обресть ее на тотальное уничтожение. Вы ведь понимаете, что передача марки Князю Хаоса и его колдунам откликнется тяжелейшими последствиями для нашей страны.

– Понимаю, – нахмурился виконт. – А что насчет вас? Не притворяйтесь идиотом и не говорите, что не догадывались о моих планах. Мы с вами очень похожи и, к тому же, плывем в одном корыте.

– Посмотрим, куда принесет нас течение...

– Вы будете входить? – дядьке надоела опасная беседа.

Комната, куда меня пригласили, на самом деле оказалась не кабинетом, а небольшим коридорчиком, снабженным сиреневой лампой дневного света и широким диваном. Что-то подсказывало: именно на данной софе бедняжки-девушки, оказывающиеся в лапах дел-ар Мелло, теряют последнюю совесть и честь.

В противоположном конце коридора обнаружилась следующая дверь. За ней открылся еще один игровой зал, до отказа набитый жителями города. Стойка бара поблескивала позолотой, а кресла обиты тончайшим из шелков. На стенах во тьме угадывались богатые картины, даже девицы-крупье были наряжены в более прозрачные наряды, чем в предыдущем отделении казино.

Здесь играли по крупному. Столы буквально ломились под тяжестью золотых и серебряных слитков. Из дальнего помещения, наверное, – хранилища, выкатывались громоздкие тележки, до отказа заваленные все теми же драгоценными металлами. Кое-где поблескивали валлы. Я не заметил и признака бронзы.

Народ азартно шумел и вливал в себя невероятное количество алкоголя. Весь пол украшали разноцветные пятна от разлитого амброзиума и всяких веществ, подумать о которых у меня не хватало тактичности. В двух углах, на мягких диванчиках, окруженных розовыми портьерами, занимались любовью. Кажется, оттуда выглянула растрепанная головка одной из официанток.

– Хорошо устроились, – я оценил размах игорного бизнеса.

– Это только прикрытие.

– Не сомневался.

Мы обошли небольшой фонтан, бьющий несколькими дюжинами струй амброзиума. Внутри алкогольного источника я унюхал репеллент. Виконт старательно следил за тем, чтобы в заведении не обнаружили демонов.

– Прощу, – дворянский жест провел меня в красиво обставленный кабинет.

Все те же вездесущие диваны, несколько мягких стульев на изогнутых ножках, мозгомпытерная линия, торшеры с головками в виде денежных знаков. На широком столе можно было проводить соревнования по магическому гольфу.

Виконт уселся в кресло хозяина, выгодно расположившись в тени на фоне величественной картины с ландшафтом Границы.

– Вот ваши деньги.

Из-под стола вынырнул – ого! – куль фантастического объема. На вид он весил килограмм под сто. Дел-ар Мелло бросил мешок передо мной и отклонился на спинку кресла, скрестив руки на груди. Пальцы бывшего любовника Марии бель-ал Сепио барабанили по предплечьям.

Я занялся подсчетом барыша.

– Почему здесь только сто тысяч валлов?

Виконт удивленно воззрился на меня.

– Вы шутите?

– Последний раз, когда шутил, меня чуть не похоронили, – ответил я.

– Это может случиться и сейчас, – в бархатный голос дел-ар Мелло добавились угрожающие нотки. – Вам мало? Девушка конюха потребовала именно эту сумму.

Виконт еще не догадывался, кто перед ним. Он и помышлять не мог, что о его преступной деятельности известно еще кому-нибудь кроме погибших в доме господина Шамура. Парень относился ко мне, как к сообщнику. Причем довольно жадному и наглому, раз решил на торги.

– Я хочу полмиллиона.

Дел-ар Мелло поглазел на меня, раздумывая: а не выбросить ли посетителя через черный ход? Но почему же этот незнакомец так нагло себя ведет? Неужели подстраховался?

Я без труда читал все мысли с озадаченной физиономии виконта. Нет, из него

получился плохой актер. Скорее, дядька – просто клоун, под стать угодивший в лапы Княжества в нужное время.

– Это нереальная сумма. На всей Границе не соберется и двух третьих названной вами суммы.

– Бросьте, уважаемый, – я решил пойти на легкое оскорбление. – Князь заплатит вам в тысячу раз больше, едва получит искомое.

– Не ваше дело, сколько мне заплатят! – голос был еще спокойный, но уже с некоторыми нотками гнева.

Надлежало разъярить противника, лишить его возможности думать. А глупый враг – мертвый враг. И проблем поменьше.

– Учитывая обстоятельства, – милостиво позволил я, – позволяю вам добавить еще такую же сумму к этому мешку. Тогда вы больше меня никогда не увидите.

– Вздор. Требуемое невыполнимо.

– Хм... До внешнего отделения Главного Управления по Несанкционированному Использованию Колдовства и Иррациональных Сил всего полдня пути. Или мне обратиться куда-нибудь поближе? Скажем, к военному интенданту Границы? Платите, виконт. Тогда мы забудем о нашей веселой встрече и разбежимся куда подальше. Я – на острова Бей-Буяна, вы – в теплые казематы Князя Хаоса...

– Да как ты смеешь угрожать, мелкая тля?!

– Каждый ценит себя настолько, сколько весит сам. Лично я вешу примерно двести кило – нормальный оборотень среднего роста. Это значит, что мои услуги стоят двести тысяч валлов. Иначе отдавайте мне марку – самолично передам ее Князю, а вам отвешу пинков. Кстати, где она?

Глаза дел-ар Мелло только на миг стрельнули куда-то влево – чего я ожидал. Мне позарез необходимо было удостовериться, что марка все еще находится в хранилищах-сейфах виконта, а не путешествует по направлению к землям Хаоса.

– Сто пятьдесят, – спокойно предложил собеседник. – И ни валлом больше.

Надо отдать ему должное – себя он замечательно контролировал. Я же, к стыду признаюсь, какое-то время размышлял над сладким предложением. Подумать только, за полторы сотни тысяч камешков можно скупить целый квартал мегаполиса! Правда, если Княжество вторгнется в Валибур, можно забыть и о кварталах, и о бедных жителях города-государства.

– Отсчитывайте, глубокоуважаемый, – я поймал себя на мысли, что затягиваю время. Если судить по цифрам на экране мозгомпыютера, у меня оставалось еще минут двадцать – двадцать пять. – И тем временем послушайте маленькую историю.

– Зачем? – виконт поднялся и, обогнув стол, направился к висящей на левой стене картине. Вот где он – сейфик паршивца!

– Неужели вам неинтересно узнать, что случилось с тремя вашими посланниками?

– Это не вы их убили? – удивился дел-ар Мелло.

– К сожалению... – я вдруг понял, что эта фраза могла раскрыть мои намерения, – нет. Знаете, очень не люблю демонов, но к смерти ваших подручных не имею и малейшего отношения.

Виконт стащил картину со стены. Под ней оказалась маленькая дверца из метеоритного металла. И почему богатые люди считают своим долгом прятать сейфы за картинами? Да любой мало-мальски опытный вор заглядывает туда в первую очередь. Лично я, если бы обладал серьезным имуществом, хранил бы финансы где-нибудь в полу, в магиталлическом ящике. Причем каждый раз после извлечения необходимой суммы, заливал бы контейнер свежим раствором колдетона.

– И что же вы хотели мне рассказать?

Дел-ар Мелло прикрыл спиной свое хранилище – чтобы любопытный детектив не подсмотрел комбинацию цифр. Но я не считался бы частным детективом, если бы не позаботился об этом ранее.

Едва виконт во время диалога указал мне место расположения сейфа, туда отправился невидимый камень-датчик мозгомпыютера. Сейчас он старательно запечатлевал все манипуляции противника.

– Немного расскажу о старом заговоре. Даже не вам, а скорее, – себе. Поправьте меня, если где-то ошибусь.

– Хорошо, – не оборачиваясь, согласился виконт. Он шуршал драгоценными валлами, отсчитывая необходимую сумму.

– Итак, – я закинул ногу на ногу и слегка придвинул ножны «Карателя». Как хорошо, что дебил у входной двери не попытался меня обезоружить; в таком случае мне пришлось бы несладко. – Начнем с того, что некий богатенький виконт очень любил азартные игры...

Спина дел-ар Мелло напряглась. Я без сомнений затронул важную жилку в его душе.

– Возможно, это подстроили, а возможно, виконт и сам был настолько глуп, что позволил себе проигратся. Знаете, выпивка, женщины и деньги никогда не доведут до добра!

– Не учи ученого.

– Не буду. Еще раз повторяю – историю рассказываю себе, а не вам, уважаемый.

– Можешь рассказать себе об этом на улице.

– Да ладно, виконт, бросьте. Ради нашей кратковременной дружбы – послушайте немного. В общем, некий известный нам парень вдребезги разрушил отцовское наследство. Все пропил и все отдал по долгам. И что ему осталось делать дальше? Повеситься? Утопиться? Удариться в бега? Нет, парень придумал кое-что похуже.

Не знаю, тогда ли наш виконт обозлился на всех на свете, или это случилось позже. Но факт остается фактом. Некая доброжелательная женщина поведала, что в те времена весь город смеялся над разгульным дураком, пустивший отцовское имение под откос. Тогда вы отличались весьма неприятным нравом, если верить Мэру Дубльвилля. Но зачем говорить о вас? Расскажем о нашем виконте. Пребывая в постоянных пьянках, дебошах и за игорными столами, парнишка так надоел местным жителям, что его едва не убили. Да-да, добрый Ликор бель-ар Торинно проинформировал меня о том, как этот самый виконт попытался соблазнить его дочь.

Итак, у нас обиженный на всех живущих здесь оборотней парень, и барышня с дряннейшим характером. Случилось это до или после женитьбы, но бедный виконт, еще более возненавидевший Дубльвилль из-за пассии, подался шпионом в Княжество Хаоса.

Поправьте меня, если я не прав. Возможно, моих знаний по психологии не хватает. Ведь в жизни, кроме бесчисленных пьянок вы не видели ничего? К тому же вместо кроткой девушки, женились на дряхлой истеричной старухе. Отсюда и ненависть ко всем оборотням. Разве не так?

– А за что их любить? – проворчал дел-ар Мелло, не отвлекаясь, впрочем, от пересчета денег.

– Таки правда, – я вздохнул. – Предполагалось, что только возненавидевший своих братьев оборотень, способен предать Валибур. Неужели вам не жалко миллионов невинных детишек и прекрасных девушек, которых вы обречете на мучительную смерть?

– Меня никто не жалел, – тонко ответил виконт, – и я никого не пожалею.

– Весьма свободная трактовка Священного Расписания, – печально улыбнулся я. – Но давайте же продолжим.

Каким-то образом, а слухов хватает везде, виконт узнал, что в доме бель-ал Сепио хранится некий документ, стоящий невероятных денег. Значит, требовалось каким-нибудь образом достучаться к заветному поместью. Хитростью и коварством наш парень достучался к сердцу старшей дочери господина Шамура. Кухарка Сульма рассказала, что виконт был невероятно навязчив. Целых три года он увивался за бедной девушкой, пока та не отступила.

Прошло какое-то время, но до марки наш преступник так и не смог добраться. Дом бель-ал Сепио оказался настолько защищен, что даже ближайшим родственникам воспрещалось входить в кабинет хозяина поместья. Тем временем Мария бель-ал Сепио уже

безнадежно влюбилась и, если верить кухарке, готовилась к замужеству. Ведь подлый виконт сказал, что жена находится при смерти.

Затем случилось кое-что приятное для виконта и его покровителей в Княжестве Хаоса. А именно – после смерти матери в лапы демонов попал бедняга-Джувил. Кстати, вы не знаете, каким образом его склонили к сотрудничеству?

Дел-ар Мелло засмеялся противным трескучим смехом.

– Больше всего на свете, как красочно ты выражаешься, Джувил любил свою мать. Когда та отбросила тапки, он кинулся за материнской любовью к сестре. Ты ведь знаешь, что старшенькие сестрички всегда заменяют мамаш.

– А разве Джувил не был старше Марии?

– Какая разница? Этот плакса всегда прибегал к сестричке и, заливаясь пьяными слезами, изливал ей душу.

– Вы имеете отношение к пленению хват-лейтенанта бель-ал Сепио Хаосом?

– Нет. Он сам попался, этот недалекий пьянчуга. Я в это время еще отрабатывал план с Марией.

– Понятно. Продолжу... Теперь мне понятна странная запись в дневнике Джувила. «Я должен ее спасти...» – это означало не душу, как я сперва подумал, а Марию бель-ал Сепио. Парнишка сломался, когда узнал, что княжеский шпион встречается с его любимой сестрой.

Виконт опять засмеялся. Короткие волосы на его затылке вызываяще топорщились.

– Мы пригрозили, что убьем маленькую родственницу, если Джувил не станет сотрудничать. Вот он и сдался.

– Как я и предполагал... – я крепко ухватился за рукоять «Карателя». Сейчас отрублю подонку голову и с боем прорвусь на улицу!

Но сперва надлежало прихватить с собой марку Шамура.

– Вы хорошо соображаете, – виконт опять перешел на «вы». Зауважал?

– Благодарю. Но закончим же историю.

Когда бедный Джувил вернулся в Дубльвилль, вы еще некоторое время держались за его сестру. Но тут случилось нечто незапланированное. Не знаю, все ли рассказал вернувшийся из плена брат, но ему удалось посеять вражду между вами и Марией. Девушка бросила вас. А затем внезапно погиб и Джувил, убитый плутоватым конюхом и его подельницей.

Вы остались у разбитого корыта. Хват-лейтенант бель-ал Сепио мертв, Мария не хочет вас видеть. К тому же она собирается в далекую поездку – на лечение. Как же достигнуть к дому господина Шамура?

Вам долгое время удавалось крутиться в поместье, и вы знали всех родственников бель-ал Сепио. Среди них была кузина Сельвия, давным-давно покинувшая Дубльвилль. Тогда и созрел план с одиночным внедрением демона-молчуна в семью хранителей марки. Вы надеялись, что зеркальщику как-нибудь удастся влезть в кабинет Шамура.

Не знаю, погибла ли Сельвия на самом деле, или она продолжает жить в неведении, но зеркальщик принял ее облик и заселился в дом несчастных оборотней.

И тут опять провал. Псевдо-Сельвии не удалось найти заветную марку, и к тому же ее убили. Кто – неизвестно.

Порывшись в памяти, вы извлекли оттуда еще одного кандидата на шпионы в доме бель-ал Сепио. Туда отправилась следующая подделка – возлюбленный средней сестры – Торли. Но и его ожидала участь Сельвии. Что дальше?

Вы узнали, что господин Шамур ищет частного детектива, чтобы разобраться с исчезновением марки. Отличный повод! Клиент еще и платит деньги за поиски необходимой вам вещи. Но тут погибает и детектив.

Затем, и во время этой истории, виконт, вы сделали несколько смертельно опасных ошибок.

Во-первых, Мария могла что-то знать о вашей причастности к Хаосу. Потому вы подослали к ней наемников. Но убивать не собирались. В Марию выстрелили отравленной

стрелой – хотели усыпить и доставить к вам. Возможно, девушка требовалась еще для каких-нибудь преступных манипуляций. Но вот она, ваша ошибка.

Марию неумышленно убили в моем кабинете. В моем – самого лучшего детектива в Валибуре.

Ладно-ладно, я похваляюсь. Больше не буду.

У вас опять облом. Мария бель-ал Сепио мертва, но успела о чем-то поговорить с Ходжой Наследи. Его пока убивать не имеет смысла – надо посмотреть, что знает этот лисоборотень, и куда он может привести.

Со временем вы убедились, что мне не известно ничего. Иначе я тут же ринулся бы в ГУПНИКИС и сдал вас с потрохами. Потому вы решили от меня избавиться. Очередная ошибка.

Кто же знал, что смелый Ходжа Наследи – скользкий тип и может уклоняться от любых покушений?

Виконт невозмутимо пересчитывал валлы. Это мне не нравилось. Я хотел смотреть ему в глаза и видеть, как парень съезживается перед моими аргументами и блестящей логикой.

– Продолжу...

Я вкратце рассказал дел-ар Мелло о своих находках и приключениях. В тени оставил только странные видения в доме бель-ал Сепио и мои размышления на эту тему.

– Значит, вы так и не узнали, кто убивал моих лю... демонов? – невзначай поинтересовался виконт. – Если все же найдете – передайте от меня пламенный привет. И можете сказать, что легионы демонов придут за его душой.

– К сожалению, в ближайшее время встреча с семейным убийцей бель-ал Сепио не предвидится.

– Вот, – дел-ар Мелло бросил мне тяжелый, но вдвое меньший от предыдущего мешок с деньгами. – Берите деньги и проваливайтесь.

– Разве вы не скажете мне, где я ошибся в своих умозаключениях, уважаемый виконт?

– Скажу, – парень улыбнулся теплой улыбкой шакала. – Вы ошиблись дважды. Первое – ни я, ни мои демоны не убивали Марию бель-ал Сепио.

Я окаменел. Виконт говорил правду, а мне никак не удавалось нащупать брешь в своей версии. Но если убийство в моем кабинете – не дело рук дел-ар Мелло. Кто же?.. А! Наконец-то все встало на свои места!!! Я по-прежнему не догадывался о загадочном киллере поместья бель-ал Сепио, но нашел очень...

– Второе, – сказали вдруг грубым женским голосом. – Мой муж не слишком горел желанием вступить в ряды Хаоса. Пока я не приказала.

Стена с картиной отъехала в сторону, и кабинет виконта почтила своим присутствием...

Назвать ее дамой? Нет, язык не поворачивался.

На громоздкой инвалидной коляске ко мне приблизилась очень тучная женщина. Килограммов семьсот, если не больше. Заплывшие жиром глазенки, короткие руки, напоминающие телячьи окорока, жидкие волосы на почти что лысом черепе. Мало заметный роток под изогнутым клювом мясистого носа. И черные-черные глаза, казавшиеся точным отражением траурного платья и ворсистого пледа из черной же шерсти.

Виконт вдруг съезжился в присутствии этой бастаркообразной орясины. Он стал напоминать высохшую березку, согнувшуюся на сильном ветру. Вот-вот сломается.

– Не могу сообщить, что рад познакомиться, госпожа Донна-Муна. Или называть вас Маткой? – я поморщился от густого амбре. Кабинет наполнился невидимым мускусным дымом и грозил выесть мне глаза.

– А я очень рада, – улыбка жены виконта дел-ар Мелло почтила меня демонстрацией сотни кривых клыков. – Нечасто встретишь умного оборотня. По мне, так вся ваша раса – тупые олигофрены, прячущиеся от наших когтей за магией Следящего Колокола.

– Следовательно, вас произвели не от орчанки, – заметил я, старательно дыша через платок.

– Нет, – опять улыбка. На сей раз помельче, но такая же кровожадная и мерзкая. – Папаша гульнул с демоницей. Кстати говоря, именно мать организовала демонское подполье в Дубльвилле.

– Не сомневаюсь, что на базе подземелий вампирского гетто.

– А вот об этом вам знать без нужды. Еще останетесь в живых и приведете сюда армию.

– Обязательно останусь, – пообещал я и приготовился к самому худшему.

И оно произошло.

– Убейте детектива, – скомандовала мамаша-демон, указывая на меня когтистым желтым пальцем. – Он слишком много знает.

Какое нелепое словесное клише. Его можно найти во всех второсортных детективчиках и боевичках. Но услышать это в жизни?..

Стеры вдруг раскрылись множеством темных ходов. Из образовавшихся дыр хлынули краснокожие ублюдки.

20

Неожиданная помощь

– Не слишком ли вас мало, уважаемые? – я приободрил себя искусственной бравадой и смело бросился в отступление.

Демоны «повелись» не нехитрый трюк. Рогатые паршивцы кинулись к двери, куда я едва не заскочил, но меня там не было.

Красивейшим (вот бы сделать хап-фото) прыжком я преодолел необходимую дистанцию и обеими ногами врезал виконту в харю. Раздался премилый звук, и нижняя челюсть дел-ар Мелло отъехала куда-то в сторону затылка. Парень сдавленно булькнул, обдал меня струей слюны и рвоты, и завалился на дощатый пол. Оставалось надеяться, что регенерация рысорботня не сможет незамедлительно справиться с тяжелым повреждением, и виконт полежит хотя бы несколько минут.

Мне на спину взобрался мелкий демон-попрыгунчик. Тонкие, словно у вампира, клыки пропороли печально затрепавший плащ. Но, хвала всем богам, не сумели добраться до кожи.

Я молниеносно развернулся и грохнулся спиной о стену. Послышался предсмертный вой, и что-то лопнуло. По позвоночнику скользнули горячие потоки демонской крови.

Пока нападавшие соображали, почему это частного детектива нет в проходе к общему залу, я оценил обстановку. Она оказалась невероятно дрянной.

Не менее четырех десятков краснокожих тварей. Тут и почти бесполезные в драке зеркальщики, и прыткие полозы, и попрыгуны, и даже несколько крылатых бурганов. Также лысые пчелусы, мерцающие бесы и какой-то дальний предок кентавра. Невообразимое количество кривых, изогнутых, острых, тонких, ядовитых и раздвоенных клыков. Щупалец, когтей и пальцев поменьше, но они еще более опасны.

– Хватайте урода! – заверещала Донна-Муна, бросая в меня зеленый пульсар.

– Тоже мне красавица...

«Каратель» вовремя поставил защиту, огонек отбился и брызнул на воющую толпу мелкими капельками кислоты.

Первым ко мне добрался похожий на холодильную камеру тип. Он не успел еще раздвинуть клюв, как мой клинок располосовал его от груди и до паха.

Полиморфоружие, пусть даже упрощенной модели – замечательная вещь для борьбы с превосходящими силами врага. Кроме того, что «Каратель» может превращаться то в ятаган, то в шпагу, то в магейсбольную биту, он на некоторое время генерирует магический кокон. Колдовское излучение можно использовать как угодно: ставить щиты, отбрасывать врага напором воздуха, ослеплять ярчайшими вспышками света или же нагревать клинок.

Магическое поле создается идеальной гардой, где спрятан магенератор. Далее колдовской потенциал перетекает на длинную спираль, которая придает «Карателю» вид

большого штопора. Кстати говоря, внутри спирали размещен серебряный шип, наподобие рапиры. Он используется для дуэлей и, конечно же, убийства оборотней. Для борьбы с демонами серебро не нужно – можно обойтись и обычным магиталлом. Но именно «под существ Хаоса» и рассчитано полиморфоружие.

Я превратил клинок в двуручный меч и окружил его пламенем, расточительно используя магические ресурсы. Глупые демоны, набросившиеся всем скопом, тут же осознали свою ошибку.

«Каратель» очертил изогнутый дымящийся круг. Ближайшая голова взорвалась, теряя рога и клыки, разверзся перебитый кадык, отлетели отрубленные щупальца. Одним махом мне удалось уничтожить сразу четырех противников.

Какой-то из попрыгунчиков попытался обойти меня слева, но наткнулся на подставленный локоть. Маленькое тельце грохнулось на стол, глубоко пронзив столешницу клыками. Демон задергался, пытаясь освободить голову, но получил пинок и с воем умчался куда-то в дальний угол.

В меня бросили искрящийся торшер. Я увернулся и – невероятно! – успел достать кончиком меча одного из крыланов. Демон взвизгнул, отдергивая разорванное крыло, но не успел уйти. Я врезался в супостата всем весом, и прижал его к стене. «Каратель» мгновенно прикрыл мне спину мощным трехсекундным пологом. Враги наткнулись на плотный магический кокон и бессильно наблюдали, как мой клинок пронзает крылану живот.

Три секунды уплыли, словно их и не было. Полог исчез, оставляя меня наедине с противниками.

Один из демонов, до того упирающийся лапами в мерцающий кокон, не удержался и упал ничком.

– Нэ нада! – взмолился он, поднимая голову.

Тяжелый сапог размозжил краснокожее лицо. Из хобота труса изверглась зловонная струя. Я поскользнулся в крови и хлопнулся на спину убитого демона.

Тотчас мне на грудь опустились несколько щупалец. Плечо отозвалось нещадно обжигающей болью – ко мне прикоснулся сосач.

Теряя сознание от впрыснутого яда, я все же сумел перекатиться под стол и отрубить ненавистные щупальца.

«И почему ты не договорился сперва с местной полицией?! – верещало перепуганное сознание. – Сдохнешь ведь!»

Ну что ему ответить, когда оно право?

Ощущая, как лопаются жилки на скулах, я изо всех сил напрягся и приподнял собой стол. Еще один рывок, не обращая внимания на стрельнувшие позвонки, и здоровенный кусок обработанного дерева перевернулся на демонов.

Самые прыткие и, следовательно, самые первые враги оказались под широкой тенью. Дальше только визг и брызги крови – мелкие попрыгунчики нашли свою смерть под тяжелой столешницей.

Взрыв! Несколько щепок разодрало мой подбородок, левый глаз ослеп от горячей струи. Рассекли мне лоб? Бровь? Еще похуже?

Нет времени на размышления.

Проклятая госпожа Донна-Муна швырнула еще одним взрывным проклятием. Стены покрылись трещинами, комнату заволокло седым облаком кружащейся извести.

Вот это – на руку! Мозгомبيوتر повел меня сквозь туман, а большинство демонов на время ослепло.

Я отпрыгнул на спину противника, похожего на кентавра. Эй, да тут довольно мягко! Куда лучше, чем на полудохлой кляче Парто.

Демон оказался не готов к такому повороту событий. Его псевдоруки не доставали до спины, а времени, чтобы повернуться туловищем, не хватало.

Одной рукой я крепко-крепко обнял врага за шею, другой – вонзил «Каратель», куда сумел. Клинок вошел кентавру в спину. С треском разорвались ослабленные мышцы, и

кривое лезвие вырвалось наружу со стороны живота. Ноги чудовища подкосились, и оно упало рожей на пол.

Я старался не замечать кружево окровавленных кишок. Отполз поближе к двери и затаился, чтобы отдышаться.

Обстановка накалялась. Мамаша-демон во все стороны лупила взрывными и кислотными проклятиями. Надо отметить, больше всего страдали ее сообщники. Все они, кроме парочки уцелевших попрыгунов были намного выше и шире меня. Да и мало кто ожидал атаки в спину. Получив заряд от Донны-Муны, демоны с предсмертными воплями оборачивались к ней и, поглазев с укоризной, валились оземь.

Воздух звенел от магии, полыхал и потрескивал. Одна из стен обрушилась, погребя под завалом последнего крылана. Мне удалось исподтишка зацепить клинком сухожилия еще двоих подлецов. Пока демоны ползали, хватаясь за ноги, я подползал к каждому из них, и бесцеремненно добивал.

– Он под щитом невидимости! – завизжала демоница. И как она догадалась, зараза? Неужели поняла, что под пологом пыли и дыма невозможно вот так исчезнуть?

Донна-Муна не то ругнулась, не то провизжала какое-то контр-заклятье. Ее затея увенчалась успехом – «Каратель» тоненько пискнул, и моя последняя надежда пропала.

Свето-искажающий кокон исчез, а я остался без прикрытия.

Демоны заметили меня, когда я тщательно перерезал глотку очередному их собрату. Осталось только вскочить и броситься к двери.

Первый же враг, попытавшийся мне помешать, лишился части тела. Бесхозная голова еще продолжала вопить, щедро поливая присутствующих ошметками мозгов и крови.

Заветная дверь выпустила меня в игорный зал. И тут меня ждало разочарование.

Все девушки-официантки и крупье почему-то прекратили раздавать фишки и колдовать над столами. Прелестницы обросли рыжеватой шерстью и ядовитыми шипами.

– Даже на грудях! Какое изуверство! – не сдержался я.

Клиенты заведения, ранее восторженно прислушивающиеся к потасовке в кабинете владельца казино, издали дружный перепуганный вопль. Азартный народ бросился бежать. Но проклятые фурии того и ожидали.

Я вбежал как раз в тот момент, когда две девицы делили останки последнего уцелевшего игрока.

– Демоны позади, демоны впереди, – пробормотал я, прижимаясь к стене и выдавливая из «Карателя» последние соки.

Демоницы оказались не в пример быстрее и проворнее своих самцов. Мне удалось отрубить только одну руку и перерубить пару коленных чашечек, когда меня зажали в клещи.

Слева на издыхающий магический полог бросались крупье, справа заседали изрядно помятые демоны. Из кабинета по фрагментам протискивалась Донна-Муна. Едва она сумеет приблизиться и ударить колдовством – от бедного меня не останется и мокрого места.

– Всем стоять! Мордами в землю, щупальца на ширину плеч, или чего у вас там...

Из двери первого зала казино выкатились четыре сверкающих вихря.

– Братцы, выручайте! – заорал я, что есть мочи, увиливая от огненной отрыжки язвенного демона. – Спасайте!

Вихри не задумываясь бросились в атаку. Сквозь призрачный туман, окружающий новых персонажей кровавой пьесы, мелькали острия спаренных «Карателей» и магических щитов. Передо мной танцевали в смертельном танго боевые оборотни Валибура. Какой-то специальный отряд, если я не ошибался.

Толпа визжащих демонов мгновенно отхлынула. Первыми пали девицы-официантки. Один из вихрей промчался очень близко с ними. Взвился такой фонтан из алых струй, что я насквозь промок. Демоницы не успели упасть, когда вихрь вернулся обратно. Полетели окровавленные куски мяса.

– Ненавижу женщин! – донеслось из силового кокона, расправившегося с крупье. –

Меня на одной женили!..

Остальные три вихря, в которых с трудом угадывались очертания силовых доспехов, мелькали среди уцелевших демонов.

Не прошло и пяти минут, когда все было кончено: прислужники Хаоса беспорядочно валялись в лужах крови, а среди них важно прохаживался широкоплечий оборотень-пантера с приваренными к наплечникам погонами хват-майора.

Мамаша-демон поняла, что бой проигран, и попыталась уползти обратно в кабинет. Наверное, где-то в недрах владений виконта дел-ар Мелло находился секретный ход.

Но Донна-Муна не сумела улизнуть. Она безнадежно застряла в дверном проеме и не могла даже взмахнуть рукой, чтобы активировать малейшее проклятье.

– Хват-майор харр Зубарев, – представился мой спаситель, приближаясь ко мне и протягивая окровавленную перчатку для знакомства.

– Ходжа Наследи, – ответил я, с удовольствием пожимая предложенную руку.

– Ходжа? – удивился вояка. – Довольно редкое имя в наших краях. Уж не родственник ли вы моего старого боевого товарища – Ходжи Наследиева.

– Вряд ли. Наверное, просто однофамильцы, – предположил я.

– Ну, даже если так, прошу вас, – харр Зубарев улыбнулся печальной улыбкой. – Передайте вашему однофамильцу привет и скажите, что если не вернет моего мешка с драгоценностями – отрежу его хитрозадый лисий хвост.

Лисий? Однофамилец тоже лисоборотень?

– Обязательно передам, – пообещал я. – Если встречу, конечно.

– Пакуйте эту бабу, – скомандовал хват-майор своим подчиненным: весьма фигуристой блондинке в боевой броне хват-лейтенанта, высокому унылому туроборотно и волку-перевертышу с двумя топорами на ремне. – Не то я ее зарубаю. Ненавижу женщин...

Бормотание отдалилось, оборотни набросили на Донну-Муну серебристый телепорт-мешок, и вышли вон, когда она растворилась в воздухе.

– Если еще демоны появятся, – из-за двери показалась голова харр Зубарева, – зовите. Это немного не по моей части, но если буду поблизости – обязательно загляну на хорошую драку.

Я без сил опустился в дымящиеся развалины, полчаса назад бывший игровым столом. В казино, слегка ссутулившись, чтобы протиснуться в косяк, вошел довольный Ограм.

– Ну как вам такая помощь, дорогой детектив? – поинтересовался гоблин.

– Весьма существенна, – ответил я, дивуясь его прозорливости. Обращаться на «ты» к зеленокожему сейчас показалось мне вершиной идиотизма. – Как вы догадались вызвать подкрепление?

– Логика, дорогой Ходжа, – Ограм постучал себя по изумрудному виску. – Я был в курсе, что вы лезете напрямик едва ли не на Тринадцатый Круг. Следовательно, вас может ожидать там веселенькая встреча...

– Да уж, смеялись до упаду.

– Вот я и подумал, что моих собственных сил может оказаться недостаточно. Недалеко проходила операция по задержке одного особо опасного героя, провалившегося к нам из другого измерения. Об этом вчера за ужином сказал мне старый друг – Андрей харр Зубарев. Потому, пока вы мило беседовали с демонами, я быстренько сбегал к полевому лагерю хват-майора и договорился о крупнокалиберной поддержке.

– Очень мило с вашей стороны. А теперь давайте вернем кое-что в поместье вашего хозяина.

Я глубоко вздохнул и со стоном поднялся.

Мозгомبيوتر помог разобраться с тайником. Марка обнаружилась под горкой валлов на дне виконтового сейфа. Я даже не позарился на деньги – кому нужны кровавые камешки?

Ан нет – нужны. Ограм доверху наполнил свои карманы и был счастлив, словно сотня нимфеток на мужском стриптизе.

Я сунул марку в нагрудный карман и вышел на свежий воздух через развороченную

взрывами стену. Гоблин поддерживал меня за плечи и очень весело хохотал, когда за нашими спинами обрушилась крыша казино.

– Это ему за нашу маленькую Марию, – ткнул пальцем Ограм.

Рядом с завалами лежала гнусная голова виконта дел-ар Мелло. Начисто оторванная колдетонными обломками.

Ну а я счастливо потерял сознание и даже не слышал, как меня взваливают на тощую клячу погибшей Парто.

21

На минуточку домой

Изрядно пьяный Шамур так и сыпал благодарствиями.

– Ах, какой вы молодец! Если бы я только догадался нанять вас для расследования смерти моего сына! Ах! Лучшего частного детектива не найдешь нигде в Большом Мире...

Я безмолвствовал и тщательно пытался уснуть. Куда там!

Когда мое перебинтованное тело (и не ожидал, что обзавелся столькими ранениями) занесли в комнату для гостей, счастливый господин бель-ал Сепио впервые за год покинул свои апартаменты. Он примчался ко мне и вот уже битый час рассказывал о моих неоспоримых достоинствах.

Вокруг кровати стояли все обитатели поместья, и каждому Шамур, нетрезво покачиваясь, тыкал спасенную марку.

– Представляете? Ик, – говорил он. – Если бы Княжество заполучило этот клочок... ик... бум-бумажки, нам всем пришел бы конец. Падите же на колени перед нашим спасителем.

Не более трезвые Амок и Раух незамедлительно исполнили волю своего покровителя. Остальные в замешательстве поглядывали то на меня, то на размахивающего руками Шамура.

– Деньги ваши, – вопил папаша бель-ал Сепио, ползая целоваться и пытаясь udавить меня своими слюнями. – Только найдите убийцу Марии! Только найдите...

Я уже знал имя убийцы, но пока к нему не пришло возмездие, воздерживался от комментариев.

– На колени, жалкие смерды! На колени перед величайшим из сыщиков!.. – неистовствовал владелец проклятого поместья.

Приказ относился к нерешительно переминающимся с ноги на ногу слугам.

– Идемте, господин, – Лумиль схватил Шамура за талию и поволок его вон. – Глубокоуважаемому детективу необходимо поспать. А вы тем временем спрячете марку.

– Марк... марочка моя! Пошли, леприконишка. Закопаем эту кровавую бумажку где-нибудь в саду. И не забудем сверху помочиться.

Меня оставили в покое. Но ненадолго.

Когда второе солнце Валибура самоустранилось с небосвода, кто-то вошел в комнату.

Я мгновенно приоткрыл глаза и попытался дотянуться до «Карателя». К сожалению, бинты опутывали меня так плотно, что рука не сдвинулась и на сантиметр.

Неизвестный приблизился к изголовью кровати и некоторое время безмолвно смотрел на меня. Затем что-то зашуршало. Таинственный убийца искал под одеждами нож? И почему это пришло живое создание, а не металлический доспех, которого я ожидал?

Длинное платье соскользнуло с белоснежных плеч и шумно расстелилось у кровати. Перед моими глазами показались манящие шары замечательных грудей. Чуть ниже – тонкая талия и слегка полноватые бедра.

– Ну что, спаситель вы наш, – шепотом проворковала Делья, наклоняясь ко мне, – пришло время отблагодарить вас.

Она юрко забралась под одеяло и схватила меня за хвост.

– У-ум, лисичка, – восторженно задохнулась девица и лизнула меня в ухо. – Обожаю

лисиц!

Если загадочным убийцей была Делья, то она решила покончить со мной весьма оригинальным способом – залюбить до смерти.

– Как же я сейчас вас отблагодарю! – повторила горничная и заскочила на меня. – Даже бинты лопнут.

Бинты сумели выдержать. Меня же «благодарили» до самого утра.

Все еще покачиваясь от усталости и недосыпания, я кое-как выбрался из фитильмобиля. Дворецкий подвез меня прямо к перрону и помог войти в купе. Там мое зевающее тело, наконец, без приключений уснуло и очнулось уже вблизи Валибура.

Мимо окон, под оглушительные вопли бастарка, проносились разноцветные дома. Чем дальше от пригородов и станции «Окраиновка» – тем выше строения и тем величественней архитектура. Свет обоих валибурских солнц лениво стекал с покатых крыш на золотые и мраморные изваяния, отплясывал джигу на капотах фитильмобилей, поигрывал волнами Черного озера.

Везде царило веселье – приближался праздник Летней Лени, начинался месяц всеобщего безделья и пьянства. Одетые рабочими инструментами детишки катались на бесях. Всюду сновали подвыпившие демоны с Тринадцати Кругов. За ними охотились одетые в зеленые косоворотки оборотни из «Правого дела». Изредка проезжали украшенные праздничными лентами кареты полицейских, пролетали пятнистые дельтапланы светлых эльфов. Широкие стадионы содрогались под топотом тысяч болельщиков.

– Давай! Бей по нему, ко-о-озел! – орали валибурцы, понося неретивого игрока в магутбол.

Привокзальная толпа слегка потрепала моими ребрами и вынесла на площадь Седого Духа.

– Руби! – восторгались молоденькие девочки из частной школы, потрясая сорванными лифчиками и юбками – на площади казнили какого-то маньяка-насильника.

По темным переулкам, разбегающимся вдаль от вокзала, играли в магические шары.

– Шухер, клыкастые! – орал кто-то, и подпольные игроки исчезали в толпе. Чтобы через какое-то время, когда полицейский фитильмобиль уезжал, вновь возникнуть на новом месте.

Поторговавшись с таксистами, я всего за валл добрался домой. Мог, конечно, сразу же ринуться в ГУПНИКИС, но решил проверить свою догадку.

Бронированная дверь встретила меня молча и не сообщила ничего интересного. Защитная магия нетронута, внутрь никто не входил. По всему выглядело, что подозрения мои напрасны, и в квартиру не проникали злоумышленники.

Но кроме магических заморочек у меня в арсенале числились еще кое-какие, более вещественные инструменты.

Я присел над порогом и тщательно его осмотрел. Как и ожидалось, тонкий рыжий волосок был отклеен и уныло провис на створке. Следовательно, кто-то все же забирался внутрь моего жилища.

«Каратель» протестующе запищал и напомнил, что его давненько не потчевали кровью.

– Подожди немного.

Я быстрым шагом влетел в кабинет и, конечно же, никого не застал. Все на своих местах, даже под бумагами остался тот же характерный пыльный след, что и несколькими днями ранее. На окне шелестела приклеенная бумага, ветерок ерошил шерстку выделанной шкуры бастарка, которая служила мне кроватью. Платяной шкаф приветливо проскрипел тяжелой дверкой.

Обследовав кабинет и убедившись, что ничего не пропало, я направился в ванную. Смыл накопившуюся во время путешествия грязь и копоть. Затем уселся за стол и водрузил на него первый из интересовавших меня стульев. В нем ничего не обнаружилось. Остались еще два предмета. И, хотя надежда уменьшилась ровно на треть, мне хотелось надеяться, что интуиция и логика меня на этот раз не подведут.

Я отбросил беспощадно распотрошенной стул и принялся за кресло. На этот раз повезло. Внутри каждой ножки нашлись глубокие полости. Они завинчивались резиновыми заглушками, которые воспрещали креслу поскрипывать на полу. Из каждого тайника несло характерным запахом наркотических веществ.

– Чистейшая эссенция усладиума, – удовлетворенно принялся я.

Судя по объему, который мог храниться в кресле, наркоты здесь хватило бы на полквартала.

В оставшемся стуле тайники не присутствовали.

Я отломил от «преступной» мебели ножку, и вызвал по мозгомпытеру такси.

Спустя полчаса меня уже встречало Полицейское Управление. К моему восторгу, необходимые мне лица присутствовали.

– Какого ты здесь делаешь? – удивилась Юласия, обращая ко мне пронзительный взгляд синих-синих очей.

Раваш неодобительно покосился на меня и отвернулся.

– Пришел, чтобы похвастаться своими победами в расследовании, – недобро ухмыльнулся я, – и заявить об убийстве.

– Каком убийстве? – всполошилась госпожа инспектор. – Когда оно случилось?

– Три дня назад. Ночью. В моем кабинете.

– Еще одно?! Почему я не в курсе? А... – до Юласии дошло, что ее бывший муж говорит о смерти Марии бель-ал Сепио.

– Наверное, вы весь Валибур обыскали? – хитро спросил я. – Нашли кого-то с луком и отравленными стрелами? Допросили всех свидетелей, как то вечно пьяный Теодорус и его напарник? Или, может быть, пообщались с вампиром, валявшимся той ночью в переулке.

– Да, мы со всеми проработали.

– И как?

– Безуспешно, – сквозь зубы выдавила Юласия. Бывшая жена терпеть не могла, когда кто-то оказывался умнее или быстрее госпожи инспектора.

– Ну так я дам тебе убийцу, – при этом я с удовлетворением наблюдал, как напряглись плечи Раваша.

– Ну что ты там раскопал? Поймал? Где он? Ты оставил его в предбаннике?

«Предбанником» называется часть Полицейского Управления, куда доставляли пойманных преступников. Но, понятное дело, я никого туда не притащил.

– Со мной никто не пришел, – насколько позволяли актерские таланты, я развел руками. – Он уже здесь.

Раваш тем временем мелко затрясся. Моя радость не знала границ.

– И где же этот убийца?

– Вернее сказать: кто он.

– И кто же? – Юласия даже подалась вперед. Она уже предвкушала, как получит внеочередную премию за поимку убийцы. Правда, придется разделить со мной половину – так поступают при сотрудничестве частных детективов и Полиции.

– Твой брат Раваш, – сообщил я и откинулся в кресле, любуясь произведенным впечатлением.

– Ты рехнулся, идиотина? – рявкнула госпожа инспектор. – Чего несешь? Пошутить решил?! Так пошутишь сейчас за решеткой!

Я молча бросил на стол нещадно откромсанную от кресла ножку.

Юласия уставилась на нее, как смотрят в ресторане на засохшую какашку посреди макарон.

– Что это?

– Не узнаешь?

– Нет.

– Тогда спроси у своего братца.

– Рави, что это такое?

– Впервые вижу, – дрожащим голосом.

Сказать, что графа дел-ар Пиллио на тот момент побледнел – ничего не сказать. Раваш вдруг превратился в мраморное изваяние с изредка подрагивающими конечностями.

– Ну, раз он сам не признается – придется мне рассказать вам небольшую историю, – разулыбался я. – Итак...

Как помнят все здесь присутствующие, некоторое время назад некий детектив Ходжа Наследи подло похитил у бывшей жены парочку стульев и старинное кресло. Последнее, кстати говоря, он планировал предлагать своим клиентам.

– И что? – спросила ничего не понимающая инспектор. Раваш закусил губу.

– А то...

Никто не знал, что «тайный агент полиции», а также на полставки большой негодяй, алкоголик и наркоман – граф дел-ар Пиллио, занимается контрабандой усладиума.

– Ничего не доказано! – воскликнул деверь слабым голоском. – Ничего!

– погоди, – я подарил ему лучшую улыбку, на которую только смог потратиться. – Я продолжу...

Специально частный детектив Ходжа Наследи еще не принимался за это грязное дело. Но, если Управление Полиции и дальше продолжит бить баклуши, он обязательно возьмется. Думаю, нетрудно будет найти несколько дилеров в богатом районе, где стоит поместье дел-ар Пиллио. Хорошенько взять распространителей усладиума за причиндалы и узнать, кто снабжает их пыльцой. Не сомневаюсь, что многие укажут пальцем на присутствующего здесь графа или на кого-то из окружения Раваша.

Так вот. Я не поленился и узнал, что братик твой, моя милая инспектор, каждые полгода тащится куда-то по направлению пустыни Хумбры, где, по слухам, находятся плантации наркотических цветов. Предположительно, там он закупает пыльцу и везет ее обратно в Валибур. А хранит преступные запасы в одном или нескольких креслах родового поместья.

Какое же, наверное, горе постигло беднягу-графа, когда мерзейший из детективов украл законно принадлежащие ему предметы интерьера.

– Это не твои кресла! – взвилась Юласия. Впрочем, она продолжала внимательно слушать.

– Так отдай мне часть того гарнитура, который мы купили после свадьбы, – потребовал я. – И не надо заливать, что они дороги тебе как память. Ты ведь не отдавала мне мебель в надежде, что я к тебе вернусь.

– Заткнись! – на личике госпожи инспектора появились алые пятна. Как же я люблю, когда она стесняется!

– Пусть так, – согласился я. – Но давайте же дослушаем эту невероятно реалистичную байку.

Раваш в истерике – подлый детективишка спер все запасы усладиума. Чтобы не поднимать паники, он самолично отправляется к Ходже Наследи, чтобы вернуть несправедливо «украденное». При этом граф понимает, что хитростью сыщика не взять – потому запасается стрелами со снотворным.

Прибыв к дому детектива, Раваш обнаруживает, что кто-то находится в кабинете. Он за бешеные деньги подкупает привратников соседнего дома. Кстати, об этом я тоже узнал: деньги можно победить только деньгами, потому вместо тупых полицейских расспросов, я предложил Теодорусу несколько валлов. Старик был мил и все рассказал...

– А ты разбогател, – прищелкнула языком Юласия. – Расплачиваешься даже не слитками, а целыми валлами.

– Есть такое, – улыбнулся я, копируя дубльвилльского Мэра. – Мне удалось неплохо заработать на расследовании. К тому же твой братец подкинул мне немного. Но об этом чуть позже...

На чем мы остановились? Ах да. Преступный граф взбирается на крышу соседнего дома и следит за окном детектива. При этом со своего места он не видит, что Ходжа наследи

— не один.

Я специально взбирался к точке выстрела еще раз, чтобы убедиться: с данного места просматривается только часть комнаты. Если кто-нибудь сидит на месте хозяина квартиры, кресло для посетителей остается вне поля зрения.

Но перейдем поближе к делу. Едва детектив усаживается, граф долго целится и стреляет. За это время Ходжа Наследи успевает перекинуться с невидимым для Раваша клиентом несколькими фразами, и случайно уклониться.

Метко пущенная стрела, к ужасу графа не попадает сыщику в шею, а вонзается прямо в сердце несчастной Марии бель-ал Сепио. Девочка очень больна и собирается на операцию. Но, к сожалению, ущербное сердечко не выдерживает и останавливается под действием безвредного снотворного.

Да, Раваш не хотел никого убивать. Он хотел усыпить детектива, порыться в заветном кресле и достать свою заначку. Но, как это часто случается, планы пошли насмарку.

Завидев, что Мария бель-ал Сепио убита, а Ходжа Наследи вызывает Полицию, граф паникует. Он несется к своим сообщникам и рассказывает о возникнувшей проблеме. Ему рекомендуют отвлечь внимание сыщика, не стесняясь в средствах. Отсюда и аномальная щедрость Раваша, который не подает и стакана воды умирающему ребенку.

Короче, граф бьется в панике и даже не успевает переобуться. Я же замечаю, что на его ногах — дорогие сапожки из воловьей кожи. В таких очень удобно лазить по крышам и стрелять из наборных луков.

Кстати, я еще тогда подумал: вот здорово, если бы убийцей оказался твой брат, милая Юласия. И оказался прав.

Узнав от тебя, что Ходжа Наследи собирается в длительное путешествие, Раваш решает последовать за ним. Для отвода глаз и, что самое важное, — чтобы убедиться в моем отсутствии. А вдруг я внезапно вернусь и застукаю наркодельцов на горячем?

Когда живовоз прибывает в Вовел-Крик, графу звонят на мозгомпытер и радостно сообщают, что товар возвращен. Раваш в восторге расплачивается с детективом и поворачивает домой. Но в то же время он понимает: когда-нибудь мудрейший Ходжа Наследи догадается, кто на самом деле убил Марию бель-ал Сепио и почему! Вместе с подельниками он решает устранить ничего не подозревающего сыщика.

Наркоторговцы без сомнений имеют разветвленную сеть агентов и помощников. Они мгновенно находят в Вовел-Крик наемного убийцу и сажают его на поезд. Чтобы отвести подозрения от графа, киллер одевается гоблином-индейцем. Ему надлежит зарезать Ходжу под видом ограбления, чтобы не бросить подозрения на графа. Благо, за несколько часов до этого кочевники совершили нападение на станцию.

Детектив лишь чудом остается жив (я не вспоминаю при Юласии свои постельные похождения). А если жив — значит необходимо попытаться еще раз.

Оборотни Раваша звонят в Дубльвилль, и заказывают еще одного специалиста. Тот стреляет сыщику в голову, видит брызги крови и удаляется прочь. Самонадеянность его подводит, кстати говоря. Убийца использует серебряную стрелу и очень уверен в своих способностях. Работает несомненный профессионал — Ходжа Наследи был бы уже давно мертв, если бы ему на плеч не нагадила подлая пташка.

Юласия, куда ты собралась? Осталось еще немного истории.

Раваш узнает, что детектив мертв, и продолжает заниматься темными делишками. А бедный сыщик набивает шишки, разыскивая убийцу Марии бель-ал Сепио, не подозревая, что преступник находится под самым его носом.

У меня все.

— Какие еще у тебя доказательства? — спросила госпожа инспектор, хмуро взирая на брата.

— Больше никаких. Но если дашь мне несколько дней — принесу тебе целый ворох бумаг с описанием преступлений Раваша. И еще вещдоков насыплю в придачу.

— Не надо, — испугалась моя бывшая жена. Как бы там ни было, а ее родной братишка

все же не замыслил убийство невинной девушки (покушения на мерзкого сыщика во внимание, конечно, не брались). Надо графику помочь – вывезти из города и, под видом облав на наркоторговцев, попытаться отчистить физиономию семьи дел-ар Пиллио. – Я уже открываю расследование.

Инспектор активировала камень-кнопку на служебном Зерцале Душ и забормотала в него распоряжения.

Вскоре кабинет заполнили оборотни в погонах. Они профессионально упаковали графа в магические браслеты и увели. Когда закованный в кандалы Раваш проходил мимо, в моих ушах звучали не проклятия, а божественная мелодия триумфа.

– Должна признать... – пробормотала Юласия, рассеянно поводя пальцем по столешнице. Затем она глянула на меня, вспомнила, что я – бывший муж, и пронзительно закричала: – Вон из моего кабинета, хитрый лис! И чтоб духу твоего не слышала! Не то будешь сидеть в соседней с братом камере!

На этих нотах моя партия закончилась, и я ретировался из Управления Полиции. Но не забыл заскочить по дороге в Архив и лабораторию. Открывшейся там информации оказалось достаточно, чтобы с уверенностью в восемьдесят процентов назвать загадочного убийцу семьи бель-ал Сепио.

Родной фитильмобиль покорно принял громадную порцию отборнейших ругательств, но добрых полчаса не заводился. Когда я приготовился полезть в багажное отделение за топором, фитиль внезапно принял порцию чесночного спреда и повез меня домой. Все как обычно.

В квартире меня ожидал неприятный сюрприз. Под дверью торчал молодой посыльный из Главного Мозгомпытерного Центра Валибура. Он нервно мялся и теребил в руках запечатанный конверт со штампом «Сверхсрочно. Дело государственной важности!».

– Что у вас? – спросил я холодея.

– Сверхсрочка, – отчеканил парень.

– Откуда?

– Региональный Сервер города Дубльвилль. Тем недавно случилось массовое вторжение через Границу. Демоны захватили большую часть города и готовятся к наступлению.

– Быть того не может... – мои руки дрожали. – Кто прислал?..

– Госпожа Натоли бель-ал Сепио. Берете? Будете отсылать ответ с личного мозгомпытера или передадите через меня? Напомню, что сообщение между Серверами проходит в двести шестнадцать раз быстрее, чем по обычной мозгомпытерной связи.

– Благодарю, но нет. Скорее всего, я отправлю лично.

Посыльный слегка пожал плечами и двинулся к служебному фитильфургону. А я осоловело таранился ему спину форменного коричневого цвета.

Дело пахло очень плохо.

22

Снова Дубльвилль

Вокзал Дубльвилля был набит до отказа. Толпы беженцев беспорядочно носились туда-сюда, учиняя панику и невероятный шум. Оборотни тащили громадные тележки, доверху наполненные матрацами, диванами, комодами, кастрюлями и малыми детьми. Кое-кто припер свое состояние на лошадиных повозках и фитильмобилях. Рядом с залом для ожиданий навалили исполинских тюков с провиантом, теплой одеждой и кухонной утварью. Рядом темнели бочки с амброзиумом и пивом. Везде сидели и лежали покрытые копотью и кровью жители городка: много искалеченных, раненных, увечных.

Даже вдали от Границы, отделенной от города кряжистыми гребнями каменных холмов, я увидел густую пелену дыма. Кое-где плескались высокие струи магического пламени. Горела стена Границы и, оставалось надеяться, что в ней не проделали столько

брешей, чтобы захватить Дубльвилль в ближайшее время.

– Дайте закончить расследование, а тогда уже вторгайтесь, – прошептал я, остановившись на подножке живовоза и всматриваясь в пылающую даль.

Вокзал стenal и плакал женскими голосами. Вокзал голосил от детской обиды и непонимания. Везде смута, безрассудство и вопли. Перроны напоминали гигантский базар – везде какие-то шмотки и масса ненужных вещей.

– Наборы для выживания в пустыне! – повизгивал какой-то греmlin, волоча за спиной увесистый мешок. – Замороженная вода, брикеты крови, спички...

Как и везде во всех мирах, едва начиналась война, мгновенно появлялись желающие на ней заработать. И гремлины всегда считались первыми в этом неблагородном деле.

– А зачем мне твой набор? – спросил краснощекий мышоборотень в желтой косоворотке и с длинной рапирой на поясе. – Мы в город едем, будем стены защищать.

– Как зачем? – греmlin почуял клиента и мгновенно сбросил свой мешок. Из недр холщового исполина показались продолговатые коробочки. – А вдруг живовоз попадет в аварию? А если индейцы нападут, и придется убегать в пустоши? Как там будешь жить? Пси-мошками питаться?

Мышоборотень почесался в затылке.

– И то верно, – сказал он. – Не хочу умереть голодной смертью. Давай мне два набора.

– Десять бронзо-слитков.

– Чего? Да это же целое состояние! Впрочем... – задумался дядька, – жизнь бесценна. Пожалую денег сейчас – умру потом. На, держи свои деньги.

Коробки перекочевали к толстым пальчикам мышоборотня. Народ, наблюдавший за этой нехитрой сценкой, тут же ринулся к торговцу и мгновенно разобрал половину мешка.

Довольный коммерсант поковылял дальше. Я заметил, что на другом конце вокзала он вновь разговорился с тем же красномордым типом. Последовал такой же отработанный диалог.

– Вот сволочи! Беженцев обманывают! – мне никогда не нравились такие подлые стратегии рекламы какого бы ни было товара.

Когда я проходил мимо гремлина, то очень неосторожно врезался ему в спину. Маленький человечек с визгом полетел на колею и едва не попал в объятия бастарка. Дядька в косоворотке с криками ринулся выручать подельника. Ну ничего, пара лишних доз адреналина этим мошенникам не повредит.

Вопреки моим ожиданиям, у вокзала меня не встретил драгоценный Лумиль на фитильмобиле. Статуя убегающего парня на непонятной ездовой твари сочувственно посмотрела на меня.

– Не везет, – сообщил я статуе и принялся разыскивать такси.

В такое время торговаться не стоило, хотя извозчик – шуплый гоблин с лысой макушкой, опирающийся на колесо деревянной рикши, – заломил несусветную цену.

– За три серебряных можешь сам себя туда отвезти, – ответил он на мою неуклюжую попытку хоть как-то снизить цену.

– Нет, это ты скоро будешь себя возить, – я подтвердил свои слова кивком в сторону горячей Границы. – Когда демоны прорвутся, не останется и одного клиента. А на бесплотных духах и зомбах не слишком заработаешь.

Гоблин что-то помычал, но согласился на трешку. Все равно эта цена раз в двадцать превышала истинную себестоимость перевозки.

Мы неспешно покатали по бушующему городу.

Сразу за вокзалом, где находились руины, в теле пограничного городка зияла громадная рана. Все дома, теснившиеся когда-то вокруг «Игорного дома для умников», превратились в безжизненные головешки и груды камней. Над ними паровал горчичный запах дыма и растерзанных тел. Везде оторванные конечности, сломанное оружие, засохшие пятна крови. Создавалось впечатление, что сюда угодила многотонная заряд магической бомбы. Имелись характерные следы: спиралеобразная воронка с оплавленными краями.

Даже брусчатка кое-где превратилась в стекло.

– Что тут случилось? – спросил я.

– Какой-то тип из столичных, – гoblin будто выплюнул это самое «столичных», и меня аж перекосило, – разворошил гнездо Хаоса. На следующий день, утром, когда полицейские опечатали казино и убрались вон, из-под земли полезли демоны. Так много, точно из самых Дальних Кругов...

Извозчик, или вернее сказать, – носильщик рикши еще о чем-то бубнил. Я же содрогался от ужаса. Невероятно! И почему никто не догадался, что под заведением покойного виконта может прятаться целый отряд клыкастых бестий?

Город медленно уплывал на юг. Чем ближе к северу, тем меньше встречались взбудораженные горожане. Кипела неслабая работа. Везде заколачивали окна и двери, массово резали скот. Пшеничные поля к тому времени уже превратились в черно-белые проплешины угля и пепла. Рубились и сжигались деревья, уничтожались запасы провианта. Никто не хотел оставлять проклятым демонам хоть капельку поживы.

Вокруг Мэрии работа просто кипела. Здание разбирали по кирпичикам, а камень увозили куда-то на север. Извозчик объяснил, что на таможенном пункте строят баррикады.

Ликор бель-ар Торинно руководил обороной города, не поднимаясь с излюбленной скамейки. Вездесущие птицы вились над седой головой Мэра, принося какие-то свитки и улетаю обратно. Центральная площадь Дубльвилля посерела от многочисленных бомбардировок помета. Вот бы бросить птичек на армию демонов! Было бы весело.

Я приказал остановиться и подошел поздороваться с бойким старичком. Мэр принял меня радушно, и мы слегка разговорились.

– Что тут случилось?

– О, много чего, молодой человек, – Ликор отправил следующего голубя и посмотрел на меня темно-синими глазами. – И, боюсь, вы в некотором роде стали виновником вторжения демонов.

– Я?!

– Конечно. Хват-майор Зубарев в деталях описал мне разгром казино. Должен отметить, вы хорошенько потрудились. Молодец! Герой!

Я старательно покраснел, изображая, что стесняюсь лести. На самом деле душа наполнилась триумфом. То ли еще будет, когда поймаю фамильного убийцу бель-ал Сепио! Правда, мне это не представлялось возможным. Пока что. До поры до времени.

Старик добродушно похлопал меня по плечу.

– Эх, молодость... Когда-то и мне удавалось изредка быть вот таким же сорвиголовой. Теперь же стараюсь побольше работать мозгами.

– Вы о чем, глубокоуважаемый Ликор?

– Неужели вам так трудно было догадаться, чтобы сообщить мне о логове демонов в самом центре города? Мы бы подняли на ноги все полицейские и армейские силы. Даже таможенники могли бы подключиться. Эх...

– Я слышал, утром следующего дня из-под земли показались несметные полчища тварей.

– Да, – тяжело вздохнул Мэр. – Никто и не представлял, что прямо у нас под задницами угнездились мерзейшие демоны. Донна-Муна оказалась плодотворной Маткой, и те детишки, которых вам удалось уничтожить в игорном доме, были только десятой частью ее приплода.

Я присвистнул.

– Нам так и не удалось сдержать атаку. Твари полезли еще перед первым восходом – когда большинство жителей крепко спят в кроватях. К тому же демоны были чрезвычайно подготовлены. Им удалось практически без шума захватить четыре квартала из девяти. К сожалению, горожане не смогли сдержать подлецов. Если бы не магический отряд хват-майора Зубарева, на месте Дубльвилля обитали бы только призраки. Демоны уничтожили всех живых и стремительно двигались на северо-запад, к окраине города. Предположительно, они стремились построить телепортационный круг на плато – там

отличное место для переброски большого количества воинов.

– Нет, дорогой господин бель-ар Торинно. Их не интересовал портал. Сволочи желали вторгнуться в поместье бедного Шамура, который обладает неким архиважным документом.

– Понимаю...

– А что же случилось дальше? – поинтересовался я. Поместье бель-ал Сепио не могло долго ждать, но мне надлежало узнать обо всех подробностях атаки.

– Господин Газер, подчиненный хват-майора Зубарева, – продолжил Ликор, – во славу всех богов и Священного Расписания оказался отличным магом. Каким-то образом он связался с таможенным постом и вызвал оттуда башню магической защиты. Видя, что мы не в силах обороняться, оперативники приказали всем спрятаться в подземные укрытия, и активировали самоуничтожение башни.

Я вытаращил глаза.

– Да-да, – снова вздохнул старик. – Я понимаю, что реликтовое излучение магии чрезвычайно опасно и пройдет немало лет, пока экология восстановится... Эх, у нас был чистейший городок по ту сторону гор Хаоса...

– Соболезную. Надеюсь, вследствие взрыва не погибли мирные жители.

– Конечно нет! Если имелись глупцы, пожелавшие остаться дома – это их проблемы. Шестьдесят три процента горожан счастливо добрались до вокзала и сейчас эвакуируются.

– Демонов, конечно же, уничтожили.

– Вроде того... – посерьезнел Мэр. – Кто-то мог и уцелеть, особенно на северо-западе. Но у нас не осталось ресурсов, чтобы преследовать недобитки армии врага.

– Мне надо спешить! – воскликнул я, заскакивая в рикшу. – Скажите, вторжение на Границу началось после нападения на Дубльвилль?

– Да. Как только прозвучали первые звуки сражения, у кордона неожиданно появилась бесчисленная орда. У них не меньше десяти легионов крылатых тварей...

К словам старика я не прислушивался. Кровь стучала в висках, и я готов был схватиться за рукояти телеги вместе с извозчиком – только бы поскорее примчаться к поместью бель-ал Сепио. Если не успею, могу обнаружить только развороченные развалины и парочку кровожадных демонов, пирующих над трупами.

Как только донеслись первые звуки сражения, рикша позорно сбежал, оставив телегу мне на попечительство. Даже денег не попросил, бедняга. Что ж, неожиданная экономия всегда приятна для души небогатого частного сыщика.

Я бросился вперед, на ходу обрызгивая «Каратель» из купленного в городе пакета крови. Оружие успело зарядиться еще во время схватки в казино, однако не до конца. Сейчас клинок сыто побулькивал, впитывая спиралью парующую жидкость.

Стены поместья показались внезапно. Над ними курились дымки, в некоторых местах отсутствовала колючая проволока, а сверхпрочный кирпич покрылся глубокими трещинами. Башни магической защиты, ранее скрытые пологом невидимости, вертелись вокруг своей оси и поливали нападавших потоками смертоносных лучей. Ого, да господин Шамур кроме безопасности удела еще и позаботился о боевых нюансах.

Нетрудно догадаться, что атакующими были демоны. Изрядная толпа, численностью в две или три сотни голов, то накатывала на стены, то удирала прочь, оставляя безжизненные тела.

– Старик назвал их «недобитками», – проворчал я. – А кажется, что здесь бушует основная часть детишек Донны-Муны.

В небе парили ночные бурганы. Оба валибурских светила бессильно поливали их теплыми лучами. Но крыланы совершенно не боялись дневного света – налицо соединение генов оборотня-виконта и его паршивой демоницы-жены.

Десятки покрытых шипами землероек пытались осуществить подкоп. Но и тут оборонный гений господина Шамура не сплоховал. Перед фундаментами стен в широких кротовинах белели гранитные глыбы. Их обычными когтями не возьмешь. Молодец, бель-ал Сепио!

Визжали горластые прыгуны. Они пока бездействовали, поскольку годились только для ближнего боя. Но их количество впечатляло.

Четыре исполинских демона, размерами со средний фитильфургон, медленно надвигались на бастион поместья. По ним, из маленьких бойниц лупили разрядами магарбалетов. Впрочем, магия не действовала на гигантов. Толстая шкура трещала под сиреневыми разрядами, брызгал растопленный жир. Но стенобитные демоны продолжали идти. Следом бежали пехотинцы – легковооруженные рогачи с секирами, алебардами и длинными серпами.

Ворота приспешники Хаоса почему-то не трогали. Рядом с калиткой толпилось несколько демонов, но атаковали они без особого рвения. Рядом валялся обугленный таран, расщепленный неведомой силой почти надвое.

Если кто-то из атакующих неосторожно приближался к калитке, оттуда выстреливала окровавленная лиана. Она мгновенно хватала зазевавшегося подлеца за ноги. Пойманный демон стремительно исчезал в черном проеме двери. Оттуда неслись предсмертные крики и хруст ломающихся позвонков.

На левом фланке маленькой армии бесновались грудастые фурии. Они так и стремились в атаку, то и дело бросаясь вперед. Впрочем, командир демонов, кем бы он не оказался, был явно не дурак. Безмозглых фурий приковали за шеи к тяжелой каменной глыбе. Едва какая-нибудь из девочек прыгала к стене, ошейник сдерживал ее и бросал обратно. Постоянно слышались крепкие шлепки и отборная брань женскими голосами. Да уж, демоницы никогда не отличались особым интеллектом.

– Что же делать? – меня охватила паника. Даже самый безрассудный демон не попытался бы прорваться сквозь такую толпу.

Меня прикрывал зеркальный кокон, то бишь невидимости. Но у стен образовалась такая давка, что пройти не казалось возможным.

Стенобитные демоны подошли вплотную. Твердые лбы уже почти коснулись стен. Головы приподнялись, приоткрывая маленькие глазки под короткими челками щупалец. Это позволило защитникам провести контратаку. Из бойниц сделали дружный залп.

Тяжелые древка магарбалетных болтов ударили чудищ. Большинство колдовских снарядов отбились от непроницаемых черепов. Но одна стрела попала в цель. Повитый магией наконечник глубоко вошел в глазницу ближайшего к воротам «тарана». Он нес внушительный заряд смертоносного колдовства, который незамедлительно взорвался в черепной коробке исполина.

Демон заревел, запрокидывая голову. Из ноздрей, ушей и глаз вырвались густые потоки кипящей крови – болт взорвал противнику мозги. Гигант забился в конвульсиях, отскочил, насколько позволял многотонный вес, назад и оказался в гуще своих сородичей.

Только кости затрещали да хлынула кровь. Умиравшее чудовище билось в конвульсиях, разбрасывая демонов и растирая их тела под многотонной тушей.

– Вот и шанс! – я устремился образовавшуюся брешь.

Исполин за моей спиной завалился на бок и еще несколько мгновений сучил окровавленными лапами. Демоны разъяренно завывали и бросились вперед.

Среди врагов оказались колдуны. Откуда-то с задних рядов атакующих понеслись крупнокалиберные заклятья. Ослепительные молнии заиграли на колючей проволоке, кирпич затрещал, посыпалась известь. Одна из бойниц взорвалась, оттуда брызнули осколки безнадежно сломанного магарбалета. Они были покрыты алым, и я надеялся, что погиб не кто-то из моих знакомых.

Демонам ответили башни магической защиты. Воздух заискрился, и вдруг пошел изумрудный снег. Меня от знакомства со снежинками предохранял силовой кокон, а вот некоторым врагам не повезло. Каждый, кто угодил под магический снегопад, мгновенно покрывался струпами и с криком валился оземь. Демоны катались по земле, безуспешно пытаясь выдрать из кожи призрачных трупоедов – ядовитых червей, убивающих любое живое существо за считанные минуты.

Поскальзываясь на окровавленной траве, я приблизился к воротам.

– Меня невидимос-стью не проведешь! – злобно прошипели из калитки.

Мне в грудь ударилось что-то тяжелое, и я упал, с ужасом ощущая, что несусь куда-то вперед. Щиколотки едва не взорвались от боли – на них захлестнулся толстый зеленый удав, покрытые изогнутыми колючками.

– Насс!!! – заорал я что есть мочи. – Это Ходжа Наследи...

На меня стремительно опускался алый бутон, в котором поблескивали длинные клыки.

23

Фамильный убийца

Внимание!

Самая интересная концовка, в которой указан загадочный убийца и еще кое-что занятное, удалена. Желаящие могут прислать свои предположения на мыло Владимира Михальчука и в ответ получают развязку. При условии, конечно, что данный текст нигде не будет опубликован в сети! Кстати говоря, более двухсот человек получили вторую и третью части цикла «Клыки на погонах» и никто из этих замечательных граждан нигде ничего не опубликовал! Уважаем!

Гильдия Смертоносцев или Гильдия Убийц – профсоюз свободных киллеров, занимающихся «бизнесом» на территории Валибура. Считается одним из самых дисциплинированных деловых сообществ. Справно выплачивает налоги и частично выполняет государственные заказы. (упоминается также в романе «Вернуть себе клыки», Ленинградское издательство, 2010 г.)

Выдроборотень – оборотень, наполовину человек, наполовину выдра.

ГУпНИКИС – аббревиатура обозначающая Главное Управление по Несанкционированному Использованию Колдовства и Иррациональных Сил. Со времен четвертой войны с Хаосом ГУпНИКИС курирует Полицейское Управление и другие структуры, отвечающие за безопасность Валибура.

Феминизм-арборизм – невероятно популярное среди энтов женского пола течение. Энтины выступают за равенство полов и устранение различий между кастами березовых, липовых и дубовых. Арборизм – от arbor, что значит «дерево» в переводе с латыни, древнего языка соседнего малоразвитого мира.

Териантроп – от термина «териантропия». Териантропия в необоротневых странах считается чем-то вроде болезни. На самом деле это возможность живого существа изменять свою внешность, части тела и вообще материю клеток, превращаться в животное. Наиболее известными представителями териантропии считаются вервольфы – люди-волки. Большой Мир, в котором находится Валибур, населен настоящими оборотнями, наполовину измененными существами, похожими на людей. От обычных смертных они отличаются наличием хвоста, способностью к очень долгой жизни и невосприимчивостью к большинству видов любого оружия. Убить оборотня можно лишь с помощью сильнодействующих ядов, серебра или магии.

Если кому-нибудь стыдно, и он не знает, что такое диатриба, – дадим подсказку. Согласно гречневскому (или как-то так) языку соседнего малоразвитого мира, диатриба – желчная критика, основанная на личностях.

«Колдочко» – самая известная карточная игра в Валибуре. Играют колодой в 112 карт, бросают кости и крутят волчок. Правила настолько сложны и запутаны, что игроки проводят не одну сотню лет, чтобы обучиться простейшим приемам. Если автору не будет лениво, эта игра, возможно, появится в какой-нибудь из книг о Валибуре. Кстати говоря, «Краткий справочник по «Колдочку» состоит из четырех тысяч пятьсот четырнадцати страниц.

Этот «вирш» действительно написан за четыре минуты и без лишних размышлений.

Техническое описание полиморфорукия вместе с «Контрольной работой слушателя

Курсов Самых Младших Офицеров, Андреиласкасса харр Зубарева» можно найти в книге В. Михальчука «Клыки на погонах», Ленинградское издательство, 2010 г.

**В. Михальчук, А. Скорняк «Полный дом смерти» (Частный детектив
Ходжа-1)**